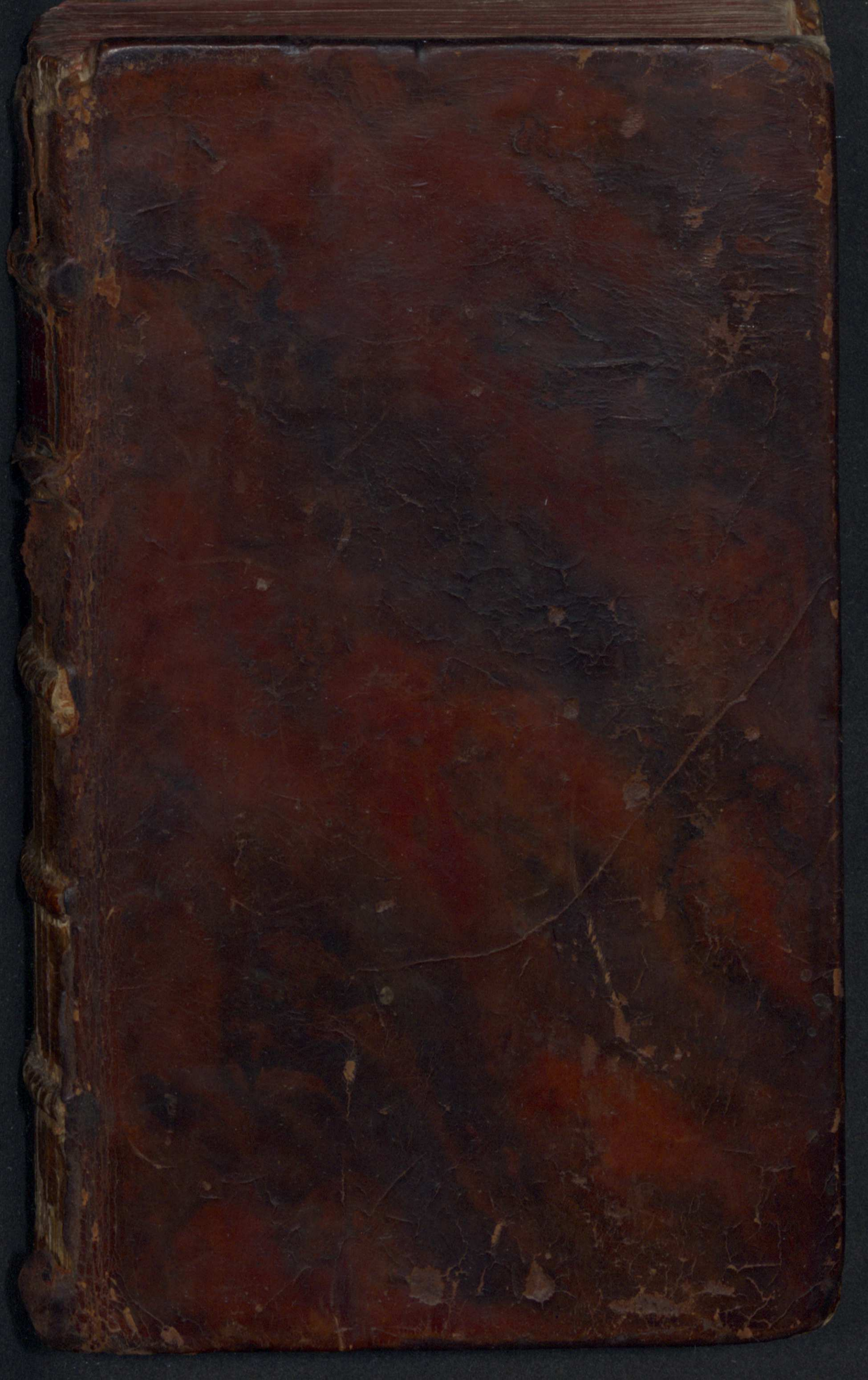


ПОДЗЕМНОЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЕ

Исторію разнородныхъ съ удивительными и неслыханными свойствами животныхъ, такожъ образцевъ житья и домостроительства оныхъ,

КОТОРОЕ

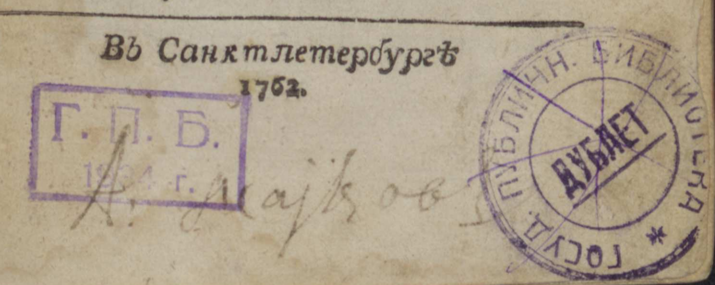
Съ чудными и разнопревратными похожденіями чрезъ двѣнатцать лѣтъ отправя, наконецъ въ Копенгагенѣ на Латинскомъ языкѣ на свѣтъ издалъ

НИКОЛАЙ КЛИМЪ

бергенской студентъ, подземной герой и послѣ бывшей бергенской же крестовой кирхи пономарь;

а на Россійской языкъ переведено ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Кабинетъ Переводчикомъ, что нынѣ Коллежской Асессоръ Стефаномъ Савицкимъ.

Въ Санктпетербургѣ
1762.



НИКОЛАЯ КЛИМА

ПОДЗЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ГЛАВА I.

О низшествіи Климовомъ въ преисподнія Мѣста.

Въ 1664 мъ году, когда я въ Копенгагенской академіи, послѣ учиненнаго мнѣ двукратнаго эксамена выслужилъ себѣ, по приговору философскаго и богословскаго трибунала, характеръ называемой похвальной, вздумалъ приготовлять себя, къ возвращенію въ мое отечество, и для того погрузился на корабль, будучи, правда, въ философіи и богословіи гораздо знатенъ, только деньгами бѣденъ; и мнѣ подлинно общая была доля, съ другими Норвежскими студентами, которые обращаясь въ промыслахъ наукъ, обыкновенно

домой возвращаются голы. Наономъ корабль, плывучи мы способнымъ вѣтромъ, чрезъ шесть дней къ бергенской пристани благополучно пристали, и такъ я возвратясь въ мое отечество ученнѣйшимъ, правда, но бѣднѣйшимъ прежняго человѣкомъ, чрезъ нѣсколько времяни вспомогательствомъ родственниковъ моихъ нищетскую, хотя и не въ лѣности, и не безъ пользы моей провождалъ жизнь, ибо я для просвѣщенія себя экспериментами въ физикѣ, въ которой мною изрядное положено было основаніе, и для изслѣдованія природы земель, и внутренности горъ, ни какихъ наиприлѣжнѣйшихъ не оставливалъ опытовъ. Ни одной для меня не было толь трудной каменной стремнины, на которую бы я вздираться, и ни одной не оставалось толь крутой и глубокой пропасти, въ которую бы опускаться не покусился, вездѣ желая видѣть, нѣтъ ли гдѣ чего любопытнаго, и къ физическому испытанію достойнаго, ибо подлинно въ отечествѣ нашемъ безмѣрно много есть такихъ вещей, которые не только глазамъ, но и слуху нашему неизвѣстны, и которые, ежелибы во Франціи, въ Италіи, въ Германіи, либо въ другой какой, къ обьявленію диковинокъ склонной, и хвастливой землѣ были, тоужебы мы давно ихъ не только слышали и на писмѣ читали

ли

ли, но и изображенія бы ихъ видѣли. Между такими крайнѣ по моему разсужденію достопамятными вещами, была у насъ одна обширная и крутая пропасть, на верху горы, которую тамошніе жители называютъ Элоень. И понеже изъ челюстей сея пропасти, по перемѣнкамъ происходилъ тонкой и не безпріятной воздухъ, да такъ что она казалась, будто бы вздохами своими, иногда устье свое разширяетъ; а иногда съуживаетъ, то ученые Бергенскіе люди а особливо славной Абелинъ, и Конректоръ Магдебурскаго училища Эдвардъ, весьма въ астрономіи и физикѣ искусной человѣкъ, разсуждали сѣ вещію, для философскаго изслѣдованія крайнѣ достойною, и для того немогучи постарости своей сами о природѣ оной обстоятельно освѣдомиться, часто согражданъ своихъ къ тому побуждали, а особливо потому примѣчанію, что упоминаемая пропасть, будто бы по уреченнымъ взаимствамъ, примѣромъ дышущаго человѣка, производила дыханіе и отдышку. между чемъ, когда я какъ по возбужденію помянутыхъ людей, такъ и по своему собственному разсужденію, принялъ мысль въ оную пропасть опуститься, и о томъ сообщилъ нѣкоторымъ своимъ пріятелямъ, то имъ мое предпріятіе весьма ненравилось, и они мнѣ его называли предпріятіемъ,

безумнаго и отчаяннаго человѣка. Однакожъ моя отвага, чрезъ всѣ тѣ ихъ рѣчи, не только превращена, ноималопреклонена быть никакъ не могла, и чемъ они отвратить меня отъ моего намѣренія старались, тѣмъ самимъ большее ктому чинили мнѣ поощреніе, ибо вселившаяся во мнѣ къ изслѣдованію натуральныхъ вещей безмѣрная охота на всякое бѣдство меня отважала; а особливо когда еще и самое нищетское мое состояніе, всю обо мнѣ жалость изъ меня исключало, ибо карманъ мой совсѣмъ былъ пустъ, и ужѐ несносно мнѣ казалось, быть участникомъ чужаго куска, живучи въ своемъ отечествѣ, гдѣ я видѣлъ, себя безъ всякой доброй надежды, къ вѣчной нищетѣ осужденымъ, такъ что кромѣ чрезвычайно отважной какой ни есть выслуги, никакова мнѣ пути къ полученію чести и довольства вжизни моей не оставалось. И такъ принявъ я, непреклонное въ намѣреніи моемъ упрямство, и приготовя для сей Экспедиціи всѣ потребности, въ одинъ четверговой день, когда небо было ясное и не дождливое, поутру рано вышелъ изъ города съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ исправя свое дѣло, можно было еще засвѣтла назадъ возвратиться, не вѣдая предбудущаго со мною случая, что я здѣлавшись другимъ фаэтономъ, стремглавъ по

про-

пространству воздуха лѣтать буду, и провалюсь на другой свѣтъ, изъ котораго, развѣ чрезъ десять лѣтъ тамо поскиташавшись, отечество и пріятелей своихъ увидѣть мнѣ достанется.

Экспедицію сію принялъ я 1665 года при правителяхъ бергенскихъ Иванѣ Мунтѣ и Лаврентій Северини, а при ратсгерахъ Христіянѣ бертолдѣ и Лаврентіи Шкандѣ Меня провожали четыре нанятые человѣка, которые несли съ собою потребные, для опусканія багоръ и веревки, мы прямо шли къ Самлаику, чрезъ которой весьма способно можно всходить на гору. Взодравшись на вершину горы, и пришедъ на мѣсто, гдѣ смертоносная оная находилась пропасть, утрудившись скучнымъ путемъ, сѣли мы начасъ позавтрикать. Въ то время духъ мой, какъ бы предвозвѣщая мнѣ будущую бѣду, началъ сперва унывать во мнѣ, и для того я оборотясь къ своимъ товарищамъ сталъ спрашивать, кто изъ насъ перьвой хочетъ въ пропасть опуститься? но какъ ни кто на то не вызвался, то унылая моя смѣлость опять ожила во мнѣ совершенно, и я тотчасъ велѣлъ себя обязать веревкою, и приготовясь къ путешествію, душу свою поручилъ богу. Опускаясь въ пропасть приказалъ я своимъ товарищамъ, что имъ

со мною дѣлать должно: то есть чтобъ они опущали веревку до тѣхъ поръ, пока голосъ мой заслышать могутъ, а когда я закричу, то они бы остановились. И ежели крикъ отъ меня продолжаться будетъ, тотчасъ бы меня вонъ вытаскивали. Притомъ я въ правую руку взялъ багоръ, которой мнѣ нуженъ былъ для того, что ежели въ опусканіи моемъ случились бы каковы препятствія, можнобъ было онымъ отвращать и притомъ содержать себя по самой срединѣ пропасти. Но не знаю опустился ли я на десять, либо на двенатцать локтей только, какъ веревка обязанная на мнѣ перервалась. Сей бѣдственной случай извѣстенъ мнѣ сталъ изъ воспослѣдовавшаго наемщиковъ крику и вою, которой однако, тотчасъ изъ ушей моихъ пропалъ, для того что я непонятною скоростію полѣтѣлъ въ глубину, и будто другой плутонъ, съ однимъ только тѣмъ различіемъ, что у меня въ рукахъ былъ багоръ а не скипетръ, стремился по разверзстой землѣ въ преисподній тартаръ. Такимъ образомъ около четверти часа, сколько мнѣ въ тогдашнемъ смущеніи духа упамятовать было можно, обращался я въ непрозрачной темнотѣ, и непрестающей ночи, пока наконецъ блеснула мнѣ въ глаза самая тонкая свѣтлость, разсвѣту дневному подобная, и между тѣмъ появилось свѣтлое и красное небо, и такъ

въ

въ безуміи моемъ думалось мнѣ, будто бы я изъ ямы выброшенъ былъ назадъ, либо чрезъ отбиваніе подземнаго воздуха, либо силою противнаго вѣтра. И будто бы сія пропасть, чрезъ взаимство своего дыханія на прежнюю землю меня опять выкинула, однакожъ притомъ и солнце тамошнее, и небо и другіе звѣзды были мнѣ дикими явленіями, для того что они всѣ, предъ свѣтилами нашего неба, были поменьше. Чего ради вторично думалъ я, что либо вся новаго онаго неба машина, мнѣ оказывалась въ одномъ мозгу моего привидѣнія чрезъ закруженіе моей головы причиненномъ, либо что я ужѐ умеръ, и переходилъ въ жилища покойниковъ, толькожъ послѣднему моему мнѣнію, тотчасъ принужденъ я былъ самъ смѣяться, когда видѣлъ себя багромъ вооруженнаго, и долгой веревочной хвостъ за собою влекущаго. Вѣдая довольно, что на тотъ свѣтъ идущему человѣку ни веревки ни багра съ собою несть не надобно, да и что я не могъ бы конечно горнымъ жителямъ чрезъ то быть нравенъ, ежели бы они увидѣли меня въ ономъ приборѣ, примѣромъ Титана, будто Олимпъ завоевать и ихъ оттуду низвергнуть стремящагося. Наконецъ одумавшись по самой справедливости разсудилъ совершенно, что я слѣтѣлъ въ подземное небо, и что истинной

по всему

по всему есть догадъ тѣхъ людей, которые утверждаютъ землю во внутренности пустою, и между коркою своею еще другой мiръ, по меньше нашего содержащею, гдѣ также и другое находится небо, какъ солнцемъ и звѣздами, такъ и планетами украшенное. И въ семъ какъ я попалъ на самую истинну, засвидѣтельствовало самое дѣло.

Оное стремленiе, которымъ я стремглавъ несенъ былъ, гораздо долго надомною продолжалось, пока я наконецъ почувствовалъ въ немъ ослабѣнiе, въ приближенiи моемъ къ одной планетѣ, или къ нѣкоторому небесному тѣлу, которое въ низлѣтѣнiи моемъ перьвое мнѣ попалось ѣ стрѣчу. Оная планета мало помалу столько въ видѣ моемъ взросла, что я напослѣдокъ, чрезъ густѣйшую нѣкоторую, окружающую еѣ Атмосферу, и горы и раздолы, и моря не трудно разспознать могъ, ибо я какъ птица около береговъ морскихъ, или около рыбами окруженныхъ морскихъ камней, между земли и неба хотя и безъ крылья лѣтать принужденъ былъ.

Въ то время примѣтить мнѣ было можно, что я нетолько въ состоянiи былъ плавать въ небесномъ воздухѣ, но что и плаванiе

ніе мое, которое предъ тѣмъ было перпендикулярно, начало дѣлатся и циркулярное или круглое, чего ради поднялись на мнѣ отъ страха волосы, ибо я боялся, чтобъ мнѣ не обратится въ прямую планету, либо въ спутника близкой оной планеты, и чрезъ то невертѣтся бы по воздуху вѣчно. Однакожъ когда притомъ подумалъ я, что достоинство мое, чрезъ сію перемѣну никакова ущербу имѣть не можетъ, и что небесное тѣло, или спутникъ небеснаго тѣла, покрайней мѣрѣ можетъ соравниться съ голоднымъ студентомъ философіи, опять принялъ бодрость, а особливо когда помощію чистѣйшаго и небеснаго воздуха, въ которомъ я плавалъ, ни голодъ ни жажда меня не отягчали, однакожъ приведши я себѣ напамять, что у меня въ карманѣ, былъ хлѣбъ, у бергенцовъ *Больхенъ* называемой, которой обыкновенно либо овальной, либо со всѣмъ продолговатой дѣлается, разсудилъ оной вынявши отвѣдать, каковъ въ такомъ моемъ состояніи вкусъ его быть можетъ; но какъ лишь я вкусилъ онаго, тотъ часъ мнѣ затошнилось, и чрезъ то примѣтя, что мнѣ никакая земная пища сносна быть не можетъ, оной хлѣбъ какъ непотребную вещь отъ себя бросилъ прочь, которой однако и будучи брошенъ, не только въ

воздухѣ остановился, но что и выговорить весьма удивительно меншiи около меня кругъ описывать началъ, откуду совершенно извѣстны мнѣ стали движенiи законы, которые дѣйствуютъ, чтобъ всѣ тѣла въ равновѣсiи положеннныя, окружное себѣ получали движенiе; и тако сколько я доселѣ себя какъ игралище фортуны оплакивалъ, столько послѣ гордостiю надыматся началъ, видя себя не только простою планетою, но и еще такою, которая окружена вѣчнымъ спутникомъ, такъ что я нѣкоторымъ образомъ могъ себя считать между большими или первостатейными планетами, и объявляя мою слабость сказываю, что такая спесь въ умъ мнѣ тогда вселилась, что ежели бы въ томъ случаѣ, попались мнѣ въ стрѣчу всѣ совокупно консулы и ратсгеры бергенскiе, то на всѣхъ бы ихъ смотрѣлъ я съ презрѣнiемъ, такъ какъ на воздушную пыль, и не считалъ бы ихъ достойными ни моего поклона, ни порученiя моего имъ багра.

Въ такомъ состоянiи находился я почти цѣлые три дни, ибо когда обарачиванiе мое, непрестанно продолжалось около блиской мнѣ планеты, то я могъ различать дни и ночи, видя всегда какъ восхожденiе, такъ и захожденiе подземнаго солн-

ца

ца, хотя со всѣмъ тѣмъ никогда я тамъ такой ночи невидалъ, каковы у насъ бываютъ, для того что по захожденіи тамо солнца, обыкновенно является свѣтлое и багровое отъ всюду небо лунному свѣту подобное, каково происхожденіе разсуждалъ я изъ внутренной нашей земли поверхности или полукружія, которое сію свѣтлость отъ подземнаго солнца, въ центрѣ сего міра состоящаго заимствуетъ, и сіе мнѣніе воображалъ я себѣ, сколько мнѣ отомъ представляло нѣкоторое знаніе физическаго ученія, однакожъ въ то самое время, когда я чрезъ такое мое благополучіе, къ самимъ богамъ близкимъ себя думалъ, и когда видя себя новою небесною звѣздою казалось мнѣ, что я вмѣстѣ съ окружающимъ меня спутникомъ, астрономами близкой мнѣ планеты, записанъ буду вщетъ прочихъ звѣздъ, вдругъ нечаянно появилось предо мною, Превеликое крылатое страшилище, которое то справаго, то съ лѣваго моего боку, то опять съ головы и съ затылка ко мнѣ приставало. Сперваго взгляду, почиталъ я оное однимъ изъ двенатцати подземныхъ небесныхъ знаковъ, а особливо желалъ, чтобъ ежели тотъ мой догадъ истинной, показанной знакъ, былъ знакъ дѣвицы, для того что изъ всего оныхъ двенатцати знаковъ

собранія, одинъ сей знакъ, то есть дѣвица, въ такомъ моемъ уединеніи, нѣкоторую помощь и утѣшеніе принесть могъ бы, но когда оное тѣло поближе ко мнѣ подвинулось, увидѣлъ я ужаснаго звѣря грифа, которой такимъ меня поразилъ страхомъ, что я забывъ себя самого, и звѣздное мое, въ которое недавно произведенъ я сталъ, достоинство, въ смущеніи моего духа, хватился вытащить только атестатъ данной мнѣ изъ академіи, которой тогда въ карманѣ моемъ случился, намѣревая оной обьявить встрѣшному моему непріятелю для знанія, какъ я въ академіи былъ экзаминованъ, и что я и нынѣ состою студентомъ, и еще баккалавромъ, которой всякаго нападчика судомъ побѣдить могу. Но послѣ успокоя первое мое смущеніе духа, когда помалу пришелъ я въ себя, самъ смѣялся своей глупости. одно только оставалось еще мнѣ сомнительство втомъ, на какой конецъ означенной грифъ за мною лѣтаетъ; непріятель ли онъ мнѣ, или пріятель? или, что ближе къ правдѣ, мнѣ казалось, хочетъ онъ мною, какъ новымъ явленіемъ любоваться; ибо видѣніе тѣла человѣческаго, обарачиваемаго на воздухѣ, и держащаго въ рукѣ багоръ, а позади себя влекущаго длинную на подобіе хвоста веревку, было такое явленіе,

которое и всякое безразумное животное, къ смотрѣнію своему привлекать долженствовало. необыкновенная сія фигура, была причиною и различнымъ рѣчамъ и догадамъ. Какъ послѣ я увѣдомился, у обывателей онаго круга около котораго я вертѣлся ибо философы и математики, почитали меня кометою, веревку вмѣсто кометнаго хвоста при мнѣ разсуждая, причемъ были и такіе, которые изъ толь необыкновеннаго приключенія провозвѣщали нѣкоторую бѣду людямъ, какъ то моровую язву, голодъ, или знатную какую ни есть перемѣну, а нѣкоторые еще и далѣ захватывая, тѣло мое, каковымъ оно изъ дальнаго разстоянія имъ казалось, наисправнѣе кистьми изобразить старались, такъ что я у нихъ и описанъ, и ограниченъ, и красками изображенъ, и на мѣди вырѣзанъ былъ, прежде моего въ кругъ оной низшествія. все сіе не безъ великаго смѣха изабавы слышалъ и видѣлъ я, когда послѣ будучи на ономъ кругѣ, научился подземнаго языка.

Между тѣмъ надлежитъ знать, что есть тамо кромѣ меня нѣкоторые нечаянно являющіяся звѣзды, у подземныхъ жителей называемые *Сцисцизы*, то есть волосатые, которые предвозвѣщаютъ ужасныя послѣдованія, своими кровавыми волосами,

на затылкѣ подобіемъ бороды или гривы висящими; чего ради неинако онѣ и тамъ какъ въ нашемъ свѣтѣ, чудесными явленіями почитаются.

Но возвращаюсь къ предложенію. Означенной грифъ, въ такое разстояніе ко мнѣ приближился, что ужѐ маханіемъ крылъ меня безпокоить, и зубами наконецъ ногу мою жестоко угрызать началъ, изъ чего и совершенно мнѣ обьявилось, съ какимъ онъ намѣреніемъ, меня новаго гостя настичь старался; я по сей причинѣ принужденъ былъ отъ сего сильнаго звѣря, оборонительною отходить рукою, и ухватя обѣмя руками бывшіи со мною багоръ, отражалъ нахальность непріятеля, принуждая его часто къ бѣгу, однако наконецъ когда онъ терзать меня не переставалъ, по перьвомъ, и второмъ напрасномъ на него замахѣ, такъ сильно вгрузилъ я въ спину между крылъ его багоръ мой, что ужѐ онаго и вынять мнѣ изъ него было неможно, чего ради сей пораженной звѣрь, ужасной испустя крикъ, стремглавъ упалъ на кругъ, а я скучась звѣзднымъ и новымъ моимъ достоинствомъ, которое посвѣтскому обыкновенію, различнымъ приключеніямъ и бѣдствіямъ разсуждалъ подверженымъ, также предался въ волю онаго крылатаго звѣря,

куда

куда онъ своимъ стремительствомъ меня тащить могъ.

И такъ лѣтѣлъ я съ нимъ безпорядочно и чрезъ великое пространство воздуха, упалъ на землю подобіемъ падающей звѣзды, которая хотя не падаетъ, однакожъ падающею кажется чрезъ что и недавно мною полученное окружное движеніе, опять обратилось мнѣ въ прямолинѣйное.

Симъ образомъ, чрезъ великое стремительство по противящемуся мнѣ густѣйшему отчасу воздуху, котораго журчаніе проникало мои уши, долго будучи тянутъ, наконецъ тихимъ и безвреднымъ паденіемъ на кругъ оной, вмѣстѣ съ лѣтучимъ звѣремъ я опустился, которой нѣсколько спустя умеръ отъ раны. Ночь была въ то время какъ я на сію планету снесенъ былъ, и сіе могъ я примѣтить только изъ того, что тогда невидать было солнца, а не изъ темноты для того, что тамо и ночью столько оставалось свѣтлости, что я при ней безтрудно академической мой аттестатъ прочитать могъ. Такова ночная свѣтлость происходитъ тамо изъ небесной тверди или изъ корки нашей земли, которая подземной свѣтъ окружая половиною своею такую свѣтлость, какую у насъ

луна

луна испускаетъ, чего ради ежели только разсуждать о свѣтлости, то тамо весма мало разнятся ночи отъ дней, кромѣ одного того, что ночью невидать солнца и что во время его отсутствія, ночи дѣлаются нѣсколько предъ днями постуденѣе.

ГЛАВА II.

О низшествіи тогожъ клима въ планету назаръ

Когда послѣ вышеобъявленнаго моего по воздуху плаванія здраво и безъ вреда попалъ я на кругъ: ибо стремленіе онсе съ каковымъ съ начала лѣтѣлъ грифъ, съ умаленіемъ силы своей ослабѣло: то я чрезъ долгое время лежалъ недвижимо, ожидая что мнѣ новое при разсвѣтѣ дня попадется, тогда примѣчалъ я, что прежніе немощи опять ко мнѣ возвращались и что мнѣ опять нуженъ былъ и сонъ и пища, чего ради немало уже сожалѣлъ я, что хлѣбъ свой безразсудно отъ себя бросилъ, причемъ будучи духъ мой различными печальми истомленъ, преглубокой навелъ на меня сонъ; такимъ образомъ крѣпко спалъ я сколько подогаду моему разсудить было можно, часа съ два, пока ужасной рыкъ возмущая мое спокойство наконецъ меня совсѣмъ разбудилъ: спящему

спящему мнѣ тогда различныя и удивительныя представлялись мечтанія; казалось, будто я въ Норвегію возвратился, и тамъ землякамъ моимъ расказываю о моихъ бывшихъ приключеніяхъ, потомъ показалось, будто я въ Фаненской кирхѣ слышу кричащаго діакона, котораго сильной крикъ наполняетъ и оглушаетъ мои уши; чего ради и проснувшись уже думалъ я, что конечно онъ то ревомъ своимъ разбудилъ меня. однакожъ послѣ, увидя недалече отъ меня стоящаго быка, иную узналъ я притчину въ нарушеній моего покоя, и тотчасъ устрашенные мои глаза, обарачивая на всѣ стороны, увидѣлъ при восхожденіи солнца, вездѣ зеленѣющіеся поля и плодоносные пашни, между тѣмъ представились мнѣ, и деревья удивительные взгляду, ибо онѣ были въ движеніи, хотя на дворѣ толь тихая была погода, что и самое лехчайшее перышко не могло двинутся. Когда оной ревущій быкъ прямо на меня шелъ, то я испугавшись искалъ куда бы отъ него бѣжать, и отъ того страху бросился къ одному, близко меня стоящему дереву, силясь на оное взодратся, но какъ только на него полезъ, тотчасъ оно испустило голосъ нѣжной, правда, но острой и такой точно, каковъ бываетъ обыкновенно усердящейся женщины,

ны, причемъ будто бы сильною ладонью, толь жестокая дана мнѣ пощечина, что я съ закруженїемъ въ глазахъ свѣта принужденъ былъ ницъ упасть на землю. симъ ударомъ какъ бы громомъ будучи пораженъ и отъ страху обмертвевши вдругъ услышалъ я превеликой отовсюду шумъ и молву, какова бываетъ во время многонароднаго собранїя на рынкахъ, а когда растворилъ я глаза мои увидѣлъ около себя цѣлой лѣсъ деревъ одушевленыхъ, и цѣлое поле ими, большаго и малаго возраста наполненное, на которомъ предъ тѣмъ видѣлъ неболѣе какъ около шести или семи оныхъ. я не могу изобразить совершенно, каково смущенїе отъ всего сего въ мысляхъ моихъ причинилось, и какими гадательствами наполненъ былъ духъ мой, иногда думалось что мнѣ безосна въ глазахъ грѣзилось, иногда, что мнѣ дѣлается о семъ привидѣнїе, и отъ злаго духа мечтанїе, а иногда и еще иныя воображалъ я себѣ мысли, однакожъ совсѣмъ тѣмъ не дано было мнѣ времени, о томъ далѣе изслѣдовать и разбирать мое мнѣнїе; ибо прискоча ко мнѣ одно дерево, опустило свою вѣтвь у которой на концѣ было шесть отросковъ, по подобїю ручныхъ перстовъ, и оными лежащаго меня падняло, и кричащаго потощило, съ последованїемъ за нами безчисленныхъ различ-

наго рода, и различнаго росту деревъ, которые всѣ голосъ и ворчаніе производили, хотя съ переборомъ, но для ушей моихъ оное все было непонятно, такъ что я отъ нихъ опричь частаго повторенія сихъ рѣчей: *Пикель Эми* ничего упомнить не могъ, а послѣ скоро услышалъ я, что онѣ чрезъ сіи рѣчи, означали меня необыкновеннаго вида обезьяною, ибо имъ и видъ моего тѣла, и платье мое утверждало, что я обезьяна, хотя лице мое, нѣсколько меня и отличало отъ обезьянъ въ сей землѣ находящихся, иные же изъ нихъ, между тѣмъ считали меня жителемъ тверди, котораго птицею туда занесеннымъ онѣ признавали, что у нихъ по свидѣтельству ихъ лѣтописцовъ, и прежде нѣкогда приключилось. Однакожъ я о семъ, ужѐ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ освѣдомился, когда научился подземнаго ихъ языка, а въ то время, какъ я ими пойманъ былъ, отъ страху и смущенія ума моего, самъ себя не помнилъ, и понять вовсе не могъ, что мнѣ объ оныхъ живыхъ, и рѣчистыхъ деревьяхъ думать, и чево изъ оной со мною церемоніи, которая весьма тихимъ ходомъ продолжалась, дожидать было должно: изъ однихъ только голосовъ и ворчанія ихъ, дознавался я, что онѣ гораздо на меня сердиты и ненавистны, и подлинно, не безъ важной причины, ибо де-

рево оное, на которое я бѣгучи отъ быка хотѣлъ взодраться, была жена одного градоначальника, которой судомъ и росправою вѣдалъ близко отъ туду лежащей городъ, и потому важность оскорбленнаго лица уважывала вину мою, когда я не простую, или мужичью женщину, но первостатейную госпожу, всенародно по ихъ мнѣнію хотѣлъ опозорить, въ чемъ у нихъ какъ у толь кроткихъ и стыдливыхъ людей, чрезвычайное и ужасное считалось позорище. На конецъ пришли мы въ городъ, въ которой меня вели какъ плѣнника; сей городъ былъ не меньше великолѣпными строеніями, какъ площадьми, улицами, и переулками чрезъ порядочное расположеніе весь изукрашенъ, въ немъ состояли толь высокіе и прекрасные палаты, что изъ дали показывали видъ знатныхъ башенъ. Улицы всѣ наполнены были ходячими деревьями, которые опущеніемъ своихъ вѣтвей другъ съ другомъ привѣтствовались, другіе же для оказанія знатнаго къ другому почтенія, оные къ себѣ прижимали, и такъ когда изъ одного нѣкотораго великолѣпнаго дому, въ тоже время случился выходъ дубу, то какъ скоро оной завидѣли другіе деревья, опустя многіе свои вѣтви назадъ отступали, изъ чего можно было догадываться, что оное дерево не простую у нихъ значило особу,

какъ

какъ я и дѣйствительно потомъ скоро увѣдомился, что тотъ дубъ былъ градоначальникъ, и еще тотъ самой, котораго женѣ почиталось отъ меня оскорбленіе. Послѣ чего тотчасъ подхваченъ я былъ на рукахъ во дворъ онаго градоначальника, гдѣ въ тожъ время затворили за мною на замокъ двери, чего ради я считалъ уже себя совершеннымъ плѣнникомъ. Страхъ сей премного умножали мнѣ поставленные у дверей трое караульныхъ, изъ которыхъ каждой по числу вѣтвей своихъ воруженъ былъ шестью топорами, ибо сколько у нихъ было вѣтвей, столько рукъ, и сколько отростковъ столько перстовъ. На верьху сихъ деревьихъ стволовъ, примѣчалъ я головы человѣческимъ головамъ подобные, а вмѣсто кореньевъ ихъ, видѣлъ я по двѣ ноги, которые были весьма короткіе, изъ чего и то происходило, что всѣ жители сей планеты, имѣли ходъ свой точно какъ черепахи, и для того ежели бы я отъ нихъ опущенъ былъ, то совершенно бы могъ избѣжать отъ ихъ рукъ, ибо превосходство предъ ними скорости ногъ моихъ, могло бы имъ представить меня лѣтающимъ.

Кратко сказать: я тогда уже откровенно видѣлъ, что помянутыя деревья были жители сея планеты, такимъ же

жакъ и мы разумомъ одаренные, и удивительно мнѣ было таково различїе, которымъ натура въ составленїи животныхъ любуется. Деревья сїи ростомъ предъ нашими поменьше, ибо иные изъ нихъ насилу превосходятъ и обыкновенную человѣческую мѣру, между имижъ нѣкоторые были и еще меньше, которыхъ можно бы назвать ихъ цвѣтами или травою, и оныхъ подогаду моему почиталъ я дѣтьми ихъ. Не возможно описать, въ какїе мыслей запутанности завели меня явленїя сїи, и коль великое у меня зделалось желанїе къ моему отечеству: ибо хотя сїи деревья, и оказывались мнѣ дружелюбными, чрезъ языкъ со общительными, и нѣкоторымъ видомъ смысленности одаренными, такъ, что нѣкоторымъ образомъ конечно между разумною тварїю считаться могутъ, однакожъ сомнителенъ я былъ признавать въ нихъ равенство съ человѣками, недумалось мнѣ чтобъ у нихъ было правосудїе, милость и другїе къ правамъ надлежащїе добродѣтели. Такою смутою мыслей моихъ будучи сокрушаемъ, чувствовалъ я во всей внутренности моей движенїе, и для того слезы по лицу моему ручьями проливались. Но когда такимъ образомъ попустилъ я себя въ жестокую печаль, и женской плачь поднялъ, вошли въ мою камеру поставленные

ные у меня караульные, которые въ разсужденіи топоровъ ихъ, казались мнѣ палачами, и взявъ повели меня чрезъ городъ въ знатной нѣкоторой домъ, посамой срединѣ города состоящій, и тогда мечталъ я себя диктаторское достоинство носящимъ. и Римскаго консула превосходнѣйшимъ; ибо въ провожаніи оныхъ Консуловъ, не больше двенатцати топоровъ только бывало, а я окруженъ былъ осматцатью оныхъ. При входѣ въ помянутой домъ, стояла рѣзною работою, образомъ дереважъ здѣланная статуя правосудія, держащая въ рукѣ вѣсы Видъ ея былъ дѣвической, лица строгаго глазъ острыхъ, и нилегкой, ни жестокой, но пристрашной нѣкоторой печали важностію украшенной. Чего ради откровенно я могъ потому видѣть, что то былъ сенатъ ихъ. будучи введенъ въ канцелярію, которой полъ выстланъ былъ блещащимъ шлифовальной работы мраморомъ, увидѣлъ я въ ней назолотомъ стулѣ какъ бы на престолѣ сидящее высокое дерево съ двенатцатью присутсвтвующими, которые съ правой и съ лѣвой стороны своего президента преизряднымъ порядкомъ на особыхъ стульяхъ сидѣли. Президентъ ихъ былъ средняго росту пальма; однако отъ другихъ судѣй ради разности своихъ листьевъ, которые различными цвѣтами были раскрашены, отличная

личная. его по обѣ стороны окружали двадцать четыре человѣка караульныхъ, изъ которыхъ каждой вооруженъ былъ шестью топорами, о какъ ужасно сіе въ глазахъ моихъ было видѣніе! когда изъ такого вооруженія, весь оной народъ разсуждалъ я кровопійцами.

Какъ скоро въ сіе судилище вшелъ я тотчасъ судящіе вставши, подносили къ небу свои вѣтьви, чрезъ что учиня свою молитву опять по прежнему садились. Послѣ чего представленъ я имъ былъ между двумя деревьями, которыхъ стволы покрыты были овечьими кожами. Я ихъ считалъ адвокатами, да онѣ и подлинно были такіе. Прежде нежели сіи адвокаты начали предъ судомъ рѣчь свою, тотчасъ завѣшены были темною нѣкоторою матеріею глаза президенту, и потомъ челобитчикъ имѣлъ краткую рѣчь строекратнымъ оной повтореніемъ, противу чего равноюжъ краткостію говорилъ и отвѣтчикъ. По окончаніи рѣчей ихъ, чрезъ полчаса продолжалось молчаніе, а послѣ снявши президентъ свое покрывало, всталъ, и поднесши опять къ небу свои вѣтьви, скромнымъ образомъ нѣкоторыя слова выговорилъ, въ которыхъ я разсуждалъ объявленіе на меня приговора; ибо по окончаніи

оныхъ

оныхъ словъ, повели меня въ ветхую караульню, гдѣ думалъ я что меня для способнѣйшаго къ наказанїю выводу посадили. въ оной оставшись я одинъ, и приведши себѣ напамять всѣ бывшїя со мною происхожденїя, смѣялся глупости сего народа, ибо мнѣ казалось, что онѣ лучше комедїю играли нежели суды производили, и все то что я у нихъ видѣлъ, поступки, украшенїя, способъ производства дѣлъ, ипротчее, достойнѣе разсуждалъ я назвать забавными игрищами, нежели важнымъ судебныхъ дѣлъ произвoдствомъ, и для того превозносилъ щастье нашего свѣта, и превосходство Европейцовъ больше всѣхъ другихъ людей, однако притомъ сколько ни ругалъ я темность ума, и глупость сего подземнаго народа, а принужденъ былъ признавать, что ихъ отъ безразумныхъ животныхъ отличить должно, ибо великолѣпность города, прїятной размѣръ строенїи ихъ, и протчее все, явственно доказывало, что сїй деревья не лишены разума, и некрайнїе въ художествахъ, а особливо въ механикѣ невѣжи. Да толькожъ всю ихъ добродѣтель и превосходство въ томъ одномъ и заключалъ я.

Такимъ образомъ, когда я самъ съ собою въ молчанїй разговаривалъ, вошло ко мнѣ одно дерево, держа въ рукѣ ланцетъ и роскрывъ мнѣ грудь и обнажа одну мою

руку, весьма искусно пустило мнѣ кровь, и когда оной изъ меня сколько ему казалось довольно вышло, опять мнѣ руку съ неменшимъ же искуствомъ обязало, и такъ отправя свою должность, и посмотря прилѣжно на кровь мою, съ молчанїемъ, и будто съ великимъ удивленїемъ отъ меня вонъ вышло, весь таковъ поступокъ, еще больше утверждалъ мое мнѣнїе, которое о безумствѣ сего народа, я, во ображалъ себѣ, однакожъ какъ скоро знакомъ мнѣ сталъ подземной языкъ, и истолковано все оное происхожденїе, ругательство мое, обратилось мнѣ удивленїемъ. судебное оное производство, которое безразсудно уничтожалъ я, такимъ способомъ мнѣ протолковано: изъ образа моего считали меня тамошнїе люди жителемъ тверди идумали что я хотѣлъ первостатейную ихъ госпожу обругать насилїемъ, чего ради затаково беззаконїе, привели меня изобличеннаго на судъ, гдѣ одинъ изъ адвокатовъ, увеличивалъ вину мою, и требовалъ надлежащей мнѣ позаконамъ казни, а другой напротивъ того, просилъ о продолженїи казни до тѣхъ поръ; пока достовѣрно знать будетъ можно, кто, каковъ, и чей я, и притомъ скотинали я или человѣкъ разумной? о подношенїи въ верхъ судейскихъ вѣтвей увѣдомился я, что онѣ чрезъ то

обыкновенно,

обыкновенно, молитвы свои къ богу отправляли, когда имѣли начинать каковъ либо судъ, адвокаты покрыты были овечьими кожами для того, чтобъ онѣ памятовали истинну, и праводушіе въ дѣлахъ ими производимыхъ, какъ и подлинно онѣ въ сей планетѣ, всѣ честные и праводушные, что заключать можно изъ самаго порядочнаго, въ тамошнемъ обществѣ состоянія, которое всегда есть знакомъ добрыхъ въ народѣ при судахъ адвокатовъ. У нихъ толь жестокіе учреждены законы на преступниковъ, что ни гдѣ при судахъ, не увидишь ни ябедъ ни лукавства. Нѣтъ ни отъ кого тамо милости на вѣроломниковъ, и нѣтъ никуда убѣжища злодѣямъ, не льзя виноватымъ надѣятся на патроновъ, и не льзя ябедникамъ, искать оправданія въ своей хитрости. Троекратное судныхъ рѣчей у нихъ повтореніе, въ обычаѣ содержалось для тупаго сихъ людей понятія, которымъ онѣ отъ протчихъ народовъ разнились, ибо между ими весма мало было такихъ, которые скоропостижное читаніе разумѣть, или однажды слушанную рѣчь понимать могли, да которые и были у нихъ острые, и скоропонятные къ рѣчи, то и тѣ почитались у нихъ безразсудительными людьми, и для того рѣдко онѣ, допускаемы были къ важнымъ дѣламъ, ибо сей

 народъ

народъ, самимъ искуствомъ научился, что всегда общество, колеблемо было подъ управленіемъ такихъ, которые въ дѣлахъ скоропостижны, и обыкновенно остроразумными головами щитаются: а напротивъ того, тупопонятные и чрезъ ругательство тупицами называемые, всегда приводили въ порядокъ то, что острые превращали. Всѣ сіи дѣла были мнѣ дикими, хотя прибостоятельнѣйшемъ разсужденіи и не совсѣмъ безмѣстными казались. Но больше всего удивленіе, причиняла мнѣ Історія о тамошнемъ президентѣ, ибо оной былъ дѣвица родомъ изъ тогожъ города отъ владѣтеля оной земли *каки*, или вышнимъ въ городѣ судьею поставленная, ибо у сего народа, въ опредѣленіи въ чины, никакое въ полахъ различіе наблюдаемо не было, но кто только могъ явится у нихъ достойнѣйшимъ, тому общественныя дѣла поручаемы были, а чтобъ можно было справедливо, о всякого способности и природномъ разумѣ у достовѣриться, опредѣлены у нихъ училища, которыхъ начальники или директоры, назывались *каратты*, каково имя собственно значило Экзаминаторовъ, или испытателей Ихъ должность была всякаго ученика науку исилы свидѣтельствовать, природную его склоность обстоятельно вывѣдывать, и по учиненіи экзамена ежегодно владѣтелю своему

ему подавать имянную вѣдомость о тѣхъ, которые къ общественнымъ чинамъ достойны, и притомъ обьявлять въ какомъ каждой изъ нихъ дѣлѣ наилучшую можетъ отечеству приносить пользу. Владѣтель получа такову роспись велитъ имена удостоенныхъ записать въ книгу, по которой бы онъ всегда въ памяти, и будто въ глазахъ имѣть могъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ на порожнія мѣста въ чины производить должно. отъ такихъ то караттовъ и предпомянутая дѣвица, назадъ за четырѣ года весьма похвальное получила свидѣтелство, и для того отъ владѣтеля учреждена была, президентомъ сената въ томъ же городѣ, гдѣ она и родилась. Сей обычай у потуанцовъ весьма свято и не нарушимо наблюдается, чтобъ всегда производить къ общественнымъ дѣламъ людей непремѣнно въ тѣ мѣста, гдѣ онѣ рождены и воспитаны. *палмка* [симъ именемъ называласъ вышереченная дѣвица.] съ превысокою похвалою президентскую должность отправляла тутъ чрезъ три года, и почитаема была разумнѣйшимъ всего города деревомъ, ибо она такую имѣла въ понятіи своемъ тупость, что пока ей одно дѣло неповторено будетъ дважды или трожды, она его съ трудностью разумѣть могла, но что уже однажды понимала о томъ нетолько совершенное имѣла разсужденіе, но

и такимъ оное рѣшила мнѣнїемъ, что ее всякой приговоръ, почитался за божеской оракулъ; ибо она въ судѣ, весьма прозорливо умѣла держать вѣсы, чтобъ оные ни на одну ни на другую сторону, склоненїемъ своимъ равновѣсїя повредить не могли. И для того ни одного чрезъ всѣ четырѣ года ее въ сенатѣ председѣланїя, не было въ дѣлахъ такова приговору, которой бы отъ вышняго суда подтвержденъ, и высокими похвалами превозносимъ не былъ. Таково въ угодность женскаго пола установленїе, которое съ перваго взгляду уничтожалъ я, наконецъ по прилѣжнѣйшемъ разсужденїи, небезполезно мнѣ показалось, чего ради думалъ я самъ съ собою, что? ежели бы и унасъ напримѣръ, бергенскаго градоначальника жена, могла рѣшить суды, или ежели бы дочь адвоката северинїя, краснорѣчїемъ и другими природными ума дарованїями, украшенная дѣвица, въ мѣсто глупого отца суды говорила, конечно бы и наша юриспруденцїя мало имѣла ущербу, и чуть ли бы столько. какъ нынѣ правосудїе отъ насъ изгнанїя терпѣло. Притомъ и еще думалъ я, что понеже въ нашихъ Европѣйскихъ канцелярїяхъ, весьма скоропостижно суды отправляются, то конечно ежели бы судейскїе, безобстоятельные и не долго разсуждаемые приговоры, строгому разбирательству

рательству были подвержены никакъ бы не могли обойтись безъ порока. Въ прочемъ возвращаюсь къ дальнѣйшему Исторіи моей продолженію: кровопущенію мнѣ учиненному, слышалъ я слѣдующую причину: ежели кто изобличенъ у нихъ найдется въ каковомъ либо преступленіи, то вмѣсто сѣченія плетьми, либо отсѣченія каковой тѣлесной части, либо и самой смертной казни, осуждается оной только къ кровопущенію, изъ чего бы могло быть судящимъ извѣстно, изъ злобы ли, или изъ порчи крови и мокротъ въ виноватомъ произошло его преступленіе? и притомъ, можноли чрезъ такое средство, его впредь отъ беззаконія исправить? такъ что всѣ подземныхъ оныхъ жителей суды, больше учреждены для исправленія, нежели для погубленія преступниковъ. Однакожъ и таково исправленіе, содержитъ у нихъ нѣкоторую въ себѣ казнь, для того что, сіе обыкновенно почитается пятномъ безчестія, ежели кто изъ суда къ кровопущанію осуждается, ежели же кто у нихъ въ другой разъ въ преступленій озобличится такова осуждаютъ къ изгнанію изъ города и къ ссылкѣ на твердь, гдѣ всякіе люди безъ разбору пріемлются. Но о сей ссылкѣ, и о еѣ состояніи, нарочное положено будетъ описаніе скоро послѣ сего. Чтоже вышепомянутой

нутой лѣкарь, которой изъ головной въ рукѣ жилы пустилъ мнѣ кровь, съ виду моей крови тотчасъ изумился, тому причина была, что жители сего круга, въ мѣсто крови имѣютъ въ жилахъ своихъ жидкой и бѣлой сокъ, которой чемъ въ нихъ бѣляе, тѣмъ большую безпорочность житья ихъ означаетъ.

Все сїе совершенно мнѣ извѣстно стало съ тѣхъ поръ, когда я обучился подземному языку, и для того ужѐ гораздо лутче, началъ имѣть разсужденїе объ ономъ народѣ, которой предъ тѣмъ безразсудно, излишнимъ ругательствомъ уничтожалъ я. Но хотя и съ самаго начала щиталъ я сїи деревья по перьвому взгляду глупыми и несмысленными, однако со всѣмъ тѣмъ, за всегда примѣчалъ, что онѣ не совсѣмъ лишены человѣчества, и для того о потерянїи жизни моей, никакова мнѣ не было сомнительства, особливоже надежду мою въ семъ подтверждало то, что я дважды въ день, получалъ приносное отъ нихъ для меня кушанье, которое состояло изъ плодовъ, травъ, и овощей огородныхъ, а питье прїономъ было, нѣкоторой весьма чистой сокъ, которому въ сладости, и въ прїятномъ вкусѣ ничего равнаго я незнаю.

офицеръ

Офицеръ тотъ, у котораго я подъ карауломъ содержался, тотчасъ владѣтелю своему, недалече отъ туду живущему, послалъ обо мнѣ извѣстіе объявляя, что случаемъ попалось ему въ руки нѣкоторое животное, разумное правда, но чрезвычайнаго вида. Новостію такой вещи возбужденъ будучи владѣтель, велѣлъ меня обуча ихъ языку прислать къ своему двору. И посилѣ того указу приставленъ ко мнѣ учитель языка, подъ наставленіемъ котораго чрезъ шесть мѣсяцовъ такой я въ обученіи моемъ получилъ успѣхъ, что съ жителями тамошними, гораздо безъ нужды разговаривать могъ; а когда такимъ образомъ, въ подземномъ языкѣ, я совершеннымъ учинился, присланъ былъ отъ двора новой указъ о наученіи меня въ дальнѣйшихъ наукахъ, и объ опредѣленіи въ городское ихъ училище, гдѣ бы учрежденные *каратты* или Эксаминаторы могли наилучше разсмотрѣть ума моего силы, и узнать къ какимъ имянно наукамъ гожусь я, посилѣ сего указа все повелѣнное съ прилѣжностію исполнено, но между тѣмъ пока я въ наукахъ сихъ обращался, неменшее прилагаемо отъ нихъ было и о тѣлѣ моемъ стараніе, какъ и трудъ о просвѣщеніи моего ума, и для того вопервыхъ старались онѣ, чтобъ убрать меня какъ возможно по по-

добїю дерева, какъ то и дѣйствително, нѣкоторые фальшивые вѣтьви къ плечамъ моимъ приставили.

Между тѣмъ когда сїе производилось, хозяинъ мой всякой вечеръ, по возвращенїи моемъ изъ училища разными разговорами и запросами проучивалъ меня въ языкѣ. Онъ съ великимъ удовольствїемъ слушалъ расказы мои, о приключенїяхъ происходившихъ сомною въ подземномъономъ путешествїи, особливо же безмѣрно удивлялся, слыша отъ меня описанїе землй нашей, и неизмѣримаго притомъ окружающаго еѣ неба, которое распещрено безчисленными звѣздами, однакожъ при всемъ охотномъ своемъ того слушанїи, нѣсколько стыдился онъ слыша разговоръ мой о деревьяхъ нашего свѣта, которые у насъ бездушными недвижимыми, и на корняхъ въ землѣ утвержденныхъ стоящими находятся, и наконецъ съ немалымъ гнѣвомъ смотрѣлъ на меня, когда я расказывалъ, что деревья наши срубливаютъ, и для нагрѣванїя пѣчей и для варенїя кушанья употребляютъ, столькожъ послѣ разсудясь отомъ прилѣжнѣе, отложилъ гнѣвъ свой, и протянувши къ небу пять вѣтьвей своихъ (которыхъ столько у него и было) удивлялся судьбамъ Творца, у котораго много есть разныхъ,

безвѣстныхъ

безвѣстныхъ намъ образовъ, и ужѣ прочїе мои рѣчи въ слушалъ со вниманіемъ. Жена ево, которая до тѣхъ поръ меня невидѣла, увѣдавъ прямую причину, для чего волокли меня на судъ, и что я видомъ дерева, на которые въ нашемъ свѣтѣ обыкновенно люди взлазятъ, былъ обманутъ, такожъ отложа все подозрѣніе, стала быть ко мнѣ милостива; Однакожъ я, чтобъ между начатками новой ихъ ко мнѣ милости, свѣжей не растравить раны, никогда съ нею въ разговоры не вступалъ кромѣ присутствія и дозволенія еѣ мужа.

ГЛАВА III.

Содержащая описанїе города КЕБЫ

Въ то время, какъ я у подземныхъ ученическое несъ званїе, хозяинъ мой, водилъ меня по своему городу, для показанія мнѣ всякихъ любопытныхъ и достопамятныхъ вещей. Мы ходили съ нимъ безъ всякого помѣшательства, и что наибольше было мнѣ удивительно, безъ всякаго къ намъ тамошнихъ жителей набѣгу; не такъ какъ у насъ обыкновенно, гдѣ для всякой новой и дикой вещи, толпами народъ сбѣгается, только чтобъ любопытные удовольствовать глаза свои; ибо жители сея планеты, не жадничаютъ

чают новостей, но только смотрят что для них постоянно и полезно. Город сей называется *Кеба*, которой между городами Потуанского владенія, во второй степени числится. Жители в нем столько важны и разумны, что всякаго жителя можно назвать сенатором, но наиболшее у них почтеніе отдается старикам, ибо нигдѣ в свѣтѣ столько не почитаются великіе человѣческіе лѣты, и нигдѣ такой чести не имѣет старость, которой не только приговор, но и одно мановеніе важное от всѣх имѣет послушаніе. Я крайнѣ удивлялся, что сей весьма скромной и трезвой народ, игралищными сраженіями, комедіами и позорищами любуется, для того что такіе забавы, весьма не сходствуют с важностью оных. Что примѣтя во мнѣ хозяин мой сказал мнѣ, для того по всему нашему владѣнію, важные рѣчи с баснями перемѣшиваются, и важные дѣла с безделицами имѣют взаимство, что таким изрядно уставленным дозволеніем безгрѣшных увеселеній, мы вѣрим имѣть подкрѣпленіе духа, и к ношенію тягостных должностей чрез то быть удобнѣйшими, а притом думаем, что чрез такіе забавы, разсыпаются в людях оныя темныя облака, и меланхоличные страсти, которые толиких возмущеній, бунтов и лукавых умыслов

бывают

бываютъ источникомъ. Однакожъ притомъ говоритъ, и строгость мы съ забавой такъ растворяемъ, чтобъ перьвая въ печаль, а другая въ беззаконіе отнюдь не обращалась; толкожъ мнѣ нельзя было безъ серца смотрѣть у нихъ нато, что они между позорищами, и комедіальными играми считали и диспуты, ибо у нихъ по уреченнымъ временамъ года, по учиненіи нато охотникамъ подряду, и опредѣляя имъ нѣкоторое награжденіе, диспутаторовъ попарно на театръ выпущали, почти тѣмъ самимъ образомъ, какъ у насъ Індѣйскихъ пѣтуховъ, или другихъ дикихъ животныхъ на драку выпущаютъ, и для такого то конца, былъ здѣсь у богатыхъ людей обычай, содержать на своемъ коштѣ диспутаторовъ, такъ какъ въ нашемъ свѣтѣ содержатъ охотники борзыхъ собакъ, и оныхъ въ искуствѣ диспутованія, и въ діалектикѣ столько обучать, чтобъ онѣ гораздо способны, и многорѣчивы были, къ опредѣленнымъ ежегодно сраженіямъ. Такъ одинъ у нихъ богатой гражданинъ, именемъ *Генохи*, чрезъ тригодищное время великое собралъ богатство, а имянно до 4000. *рихату*, изъ побѣдъ содержимаго у него для показанныхъ сраженій одного диспутатора, и ужѐ не однократно ему превеликую сумму давали за него промышленики, но онъ до тѣхъ поръ еще не хотѣлъ продать

отъ себя такого сокровища, которое ему ежегодно знатные доходы приносило. И подлинно, непонятною диспутаторъ сей, оборотливостію языка одаренъ будучи, вдругъ раззорялъ, строилъ, четыреугольники подмѣнялъ кругами, гремѣлъ цепьми силлогизмовъ и діалектичныхъ ловушекъ, и всякому сопернику своему, разделеніемъ, подхватываніемъ, возраженіемъ, и ограничиваніемъ рѣчей, ротъ загородить, и къ молчанію поугодности своей принудить умѣлъ совершенно. Я на семъ театрѣ былъ только однажды или дважды, и то съ великою досадою для того, что мнѣ весьма непристойно, и безбожно казалось толь честные Экзерциціи, которые обыкновенно наши училища украшаютъ, въ игралища и забавы обращенными видѣть, а вспомня еще что и я самъ трижды съ великою присутствующихъ похвалою публично диспутовалъ, и за то заслужилъ лавры, насилу отъ слезъ возмогъ удержаться. Впрочемъ не только самое дѣйствіе, но и образецъ тамошнихъ диспутовъ крайнѣ мерзостнымъ мнѣ казался, ибо при диспутующихъ я были у нихъ приставляемы нѣкоторые понудители, называемые *кабалки*, которые когда примѣчали въ ярости диспутаторовъ ослабѣніе, въ бока ихъ подкалывали нѣко-

торыми

торыми стилетами, чтобъ онѣ чрезъ то ободрялись, и унывающїе силы свои возобновляли. Оставляю другїе поступки, которые и вспомнить стыдно, и которые въ народѣ толь просвѣщенномъ крайнѣ осуждалъ я. Сверхъ таковыхъ диспутаторовъ, которыхъ подземные ругательно называютъ *мазбаками* или здорниками, были у нихъ и другїе еще сразительные травли между четвероногими, какъ дикими такъ и домашними животными, такъ же и между птицами, а особливо дикими, на которые за уреченную плату, смотрители у нихъ допускались. Я спрашивалъ моего хозяина, какимъ образомъ сїе статься могло, что народъ вашъ такимъ разсужденїемъ одаренной, къ позорнымъ игралищамъ причелъ толь благородные экзерцицїи, чрезъ которые получается способность рѣчи, открывается истинна, и объясняется умъ человѣческїй. На сїе онъ мнѣ отвѣчалъ: таковы, говоритъ, прѣнїя въ древнїе варварскїе вѣки были правда въ великомъ почтенїи; толькожъ послѣ, когда люди самимъ искуствомъ научились что чрезъ диспуты истинна, болѣ затмѣвается, юношество дѣлается дерзкимъ и безстыднымъ, происходятъ смутки, и прямыя ученїя связываются, тогда оные забавы изъ академїи перенесены на театры;

а

а самое дѣло свидѣтельствуетъ, что ученики скорѣе происходятъ учителями чрезъ молчанïе, чрезъ чтенïе книгъ, и чрезъ разсужденïе. Однакожъ таковъ хозяйской отвѣтъ сколько ни красновиденъ, меня не удоволствовалъ. Въ городѣ семъ была академïя или гимназïя, въ которой изрядно, и съ крайнею важностïю обучаемо было свободнымъ художествамъ. Сей школы въ зборную палату, въ нѣкоторой праздничной день ввелъ меня хозяинъ, а втотъ день производили тамъ одного въ *мадихи* или въ докторы философïи. Производство сïе отправлялось безъ всякой церемонïи, кромѣ того что кандидатъ учено и преизрядно о нѣкоторой физической проблемѣ говорилъ рѣчь, и по такомъ освидѣтельствованïи, внесенъ онъ отъ начальниковъ гимназïи въ списокъ тѣхъ, которые имѣютъ право учить публично. Когда хозяинъ спрашивалъ у меня, понравилось ли мнѣ оное училищное дѣйствïе; я отвѣчалъ ему, что оно показалось мнѣ гораздо подло и бѣдно противу великолѣпïя нашихъ производствъ, причемъ разсказывалъ ему какимъ образомъ у насъ обычай есть производить магистровъ и докторовъ, то есть: что прежде надлежитъ имъ здѣлать о какомъ нибудь дѣлѣ диспутацïю, сïе слыша улыбался онъ и спрашивалъ у меня о способѣ иородѣ показанныхъ диспу-

тацïй

тацій, такожъ и о разности ихъ съ подземными. Я отвѣчалъ ему, что оныя диспутацій обыкновенно бываютъ у насъ о вещахъ весьма ученыхъ и любопытныхъ, а особливо о такихъ, которые надлежатъ къ нравамъ, къ языкамъ, и къ одеждамъ духъ древнихъ народовъ, которые нѣкогда въ Европѣ весьма были славны. Причемъ объявлялъ ему, что и я самъ троекратно учеными диспутаціями дѣлалъ описаніе древнимъ тѣхъ же народовъ сандаліямъ или туфлямъ; что выслушавъ хозяинъ, таковъ поднялъ хохотъ, что отъ того весь домъ наполненъ былъ ево голосомъ, и жена ево тѣмъ хохотаніемъ принуждена была прибѣжать къ нему, и любопытно спрашивать причины такова смѣху, но я напротивъ того такъ за то осерчалъ, что и отвѣчать ей не хотѣлъ; ибо я почиталъ за негодное дѣло, подымать на смѣхъ и ругать толь важные, и съ шутками не сходные вещи. Однакожъ наконецъ она, узнавъ отъ мужа состояніе нашего дѣла, не меньше и сама со смѣху кататься стала, а послѣ сіежъ самое, разглашено будучи отъ нихъ и по всему городу, всегдашнимъ насмѣшкамъ и шуткамъ причину подавало, такъ что нѣкотораго сенатора, гораздо смѣшливая жена, такими разсказами приведена будучи въ смѣхъ, внутренности себѣ порвала, и ког-

да послѣ нѣсколько времени лихорадкою умерла, то всѣ думали, что она означенную смертную болѣзнь получила себѣ отъ безмѣрнаго смѣху, которымъ она легкое свое чрезъ мѣру разбила. Только же о прямой смерти еѣ причинѣ не совсѣмъ совершенно извѣстно, слухъ только такой про неѣ носился. Впрочемъ была она преизрядной природы женщина, и рачительная въ домѣ хозяйка, ибо она имѣла у себя семь вѣтвей, что рѣдко у женскаго полу случается, для того и смерть еѣ, была причиною общей честныхъ деревъ печали. Погребали еѣ въ глубокую ночь за городомъ, и положили въ томъ же самомъ платьѣ, въ какомъ еѣ умершую нашли; ибо тамо закономъ запрещено никого въ городѣ не погребать, понеже думаютъ, что отъ гнилости труповъ, можетъ загниваться и воздухъ; сверхъ того запрещено тамо и погребать, съ многонароднымъ провожанїемъ и въ богатомъ уборѣ для того, что оной тотчасъ имѣетъ быть червямъ пищею, что все весьма разумно узаконеннымъ мнѣ казалось; однако притомъ погребальные молитвы и проповѣди и тамо не оставляются, толькожъ проповѣди такїе, которые состоятъ однимъ увѣщанїемъ къ доброму житїю, и которые образы смертности, глазамъ слышателей представляютъ.. При

тѣхъ

тѣхъ проповѣдяхъ опредѣляются переслѣдователи, которые должны примѣчать, унизятъ ли, или возвысятъ чрезмѣрно проповѣдники добродѣтели умершаго; для такой причины у подземныхъ весьма мало есть ораторовъ, къ похваламъ людей стремящихся, понеже имъ за чрезмѣрную, и вышшую надлежащаго похвалу, узаконено наказаніе. Я нѣсколько времяни спустя, когда былъ на такихъ поминкахъ; спрашивалъ у моего хозяина, о житьѣ и о состояніи умершаго господина, котораго тогда поминали, онъ отвѣчалъ мнѣ, что тотъ умершей былъ крестьянинъ или пахарь, которой идучи въ городъ, на пути умеръ. Отсюду здѣлалась мнѣ причина, по примѣру, какъ предъ тѣмъ я отъ подземныхъ былъ осмѣянъ, самому имъ, по моему обычаю безмѣрно смѣяться, и стрѣлы отъ нихъ на меня пущенные, обратить на ихъ язву, для чегожъ, сказалъ я, волы и быки, крестьянскіе товарищи и сотрудники, также на канцеляхъ, у васъ не выхваляются? ибо они тойже работы будучи участниками, такуюжъ какъ и пахари, могутъ подать къ проповѣдямъ матерію, однакожъ мнѣ отъ смѣху того уняться приказалъ хозяинъ, объявляя, что въ тѣхъ сторонахъ пахари, большее всѣхъ имѣютъ почтеніе, ради знатности своей

службы, которую отправляютъ, и что у нихъ никакой родъ житія человѣческаго, честнѣе земледѣльческаго не щитается, почему говоритъ, въ кои здѣсь честной крестьянинъ, и рачительной дому своего хозяинъ кормителемъ и содержателемъ гражданъ называется, и въ томъ де разсужденіи есть у насъ обычай, что когда земледѣльцы около начала осени или въ *пальмѣ* мѣсяцѣ, со многочисленными обозами хлѣбомъ нагруженными пріѣжжаютъ въ городъ, то начальство наше еще за городскими воротами ихъ встрѣчаетъ, и съ игрою въ трубы и другою музыкою, по торжественному обычаю въ городъ ихъ вводитъ. Изумѣлся я отъ сей повѣсти, вспомня нашихъ крестьянъ состояніе, которые въ презрѣнномъ у насъ рабствѣ воздыхаютъ, и которыхъ работу, считаемъ мы за гнусную и хуждшую всѣхъ другихъ художествъ принятымъ нашимъ служащихъ, какъ то поваренного, калоаничьяго, мазедѣлательнаго, танцовальнаго и прочихъ. Сію мою мысль послѣ того открылъ я моему хозяину; однакожъ подъ обязательствомъ молчанія, опасаясь, чтобъ подземные о нашемъ человѣческомъ родѣ, крайнѣ подлаго разсужденія не имѣли. Хозяинъ обѣщавшись мнѣ о томъ молчать, повелъ меня съ собою вмѣстѣ, въ зборную палату, гдѣ имѣла быть

быть погребальная проповѣдь. Я побожусь, что мнѣ вѣкъ нигдѣ не случилось слышать ничего тверже, правдивѣ, и отъ всякаго ласкательства отдаленнѣе, какъ была рѣчь оная! и казалась она мнѣ образцемъ, по которому всѣ такие рѣчи и проповѣди, сочинять должно. Проповѣдникъ оной, вопервыхъ представлялъ добродѣтели умершаго, потомъ тотчасъ вычислялъ пороки и слабости, увѣщевая слышателей, чтобъ они отъ нихъ остерегались. Когда мы изъ зборной палаты шли домой, попался намъ встрѣчу, нѣкоторой грѣшникъ, тремя караульными окруженной, онъ не давно предъ тѣмъ, по судейскому приговору терпѣлъ ручную казнь (такъ они кровопущанїе называютъ) а въ ту пору ужѐ, веденъ былъ въ публичную носокомїю. Когда я спросилъ о причинѣ такова осужденїя, отвѣтствовали мнѣ, что тотъ осужденной отважился при всемъ народѣ излишнею дерзостїю диспутовать о свойствахъ и о существѣ божїемъ, что въ тѣхъ земляхъ запрещено, и у нихъ такїе любопытные споры или диспутацїи, толь дерзкими и шальными почитаются, что онѣ и приличествовать по ихъ мнѣнїю разумной твари не могутъ, и для того вселся у нихъ обычай, помянутыхъ тонкихъ диспутаторовъ, какъ сумозбродныхъ шалу-

 новъ

новъ, по учиненїи имъ кровопущанїя, заключать въ публичные покаянные домы, покамѣсть они отъ шалости своей уймутся. Я по сей причинѣ въ мысляхъ моихъ самъ съ собою говорилъ! *Ахъ, что бы въ здѣшнихъ сторонахъ было нашимъ схоластикамъ, которыхъ мы всякой день о качествахъ и свойствахъ Божїихъ, такожъ о естествѣ духовъ и о прочихъ такихъ же таинствахъ сверхъ мѣры и потребы спорящихъ видимъ! какое здѣсь состоянїе имѣли бы наши метафизики, которые надуваясь своими превосходящими естество ученїями, всего народа мудрѣйшими, или лутче къ богамъ близкими себя мечтаютъ? подлинно бы здѣсь они, вмѣсто лапровыхъ вѣнцовъ, вмѣсто биретовъ, шапокъ и докторскихъ епанчей, которыми ихъ въ нашихъ земляхъ украшаютъ, здѣлали бы себѣ дорогу въ покаянные дворы, или новокомичными бы были кандидатами!*

Таковы и подобныя происхожденїя, которыя казались мнѣ весьма дикими, видѣлъ я у нихъ во время моего ученичества. Между тѣмъ наступилъ уже, указомъ владѣтеля опредѣленной срокъ, въ которой мнѣ надлежало, съ аттестатомъ изъ гимназїи отправлену быть ко двору. Я тутъ обнадѣявшись, какъ на собственные мои заслуги

слуги, что я скорѣе чаяннаго подземному языку изучился; такъ на пріязнь моего хозяина, и на прославляемое судей тамошнихъ праводушїе, знатной дожидалъ себѣ отъ гимназіи похвалы и прославленія, и когда наконецъ поручаемъ былъ мнѣ атестатъ, я, оной принималъ дрожащими отъ радости руками, нетерпѣливо жадничая читать похвалы мои, и предвидѣть, каково изъ того послѣдуетъ мнѣ благополучїе, однакожъ, лишь сталъ я его читать, пришелъ въ крайнюю ярость и отчаянїе. Аттестатъ оной составленъ былъ въ слѣдующемъ содержаніи:

Во исполненїе указа вашей свѣтлости, научивши мы съ прилѣжностїю въ нашей гимназїи, недавно предъ симъ занесенное къ намъ изъ другаго свѣта, и человѣкомъ себя называющее животное, отпущаемъ. Мы по обстоятельному разсмотренїю его ума, и по развѣданїю его склонностей нашли его къ наученїю способнымъ, и весьма остраго понятїя, только въ разсужденїи толь плохимъ, что около незрѣлости ума своего, почти и разумною тварїю почесться, не только къ важному какому дѣлу допущеннымъ быть не можетъ, но понеже проворность ногъ его нашу всѣхъ превосходитъ, то должность

ность придворнаго скорохода, наилучше оно отправлять можетъ. Дано изъ Кебскаго училища месяца терновника Вашей светлости отъ всепокорнейшихъ слугъ.

НЕБЕКА, ІОХТАНА, РАПАЗІЯ, ХИЛАКА.

По прочтеніи такова аттестата, залившись я слезами пришелъ къ своему хозяину, и съ покорностію просилъ его, чтобъ онъ какъ почитаемой тамо человекъ вступился, и милостивее для меня аттестатъ отъ *Каратовъ* истребовалъ, представя имъ данное мне академическое свидетельство, въ которомъ я умнымъ и похвальнейшимъ гражданиномъ названъ; однако онъ ответствовалъ мне, что таково свидетельство въ вашемъ только свете имеетъ свою важность, где по видимому больше щитаютъ тень нежели тело, и больше любятъ скорлупу нежели ядро въ орехе, но у насъ, где смотрятъ во внутренность вещей, оно ни къ чему не годится, притомъ разговаривалъ меня, чтобъ я жеребей свой сносилъ терпеливо, особливо, что оной *Каратовъ* аттестатъ, никакимъ образомъ уничтоженъ или переменъ быть не можетъ, для того что здесь нетъ тяжчайшей вины, какъ ежели кто дастъ

даств свидѣтельство о незаслуженомъ достоинствѣ; однакожъ промышляя нѣкоторое болѣзни моей облегченіе, началъ говорить мнѣ утѣшительную, и печаль растворяющую рѣчь: естьли, говоритъ, какая правильная причина много хлопотать тебѣ отомъ, чему ты въ свѣтѣ удивляешься, и съ жадностію завидуешъ безразсудно? разсуди; кого знатной чинъ не подвергаетъ великой человѣческой ненависти? какое многолѣтно, и безчисленно собранное богатства сокровище, безопасно отъ погибели? и можно праведно сказать: что всякой человѣкъ, которой чрезмѣрной добивается чести, и излишняго жадничаетъ богатства, дѣлаетъ чрезъ то себѣ лѣсницу, на весьма высокую башню откуду бѣдственнаго, и безъ задержанія стремительнаго должно ему опасаться паденія? напротивуже того низкое, или посредственное человѣческое щастіе, страха такого не имѣетъ; а что касается до твоего отъ *каратовъ* даннаго аттестата, то оной утверждаетъ ихъ весьма остроумными, и вмѣстѣ крайнѣ праводушными судіями, которые ни дарами подкуплены, ни грозами устрашены быть не могутъ, чтобъ они чрезъ то хотя на одинъ перстъ отъ правости отступили, почему слѣдственно и въ твоемъ дѣлѣ, ни-

какова нѣтъ подозрѣнію мѣста. Наконецъ совѣстно онъ мнѣ признался, что и ему самому давно уже видима была слабость моего разсужденія, и что еще съ начала, разсуждалъ онъ меня по предѣламъ моей памяти и скоропостижности, безнадежною къ пользѣ общества тварію, и слѣдовательно ради знатнаго въ разсужденіи моемъ недостатку, ни къ какому важному дѣлъ отправленію недовольнымъ, кратко сказать: изъ рѣчей моихъ, и изъ описанія ему Европейскаго народа, заключалъ онъ, что *я рожденъ въ худой землѣ и въ испорченномъ воздухѣ*. Въ прочемъ о пріязни своей пространно увѣрялъ меня, увѣщевая, чтобъ я немедленно въ путь свой собирался. Я слушаясь совѣта толь остроумнаго человѣка, а особливо повинуясь требованію нужды на то согласился, ибо мнѣ и самому казалось за продерзость, повелѣнію владѣтеля противиться.

И такъ принялъ я надлежащій путь свой, вмѣстѣ съ нѣкоторыми деревцами, которые со мною жъ изъ училища отпущены будучи, для тогожъ самого какъ и я, въ столичной городъ отправлены. Предводителемъ нашего пути, былъ одинъ старикъ изъ числа *каратовъ*, которой по старости своей одряхлѣвши ногами, ѣхалъ

на быкѣ

на быкѣ, ибо въ подземныхъ мѣстахъ, нѣтъ обычая на телѣгахъ ѣздить, кромѣ однихъ весьма престарѣлыхъ людей, хотя тамошніе жители, ради неудобности и тихости своего хожденія, и гораздо большую передъ нами къ таковой ѣздѣ имѣли бы причину. Я помню, что когда отъ меня разсказывано имъ было о нашихъ экипажахъ, то есть о лошедяхъ, колясках, и корѣтахъ, въ которые наши люди, наподобіе кладей заключася по городу ѣздятъ, то подземные таковъ разговоръ мой подсмѣхали, а особливо слыша отъ меня, что у насъ и сосѣдъ къ сосѣду инако не бываетъ, кромѣ что заключась въ корѣту либо въ коляску, которую тащатъ съ нимъ по улицамъ и по городу два крайнѣ свирѣпыя животныя четвероногія. Ради тихости ходу, которою страждутъ разумныя сіи деревья, принуждены мы были цѣлые три дни промешкать въ пути, хотя *Кеба*, отъ столичнаго города, насилу отстоитъ четырмя только милями, которые я одинъ, могъ бы перейти въ одинъ день. Радовался я правда, что ногами подземныхъ гораздо превосхожу; но притомъ и печально мнѣ было то, что я ради такого тѣла моего превосходства, опредѣленъ сталъ къ той подлой и презрѣнной службѣ: хотѣлось бы мнѣ, говорилъ я, въ такомъ же недостаткѣ ногъ моихъ,

Ж 2 какъ

какъ и подземные оставаться, нежели за одно оныхъ превосходство, опредѣлену быть въ рабскую, и безчестную сподолжность. Что услыша путевой нашъ предводитель, сказалъ мнѣ: ежели бы тебѣ, еще симъ превосходствомъ не пополнила природа ума твоего недостатковъ, то мы бы тебя не инако, какъ неголною только земли тягостїю почитали, ибо ты ради скоропостижности твоего ума, одну только въ вещахъ корку, а не ядро ихъ видишъ, а притомъ какъ тебѣ отъ природы дано только двѣ вѣтви, то ты чрезъ то, и во всѣхъ рукодѣлїяхъ гораздо хуже подземныхъ. Сїе все слыша, благодарилъ я вышняго за превосходство ногъ моихъ, когда видѣлъ, что безъ такова дарованїя, насилу бы мнѣ и между разумными тварьми могло быть мѣсто.

Продолжая путь мой, не безъ удивленїя было мнѣ видѣть, что жители тамошнїе, такъ углублены были въ свои работы, что они ни какимъ прохожихъ видомъ, каковъ бы оной дикъ и любопытенъ ни былъ, отъ работы своей быть отвлечены или на оной заглядѣться вовся не хотѣли, но по прошествїи дня уволнившися оныя отъ обыкновенныхъ трудовъ своихъ, забавляются играми, и всякими для облег-

ченїя

ченія своего духа веселостьми, по согласію къ тому и тамошняго ихъ властител-ства, которое яко бы тѣлесные игры, за подкрѣпленіе духа почитая вѣритъ, что оными твари, не меньше питаются какъ питьемъ и пищею. Для сей, и для другихъ причинъ путь оной отправлялъ я съ крайнею веселостію духа. Видъ стороны тамошней такъ прекрасной, какъ можно воображать себѣ нѣкоторой амфитеатръ, каковъ одна вещей натура выдумать можетъ. Правда, природа въ тѣхъ мѣстахъ не гораздо была тароввата, но всѣ недостатки, пополнило искуство жителей, которые опредѣленными отъ правительства тамошняго награжденіями, къ деревенскимъ работамъ, и къ дѣланію и удобренію земель поощряемы; а напротивъ того, за запущеніе земли всего имѣнія лишаемы были. Проходили мы чрезъ многіе знатные деревни, которые ради частаго своего поселенія, связной и непрерывной видъ, одного длиннаго и широкаго города представляли. Однакожъ притомъ безпокоили насъ нѣсколько, лѣсные нѣкакіе обезьяны, которые вездѣ по дорогѣ шатаясь, на меня, котораго ради сходства лица, себѣ равнаю обезьяною почитали, часто наскакивали, чего ради я отъ серца и досады не могъ удержаться, особливо видя, что таковое явленіе деревьямъ подавало причину смѣха,

ибо меня ко двору вели по указу владѣтеля въ томъ же самомъ уборѣ, въ которомъ я на оную планету занесенъ былъ, [имѣя притомъ въ рукѣ и багоръ] чтобъ изъ того могъ владѣтель увидѣть какъ люди въ нашемъ свѣтѣ убираются, и въ какомъ платьѣ я сюда съ начала достался, и подлинно весьма мнѣ тогда къ стати пригодился бывшій въ рукахъ моихъ багоръ, которымъ я обезьянъ стадомъ на меня набѣгающихъ, отгонять силился, хотя и напрасно, ибо на мѣсто прогоняемыхъ, множество ихъ наспѣвало, такъ, что тогда ежеминутно принужденъ я былъ военнымъ поступать образомъ.

ГЛАВА IV.

Одпоръ Потуанского Владѣтеля

Наконецъ пришли мы къ столичному городу *Поту*, которой подлинно городъ красивой и великолѣпной. Строеніе въ немъ огромнѣе *Кебанского*, и улицы пространнѣе и выгоднѣе. Первое, что съ приходу нашего туда попалось намъ видѣть, была торговая площадь великимъ купечества множествомъ наполненная, и разныхъ художниковъ и мастеровъ лавками со всѣхъ сторонъ окруженная. Въ срединѣ сей площади, со удивленіемъ видѣлъ я одного виноватаго,

ватого, которому наложена была петля на шею, а вкругъ его стояло множество санолитыхъ деревъ, видъ сената представляющихъ, когда я спросилъ, за какую вину человѣкъ оной заслужилъ себѣ виселицу, особливо что въ тѣхъ земляхъ, никакая вина смертною не почиталась? отвѣтствовали мнѣ, что виноватой тотъ есть затѣйщикъ новыхъ *прожектовъ*, которой подалъ представленіе, о перемѣнѣ древняго нѣкотораго обычая, а кругомъ его стоящіе, есть знатели правъ и сенаторы, которые новой проэктъ разбираютъ, такъ что ежели оной разсудится разумнымъ, и обществу полезнымъ, то виноватой тотъ, не только отпущенъ, но и награжденъ будетъ, ежели же окажется, что затѣйщикъ проэктъ свой чрезъ оную перемѣну закона, намѣряетъ только въ собственную свою наживу, то ему яко возмутителю общества задавлену быть должно, и для того мало у нихъ есть такихъ, которые бы къ какой новой затѣѣ или къ представленію о перемѣнѣ какова либо закона отваживались, развѣ когда окажется дѣло толь праведное и явственное, что о полезности его, никакого сомнѣнія быть не можетъ. Такъ то крѣпко подземные, наблюдаютъ древніе свои законы, и содержатъ въ почтеніи предковъ

своихъ

своихъ уставы, ибо они признаютъ за великой вредъ обществу, ежели по прихотямъ всякаго, перемѣнять и уничтожать законы. Тогда я самъ съ собою подумалъ. *Ахъ! что бы здѣсь было затѣйщикамъ проэктовъ нашего свѣта! которые подъ видомъ общей пользы, ежедневно новые вымышляютъ законы, не общественному благосостоянію но собственной ихъ наживѣ работающіе.*

Послѣ того ввели насъ въ пространной домъ, состоящій обыкновенною гостинницею для тѣхъ, которые увольняются изъ училищъ цѣлаго Потуанского владѣнія, и изъ того дому которыхъ подлежитъ представляютъ владѣтелю. Начальникъ нашъ или *каратти*, велѣлъ намъ прибравшись дожидаться, пока онъ сходитъ о приходѣ нашемъ доложить владѣтелю. Лишъ онъ отъ насъ вышелъ, тотъ часъ слышенъ намъ сталъ такой крикъ, каковъ у торжествующихъ людей обыкновенно бываетъ, причемъ проходилъ вездѣ голосъ трубъ и громъ литавровъ. Таковымъ шумомъ возбуждены будучи, вышли мы вонъ и увидѣли нѣкоторое дерево, съ великолѣпнымъ провожаніемъ проходящее, и вѣнцемъ изъ цвѣтовъ сплетенымъ увѣнчанное, и тотъ часъ узнали, что оно есть тотъ

самой

самой гражданинъ, котораго мы предъ тѣмъ въ петлѣ стоящаго на площади видѣли. Причиною такому торжеству, было похвальное утвержденіе его новаго закона, которой онъ представлялъ въ опасеніи потерянія головы своей. Однако какими доказательствами опровергалъ онъ древній законъ; я неизвѣстенъ, да и довѣдаться того никакимъ образомъ было невозможно, ради молчаливости тамошняго народа, по которой и самомалѣйшаго дѣла, къ общественному состоянію надлежащаго, или въ сенатѣ ихъ производимаго, чернь никогда знать не можетъ, не такъ какъ у насъ дѣлается, гдѣ сенатскіе совѣты и опредѣленія, чрезъ два или три дни вездѣ по вольнымъ домамъ и по улицамъ росказываются, оговариваются, и переслѣдываются. Чрезъ часъ времяни, возвратился къ намъ *харатти*, и насъ съ собою позвалъ, за которымъ мы и слѣдовали. На пути ономъ вездѣ, попадались намъ деревцы, которые продавали печатные о любопытныхъ и достопамятныхъ вещахъ книжечки. Между связками оныхъ, случаемъ увидѣлъ, я книжечку съ надписью: о *новомъ и небываломъ явленіи, или о змїи летучемъ, которой являлся прошедшаго году*. Я въ ней видѣлъ меня самого въ томъ точно состояніи, какъ я около планеты съ багромъ, и съ веревочнымъ

нымъ обрывкомъ ворочался, на мѣди вырѣзаннаго, и глядя на то насилу могъ отъ смѣху удержаться, и тайно говорилъ съ собою; *худы какой мой видъ, и какого онъ изображенія удостоился*; однакожъ купивши оную Книжку за три *халака*, которыя двумъ нѣмецкимъ фенингамъ или грошамъ въ цѣнѣ соравниться могутъ прекратилъ смѣхъ, и молча продолжалъ путь ко двору. Оной дворъ больше украшало искуство и пригожство, нежели роскошное великолѣпіе, или блещащая пестрота марморовъ, и я не многихъ усмотрѣлъ тамъ придворныхъ чиновниковъ, для того что скромность тамошняго владѣтеля, никакой излишности ни въ чемъ не допущала, да и по самому состоянію тамошнему, нѣтъ тамъ нужды въ толикомъ числѣ служителей, какъ оныхъ требуютъ дворы нашего свѣта, ибо сколько оные деревья имѣютъ у себя вѣтвей, столько рукъ, и для того у нихъ ручныя дѣла, и домашніе службы, втрое или въ четверо скоряе отправляться могутъ.

Обѣденное тогда было время какъ мы взошли во дворъ владѣтеля, и понеже его свѣтлость, желалъ уединенно говорить со мною, то я прежде обѣденнаго кушанья, одинъ допущенъ былъ въ столовую пала-

ту. Во владѣтелѣономъ, видно было знатное милости и важности смѣшеніе. Онъ толикое на себѣ оказывалъ постоянство, что свѣтлости устъ и лица его никакое неудовольство затмѣвать не могло, какъ я увидѣлъ владѣтеля, тотчасъ палъ на колѣни. Но такое почтеніе видѣть отъ меня не долго стерпѣлъ владѣтель, и тогожъ часа велѣлъ мнѣ встать, сказывая, что хотя такое поклоненіе отъ подданныхъ владѣтелямъ и должно; однако больше отъ нихъ милости искать надлежитъ единымъ повиновеніемъ, трудомъ и годностію. Какъ я поднялся, разные предложены были мнѣ запросы и вопервыхъ откуду я? какъ туда пришелъ? какое мнѣ имя и отечество? я отвѣчалъ, отечество мое есть свѣтъ большій здѣшняго. Зовутъ меня Климомъ, а пришелъ я сюда ни кораблемъ по морю, ни ногами по землѣ, одинъ воздухъ, служилъ мнѣ и путемъ и перевозомъ. Потомъ сталъ онъ спрашивать о путевыхъ моихъ приключеніяхъ, такожъ онравахъ и поведеніяхъ нашего свѣта, тогда я обстоятельно изъяснилъ ему людей нашихъ добродѣтели, умы, политическіе обычаи и прочее, чемъ человѣческій родъ наиболѣ славится, но росказы сіи съ холодностію онъ слушалъ, а при нѣкоторыхъ, которые по моему мнѣнію, въ наибольшее удив-

ленїе привесть были его должны, онъ зѣвалъ, тогда я подумалъ внутрь себя! боже мой, какая разность человѣческаго вкусу! то самое, что насъ больше всего трогаетъ, симъ людямъ наноситъ скуку. Особливоже примѣтилъ, что владѣтельской слухъ оскорблялъ разговоръ мой о способѣ судебныхъ нашихъ поступковъ, о краснорѣчїи нашихъ стряпчихъ или адвокатовъ, и о судейской скорости въ сочиненїи приговоровъ. И для того не допуская меня пространнѣе о томъ толковать, перебилъ онъ мнѣ рѣчь и завелъ говорить иное, и наконецъ о богопочитанїи и о вѣрѣ нашей сталъ у меня выспрашивать. Я изъяснилъ тогда ему въ кратости всѣ члены вѣры, и какъ оные изъяснялъ, тутъ онъ нѣсколько прекратилъ негодованїе и признался, что на такову вѣру всякъ охотно согласиться можетъ, только удивлялся какъ въ такомъ маларазсудномъ народѣ, каковъ я, толь здравое о богѣ и опочитанїи его содержиться основанїе. Я выслушавъ то, собрался было со всѣми силами и средствами моего краснорѣчїя для описанїя ему въ подробности всѣхъ статей до содержанїя у насъ вѣры надлежащихъ; однако и о томъ больше говорить не далъ онъ воли, повелѣвая только мнѣ тамо остаться, пока кончится обѣденное кушанье.

У стола были тогда князь, съ свѣтлѣйшею своею супругою, а при нихъ княжой сынъ съ великимъ канцлеромъ или *хадокіемъ*. Оной *хадохій*, ради честности своихъ нравовъ, и ради остроумной прозорливости великоименитою у Потуанцовъ почитался особою. Онъ чрезъ цѣлые дватцать лѣтъ, ни единаго въ сенатѣ не представилъ такого мнѣнія, на которое бы прочіе не согласились, ничего въ общественныхъ дѣлахъ не уставилъ такого, что бы во всякой твердости не состояло, и кратко сказать: сколько ни было его рѣчей, столько основательныхъ опредѣленій. Толькожъ притомъ понятіе имѣлъ онъ столько тупое, что къ изданію и самаго малаго приговора, цѣлые двѣ недѣли времени ему надобны были. И для того, ежели бы онъ попалъ въ нашъ свѣтъ, гдѣ всякая медленность обыкновенно почитается за лѣность и нерадѣніе, не гораздо бы годнымъ почтенъ былъ къ дѣламъ важнымъ, однакожъ, когда онъ что ни есть обстоятельно понималъ, разсматривалъ, и по довольномъ разбирательствѣ опредѣлялъ, то можно сказать, что онъ больше чрезъ то дѣлъ дѣлывалъ, нежели десять человѣкъ такихъ, которые остро и скоро дѣла отправляютъ, и отъ народа *великими умами* называются, и которыхъ дѣламъ передѣлка, перемѣна,

а часто и переправка бываетъ, такъ что по прошествіи времяни ихъ министерства, можно видѣть, какъ они на все покушались, а ничего вовся не здѣлали, и такъ между апофѳегмашами подземного двора, знатнымъ содержится сїе, что тѣ, которые съ безмѣрною скоростїю дѣла отправляютъ, могутъ сравнены быть съ праздно прохаживающимися людьми, которые въ задъ и въ передъ ходя, одну протираютъ дорогу, и происходя вдаль все на одномъ мѣстѣ остаются.

Когда сѣла за столъ вся свѣтлѣйшая фамилїя, вошла въ столовую дѣвка объ осьми вѣтвяхъ, несучи съ собою столько же блюдъ и торелокъ, отъ чего скорѣе, чемъ глазомъ мигнуть, весь столъ здѣлался уставленъ кушаньемъ. За тою тотчасъ слѣдовало другое дерево съ осмью скляницами различнымъ вїномъ или сокомъ наполненными. И сїе другое дерево имѣло девять вѣтвей, и для того къ домовымъ службамъ оно способнѣе всѣхъ почиталось. Такимъ образомъ отъ двухъ только служителей, исправно здѣлано все то, что отъ цѣлой служащихъ громады, не можетъ дѣлаться при дворахъ сверхземныхъ. А какою способностью оное кушанье поставлено, такою точножъ и со стола собираемо было.

Обѣдъ былъ умѣренной, толькожъ притомъ и красивой. Изъ поставленныхъ кушаньевъ, одно только, которое наиболыше ему понравилось употреблялъ владѣтель, не такъ какъ богатые нашего свѣта, которые стола довольнымъ инако не щитаютъ, развѣ на немъ разнаго кушанья, перемѣнъ до ста увидятъ. При обѣдѣ семъ различные, о добродѣтеляхъ и порокахъ, такожъ и о политическихъ дѣлахъ, происходили разговоры; такъ что ихъ забава, растворена была наукою, тамъ же былъ упоминокъ и обо мнѣ, котораго, ради скорости понятія, разсуждали они къ пользѣ общества безнадежнымъ. По окончаніи стола, велѣно мнѣ представить аттестатъ свой, которой князь прочитавъ, и поглядѣвъ мнѣ на ноги сказалъ: справедливо разсудили *харатты*, такъ и быть должно. Таковымъ опредѣленіемъ, будто громомъ пораженъ я будучи, сталъ со слезами просить обстоятельнѣйшаго дѣлу разсмотренія; ибо я, ежелибы мои добродѣтели и дарованія ума моего прилѣжнѣе были изслѣдованы, гораздо милостивѣйшаго надѣялся бы для меня суда. Владѣтель какъ былъ милосердъ и справедливъ, склонясь на скучливое и необыкновенное сіе прошеніе, велѣлъ бывшему тамъ *харатту*, новое и прилѣжнѣйшее произвесть обо мнѣ слѣдствіе. Какъ таково

во началось слѣдствїе, владѣтель отошелъ въ сторону, для прочтенїя другихъ аттестатовъ. По отшествїи его *харатти* предложилъ мнѣ новые, къ рѣшенїю задачи. Я отвѣчалъ на оные обыкновенною моею скорсстїю, которой онъ удивляяcь сказалъ: скоро, правда, ты вещи понимаешъ, только силы вещей не разумѣешъ, ибо рѣшенїя твои показываютъ, что ты задачи мои больше понялъ, нежели разсудилъ оныя. Окончавъ слѣдствїе, пошелъ онъ въ столовую княжую палату, и тотчасъ оттуду возвратился съ опредѣленїемъ такого содержанїя: что понеже я, несправедливо и безразсудно опорочилъ судъ караттовъ, для того достоинъ такой казни, какову напраснымъ ругателямъ опредѣляетъ закона большаго, четвертаго мѣста, меншое мѣсто третїе (: чрезъ мѣста большїя и меньшїя, или чрезъ *схибалъ и кибалъ* разумѣются книги и главы :) и заслужилъ я по старинному обычаю, терпѣть изъ обоихъ моихъ вѣтвей или рукъ кровопущенїе, и заключенїе въ публичной покаянной дворъ. Рѣчь закона книги 4. главы 5. о ругательствахъ есть слѣдующая: *шлихъ антри флахъ схахъ махъ табули балатти силахъ*, и хотя де рѣчи сей разумъ есть ясной, и уставленїе закона никакова изъятїя не терпитъ, однакожъ его свѣтлость, указалъ тяжчайшее сїе преступ-

тупленіе, изъ особенной своей милости, какъ для порока незрѣлаго ума, такъ и для незнанія закона, мнѣ простить, ибо странному и новому пришельцу, вина безъ нарушенія закона, прощена быть можетъ. на конецъ во свидѣтельство толь большей его ко мнѣ милости и благоволенія, жалуетъ онъ мнѣ мѣсто между ординарными скороходами, каковою милостію я долженъ быть доволенъ.

По обьявленіи мнѣ такова приговора, призванъ былъ *хипа* или секретарь, которой бы меня съ недавно прибылыми кандидатами, внесъ въ списокъ къ производству. Оной секретарь былъ человѣкъ изряднаго вида, то есть обѣодиннатцати вѣтвяхъ и для того могъ онъ писать въ другъ одиннатцать писемъ такоюжъ самою скоростію, какою мы одно только пишемъ, однакожъ разсужденіе имѣлъ онъ средственное, и для того въ большіи чинъ произойти не могъ, но въ томъ же званіи, въ которомъ чрезъ тритцать почти лѣтъ обращался, и старѣтся принужденъ былъ. Съ симъ человѣкомъ, послѣ того жилъ я въ тѣсномъ союзѣ, и великое долженъ былъ къ нему имѣть почтеніе, для того что онъ писывалъ указы и письма, которые я будучи скороходомъ, въ разные провинціи раз-

нашивалъ. Часто я въ великомъ былъ удивленiи, съ какою исправностiю отправлялъ онъ свою должность, когда не рѣдко вдругъ по одиннатцати Экземпляровъ писывалъ, и постольку же къ нимъ печатей прикладывалъ. И такъ въ домахъ тамошнихъ, между щастливыми приключенiями считалось, рожденiе дѣтей со многими вѣтвями по чему и беремѣнные женщины, когда благополучно родятъ себѣ дитя; обычай имѣли посылать къ сосѣдамъ своимъ съ вѣдомостью, о сколько вѣтвяхъ которая родила дитя. Слухъ здѣсь носился, что отецъ нашего секретаря, имѣлъ двенатцать вѣтвей, и что и весь родъ его, множествомъ вѣтвей больше другихъ славенъ. Я получа жалованную свою грамоту, и будучи причтенъ въ число ординарныхъ княжихъ скороходовъ, пошелъ спать, но хотя члены моего тѣла весьма были утруждены, однако я большую часть ночи проводилъ безо сна, ибо въ мысляхъ моихъ непрестанно обращалась безчестная оная, къ которой я осужденъ былъ, служба, и непристойно и гадко казалось мнѣ, пасторства, кандидату, и большаго свѣта бакалавру, служить подлымъ у подземныхъ скороходомъ. Въ такомъ печальномъ размышленiи проводилъ я большую часть ночи неспавши, и будучи въ семъ жару, нѣсколь-

ко̃ разъ прочитывалъ академическое свое свидѣтельство, которое съ собою туда принесъ (: ибо прежде сего упомянулъ я что тамошніе дни и ночи мало имѣютъ разнюсти:) на конецъ отъ такихъ печалей и размышленій изнемогши, крѣпкой пришелъ мнѣ сонъ, тогда различные спящему мнѣ видѣлись мечтанія. Казалось будто я возвратясь въ свое отечество, знакомымъ своимъ росказываю всѣ подземнаго моего пути приключенія, послѣ тотъ часъ представлялось мнѣ, будто я плавая по воздуху, съ крылатымъ звѣремъ драку имѣю, которой будто столько мнѣ причинилъ труда, что я отъ того дѣйствительно принужденъ проснуться. Проснувшись же, со страхомъ увидѣлъ стоящую при постелѣ моей знатной величины обезьяну, которая дверми горницы нашей, негораздо плотно притворенными вшедши, къ постели прилѣзла. Сіе нечаянное явленіе, столько меня испужало, что я принужденъ былъ съ великимъ крикомъ просить помочи. Тѣмъ шумомъ разбудившись нѣкоторые деревцы, которые въ смежныхъ къ моему покояхъ спали, пришли, и въ дракѣ моей съ обезьяною учиня помочь, скверное оное животное выгнали вонъ. Слышно было что происхожденіе сіе, росказано будучи князю, пространную къ смѣху подавало матерію, но

чтобЪ и еще такихЪ приключенїй мнѣ не послѣдовало, велѣлЪ князь тотчасЪ меня убрать по обычаю подземныхЪ, Европейское же платье, которое тогда на мнѣ было снять, и ради чрезвычайности его, повѣсить вЪ княжомЪ кабинетѣ, сЪ слѣдующею надписью, *платье сверхЪ земной твари*. ТутЪ я самЪ сЪ собою разсуждалЪ, что ежели бы бергенской портной *янЪ андреасЪ*, которой сїе платье шилЪ, услышалЪ, что его рукодѣлїе за диковину вЪ подземной кунсткаммерѣ хранится? конечно бы онЪ такЪ возгордился, что чутьли бы послѣ захотѣлЪ уступить, городскимЪ, начальникамЪ, или судьямЪ магистратскимЪ.

Послѣ сего приключенїя достальное время ночи уже я не спалЪ до восхожденїя солнца. А какЪ лишь всталЪ безЪ числа назначено мнѣ дѣлЪ, и такЪ я былЪ непрестанно движущимся, перенося указы и грамоты. по всѣмЪ городамЪ большимЪ и малымЪ. ВЪ таковыхЪ моихЪ отправленїяхЪ, я развѣдывая полюбопытнѣе. свойства сего народа, чудную во многихЪ примѣчалЪ вѣжливость, и рѣдкую у насЪ мудрость. Одни только жители города *маболки*, которые всѣ состоятЪ изЪ терновнику, не очень вѣжливы и учтивы: мнѣ

пока-

показались, ибо каждая у нихъ провинція, особливые въ себѣ содержитъ деревья или жителей, что особливо видѣть можно изъ крестьянскаго народа, которые всѣ одностатейны, въ большихъ же городахъ, а особливо въ столичномъ, находится смѣсь всѣхъ деревьевъ. Таково объ остроуміи жителей сего княжества мнѣніе, возрастало во мнѣ потому какъ мнѣ здѣлался случай, обстоятельнѣе присматриваться ихъ добродѣтелямъ. Тогда я ихъ законы и обычаи, которые прежде весьма ругалъ, ради честности и справедливости оныхъ крайнѣ хвалить началъ, перемѣня ругательство во удивленіе. Можно бы мнѣ здѣсь цѣлой учинить списокъ, о дѣлахъ ихъ и обычаяхъ, которые съ легкаго взгляду глупыми, а прилѣжнѣе разсудя, твердыми и остроумными мнѣ представлялись. Но оставляя все, изъ шестисотныхъ одинъ только представлю примѣръ, которой, свойства сего народа обстоятельно изобразить можетъ. Въ нѣкоторомъ училищѣ, одинъ филологіи студентъ, добивался себѣ ректорства, и оное его прошеніе утверждалось на такомъ его одобреніи: то есть. жители города *набама*, свидѣтельствовали объ немъ только одно то, что онъ чрезъ четырѣ года, въ супружествѣ съ похабною и невѣрною женою жилъ тихомирно, и бѣду

свою в томъ сносилъ терпѣливно. Свидѣтельство оное, состояло почти въ слѣдующихъ словахъ.

Понеже ученой и почтенной мужъ Іохтанъ гу, просилъ отъ своей части города о себѣ свидѣтельства, то мы обыватели, состоящіе жительствомъ въ слободѣ или въ части города незываемой Моско, свидѣтельствуемъ о немъ, что онъ чрезъ цѣлые четыре года, въ супружествѣ съ невѣрною женою, безъ всякаго здору жилъ, и бѣдную свою долю сносилъ терпѣливо, и съ такою скромностію духа, оное нещастіе преодолѣлъ, что мы его, ежели только нравамъ, могутъ соотвѣтствовать науки, всеαостойнѣйшимъ празднаго училища ректоромъ быть разсуждаемъ. Дано въ 10 день мѣсяца пальмы 3000. году послѣ великаго потопа.

Къ сему слобожанъ одобренію, присовокуплено было свидѣтельство, и отъ *карато въ* его училища, о наукѣ и объ ученіяхъ его, которое по видимому кажется, и больше бы дѣйствія въ производствѣ имѣть долженствовало; ибо мнѣ вдругъ не гораздо понятно было, какую бы оной побѣдительной надъ своимъ нещастіемъ учитель, имѣлъ заслугу предъ протчими докторами, однакожъ дикое оное свидѣтельство,

ство, слѣдующій содержало разумъ: между добродѣтельми, которые главнаго учителя больше всего прославляютъ, есть скромность или умѣренность, ибо въ училищѣ ежели кто не будетъ одаренъ твердымъ терпѣніемъ, совсѣмъ своимъ ученымъ прибором, не годится къ школьной должности которая безъ строгости и гнѣва исправляема быть должна, чтобъ инако безвременными наказаніями, не ожесточены были юношескіе духи. А понеже никакой почти, больше умѣренности образецъ быть не можетъ, какъ ежели оной кандидатъ, толь великое домашнее нещастіе сносилъ терпѣливно, для того сосѣди, прошенію своему не усумнились оную его добродѣтель, положить основаніемъ, чтобъ чрезъ то доказать, чего онѣ надѣяться могутъ, отъ учителя, скромностію другихъ превосходящаго. Сказываютъ, что сперва необыкновенному такому одобренію, безмѣрно смѣялся владѣтель, но послѣ разсудя оное не совсѣмъ за безмѣстное, опредѣлилъ просителю праздное ректорство. И по самому дѣлу извѣстно стало, что онъ сію должность, съ такою исправностію отправлялъ, и учениковъ скромностію и милостію, такъ къ себѣ приласкалъ, что они его не за управителя школы, но точно за отца своего почитали, и толикую, подъ такимъ,

скро-

скромнымъ предводителемъ къ наукамъ, имѣли прилѣжность, что мало во всемъ тамошнемъ княженіи, равныхъ находилось училищь, изъ которыхъ бы столько изрядныхъ, ученыхъ, и добронравныхъ деревъ ежегодно выпускалось:

Понеже я чрезъ четыре года, отправляя скороходскую службу, имѣлъ случай развѣдать какъ природу тамошней земли такъ умъ и нравы народа, притомъ ихъ гражданское правительство, законъ и науки, то уповаю не непріятно будетъ читателямъ, ежели я все то, что въ сей книгѣ разномѣстно содержится, здѣсь въ одну соберу связку.

ГЛАВА V.

О природѣ земли Потуанской и о свойствахъ тамошняго народа.

Княженіе Потуанское, гораздо тѣсные имѣетъ границы, и малую только часть тамошняго круга занимаетъ, да и цѣлой шаръ называемой *назаръ*, въ окружности своей насилу двѣсти нѣмецкихъ миль содержитъ, и можетъ способно обойденъ быть, отъ всякаго прохожаго безъ провожатаго, для того что вездѣ на немъ одинъ

языкъ

языкъ, хотя притомъ *Потуанцы*, учтивостію и обычаями, и гораздо разнятся отъ другихъ республикъ и княженій. И точно какъ въ нашемъ свѣтѣ, Европѣйцы славнѣе другихъ народовъ, такъ Потуанцы между прочими показаннаго шара жителями, добродѣтельми и остроуміемъ не въ примѣръ превосходнѣе, дороги у нихъ вездѣ разверстаны камнями, которые значатъ мили, и у всякаго высѣчены либо протянутые руки, либо другіе какіе ни есть знаки, указывающіе путь до города или до деревни. Все княженіе оное, часто заселено деревнями, и красивыми городами. Сіе подлинно достопамятно, и стоитъ удивленія, что всѣ онаго шара жители, однимъ говорятъ языкомъ, хотя каждой народъ, состояніемъ, нравами, ученіемъ и природными склонностьми такъ съ другими разнится, что шаръ оной, явной представляетъ образъ разностей, которыми натура веселится, и тѣмъ взглядомъ прохожихъ не столько привлекаетъ, сколько чувственно трогаетъ и почти въ восторгъ приводитъ.

Земли оные, разрываются какъ большими такъ и малыми водами, по которымъ ходятъ ладьи, веслами будто чрезъ волшебную силу погоняемые, ибо оные не греблею, по нашему обыкновенію, но маши-

нами, наподобїе самолетовъ плаваютъ. Сихъ машинъ природы и составленїя, я описать не могу, для того что я въ математикѣ не гораздо силенъ, притомъ же и деревья оныя, толикою тонкостїю всѣ свои дѣла ухищряютъ, что оныхъ никому, развѣ бы кто былъ *Аргуса* острозрительнѣе, и почти небесною остротою понятїя одаренъ, развѣдать не возможно. Шаръ тотъ, примѣромъ земли нашей, тройное имѣетъ движенїе, такъ что и здѣсь времена не инако какъ у насъ раздѣляются, ночью, днемъ, лѣтомъ, осенью, зимою, и весною, а мѣста по краямъ *полусопъ* состоящїе, предъ другими больше содержатъ стужи. Но что до свѣтлости касается, мало есть тамъ разности между днемъ и ночью, по причинамъ выше сего отъ меня объявленнымъ, и можно сказать, что ночь тамошняя, есть нѣсколько прїятнѣе дня; ибо ничего не можно придумать, красивѣе онаго свѣта, которой принимая отъ солнца, на планету оную отбиванїемъ производитъ полукружїе, или матерая твердь, видъ безперерывной и неизмѣримой луны, въ длину и ширину представляющая. Жители тамошняго круга состоятъ изъ различнаго рода деревъ, какъ то изъ дубовъ, липъ, тополъ, палмъ терновнику и прочихъ, изъ которыхъ названїе получили и шестнатцать тамошнихъ

мѣсяцовъ, подземной годъ раздѣляющіе, ибо планета *назаръ*, всякой шестнатцатой мѣсяцъ, къ начальной положенія своего на воздухѣ точкѣ возвращается, только по неравности своего движенія, не всегда въ уреченной день, для того, что она также какъ и луна наша, многообразными окружностьми своего пути, мучитъ умы тѣхъ, которые живутъ на тверди. Счисленія лѣтъ, у нихъ различныя находятся, и опредѣляются отъ весьма достопамятныхъ дѣлъ, и во первыхъ отъ великой оной кометы, которая за три тысячи лѣтъ назадъ, сказываютъ, произвела у нихъ вселенской потопъ, погубившій весь деревьевъ родъ, съ прочими животными, выключая только малое число тѣхъ, которые на холмахъ, и на вершинахъ горъ кудами спаслись, и отъ которыхъ и нынѣшніе жители происходятъ. Земля тамошняя, хлѣбомъ, травами и овощами весьма изобильна, и почти тѣже всѣ произноситъ плоды, какіе и Европа наша, однакожъ овса она не родитъ, да его тамъ и не надобно, потому что на шарѣономъ лошадей не водится. Моря и озера тамошніе, предорогіе содержатъ рыбы, а морскіе и рѣчные берега, украшаютъ всепріятнѣйшею разностію, гдѣ сплошныя, а гдѣ перерывныя, деревень поселенія. Сокъ, которой подземные жители пьютъ, вы-

жимается изъ извѣстныхъ у нихъ травъ, которые во всякое время года, зелеными находятся. Сокомъ симъ торгующїе купцы обыкновенно называются *Минбаллы*, то есть травовары, которые во всякомъ городѣ, въ уреченномъ числѣ быть обязаны, и которые одни имѣютъ дозволенїе варить травы. Утвержденнымъ же чрезъ такое дозволенїе купцамъ, во всякую другую службу, торговлю, и рукомесло вступаться запрещается; а особливо наблюдаютъ тамъ чтобъ тѣ, которые имѣютъ чины и казенное жалованье получаютъ, такихъ торговлей не производили, для того что они, по власти ихъ въ гражданствѣ, всѣхъ могутъ къ себѣ привлекать купцовъ, а сверхъ того и для другихъ своихъ доходовъ со стороны получаемыхъ, могутъ они дешевостїю цѣны товаровъ, подорвать всякой торгъ, какъ то частые сего случаи, видимъ мы въ нашемъ свѣтѣ, гдѣ чиновники, и жалованные люди, чрезъ таковъ способъ, другихъ мастеровъ и купцовъ раззоренїемъ богатѣютъ.

Жителей тамошнихъ размноженїе, сильно причиняетъ полезной законъ о расположенїи дѣтей, ибо у нихъ по числу дѣтей прибавливаются и убавливаются привилегїи и вольности, такъ что кто тамъ можетъ имѣть

шестерыхъ

шестерыхъ дѣтей, тотъ отъ всякихъ обыкновенныхъ и чрезвычайнымъ податей увольняется. Въ томъ же подземномъ свѣтѣ, ни единъ человѣкъ, и двухъ должностей править не допущается, ибо они держатъ, что всякое и само-малѣйшее дѣло, требуетъ для себя цѣлаго человѣка, и для того, съ позволенїемъ нашего свѣта жителей сказать, дѣла у нихъ гораздо порядочнѣе и лучше отправляются, нежели у насъ. И сей законъ толь свято у нихъ сохраняется что на примѣръ, докторъ медицины, не можетъ у нихъ простираться къ знанїю цѣлой той науки, но долженъ только упражняться, въ прилѣжномъ испытанїи свойствъ одной какой либо болѣзни, музыкантъ также, принужденъ всю прилѣжность свою устремлять не ко многимъ, но только къ одному какому ни есть Інструменту. Все инако нежели въ нашемъ свѣтѣ, гдѣ чрезъ разные, на одномъ человѣкѣ чины и должности, человѣчество ослабѣваетъ, лѣность умножается, дѣла въ пренебреженїи валяются, и ни въ чемъ мы не можемъ быть исправны, понеже все исправить на себя одни хватаемъ. Такъ когда докторъ медицины, силится лѣчить вмѣстѣ и болѣзни человѣческаго тѣла, и пороки общества, то онъ въ обоемъ негодной будетъ, или ежели музыкантъ

вмѣстѣ будетъ и музыкантомъ и сенаторомъ, ничего кромѣ розладу отъ него ожидать не возможно. Удивляемся мы весьма тѣмъ людямъ, которые разные должности, вмѣстѣ на себя принимать отважаются, самоважнѣйшія дѣла, за легкую безделицу для себя почитаютъ, и никакого званія не признаютъ выше силъ своихъ, однако таковъ поступокъ, есть ни что больше, какъ одна пустая отвага, и собственныхъ силъ незнаніе, которое намъ только по глупости нашей удивительно. Ибо ежели бы они, основательно важность дѣлъ разсуждали, и слабость силъ своихъ вѣдали, то и нуждою бы ихъ не приволокъ иногда къ одному дѣлу, а отъ иного, по имени только его слыша, сами они трепетали бы, и потому то у подземныхъ, никто ни за что, сверхъ мѣры своей не хватается. Я помню какъ при мнѣ о семъ уставѣ, разговаривалъ славной Философъ *Рахпазіи*, слѣдующимъ образомъ: всякъ, говоритъ, долженъ справляться съ своимъ разумомъ, и самого себя строгимъ, надъ своими добродѣтельми и пороками, учреждать судьею, чтобъ инако, комедіанты остроумнѣйщими насъ не оказались, ибо они обыкновенно выбираютъ представлять на театрѣ не такіе штуки, которые въ себѣ наилучшіе, но такіе которые имъ представить способ-

нѣе

нЂе. Комедіантъ ли же посмѣятельной человѣкъ долженъ больше разсуждать о своей сценѣ нежели честной и мудрой мужъ о своей жизни?

Жители помянутаго подземнаго княженія, на благородныхъ и подлыхъ не раздѣляются. Правда, таково раздѣленіе издревле было у нихъ въ обычаѣ, однако когда примѣтили владѣтели ихъ, что изъ того въ людяхъ распространялся корень несогласія, всякое преимущество, которое по природѣ, кому слѣдуетъ, пересѣкли, такъ что все почтеніе между оными деревьями, зависитъ только отъ одной добродѣтели, службы, и дѣлъ отправленія. О чемъ обстоятельнѣе имѣю изъяснить на другомъ мѣстѣ, что же у нихъ природнымъ надъ другими превосходствомъ считается, то состоитъ только въ одномъ множествѣ вѣтвей, для того, что по изобильности или недостатку оныхъ, знатнѣйшимъ или подлѣйшимъ примѣчается всякое дерево еще въ своемъ малолѣтствѣ, ибо изобильность вѣтвей, даетъ имъ большую способность къ исправленію ручныхъ дѣлъ. Въ прочемъ какъ я о состояніи ума, и нравовъ сего народа, довольно предъ симъ упомянулъ промежъ другихъ дѣлъ, того ради къ вышеобьявленному списанію отсылая

чита-

читателя, главу сїю заключаю, будучи въ намѣренїи дальнѣйшее о другихъ дѣлахъ продолжать изъясненїе.

ГЛАВА VI.

О началоправительствѣ потуанскомъ.

Въ княженїи Потуанскомъ наслѣдственное по линїи владѣнїе въ бытность мою чрезъ тысячу лѣтъ благополучно процвѣтало, и по нынѣ свято сохраняется. Объявляютъ правда лѣтописцы ихъ что нѣкогда было Потуанцы порядокъ наслѣдственнаго своего владѣнїя потеряли, ибо какъ самой безпристрастной разумъ представляетъ человѣку, что владѣтели прозорливостїю и ума дарованїями должны превосходить подданныхъ, то по такой причинѣ разсуждали нѣкоторые изъ нихъ, что лучше слѣдовать добродѣтелямъ, нежели природѣ, и слѣдственно такихъ выбирать на правительство, которые между другими за превосходнѣйшихъ почитаются. И по такому ихъ разсужденїю оставя старинное наслѣдїе, избранъ былъ желательными всѣхъ голосами во владѣтели, нѣкоторой философъ, именемъ *Рабаху*, которой съ начала, столь остроумно и спокойно управлялъ общество, что владѣнїе его

казалось

казалось образцемъ, по которому всѣ другія учреждаемы быть должны; однакожъ оное, весьма недолго въ такомъ состояніи находилось, такъ что на конецъ, поздо образумившись *Потуанцы* узнали, коль ложная есть оная, въ народѣ проносимая пословица, будто то только общество есть щасливо, въ которомъ философы, главное содержатъ правительство; ибо новой оной ихъ владѣтель, изъ подлой природы, произведенъ будучи въ верховное достоинство, одними своими добродѣтелями и искуствомъ правленія, почитанія и величества, которое состоитъ крѣпостію и основаніемъ обществу, приобрѣсть, и въ цѣлости удержать не могъ ни по какому образу, для того что которые не давно предъ тѣмъ, были съ нимъ, либо равнаго, либо и вышшаго состоянія за великую несносность почитали, чтобъ равному или нижшему себя раболѣпствовать и чтобъ такое новому владѣтелю оказывать свое повиновеніе, каково отъ подданныхъ владѣтелямъ должно, и потому, ежели когда что имъ непріятное, и трудное отъ него повелѣваемо было, тотчасъ вездѣ подымали они ропотъ, невзирая, каковъ въ настоящемъ времяни есть, но твердя только, каковъ до избранія своего былъ владѣтель ихъ. Для сей причины принужденъ былъ оной князь ихъ, по образцу

разцу просителя вовсемъ пошерсти только ихъ гладить, да и въ такомъ самомъ глаженьѣ не великая была ему удача, ибо повелѣнія и уставы его, пренебрегая подчиненные, всякому узаконенію его смѣялись. Тогда *Рабаку* видя, что надобно стало употребить ему иные способы, для содержанія въ прямой должности подданныхъ его, милость и снисходительство, перемѣнилъ онъ въ жестокость; однакожъ и другимъ, послѣднимъ симъ способомъ, не больше успѣлъ онъ, какъ что только искры, подъ пепеломъ крыющіеся, привелъ въ откровенное разгорѣніе, подалъ причину подданнымъ, явно вооружаться противъ своего владѣтеля, и здѣлалъ одинъ, худымъ способомъ усмиренной бунтъ, началомъ другому. Напослѣдокъ всего примѣтя онъ, что общество, инако въ спокойности устоять не можетъ, какъ только подъ такимъ владѣтелемъ, которой, отъ славнаго колѣна происходитъ, и котораго самая порода, вкореняетъ во весь народъ высокое къ себѣ почитаніе, самъ собою отъ правительства отказался, и отдалъ корону принцу, которому по праву рожденія его, оная принадлежала. И такъ съ возвращеніемъ владѣнія изъ стари владычествующему дому, возвратилось въ народъ и спокойство

покойство, и бури оные, которые долговремянно колебали общество, всѣ утихли. Отъ тогоже времяни положено ужѐ запрещеніе подъ смертною казнію, чтобъ впредь, въ порядкѣ владѣтельнаго наслѣдія, отнюдь ничто перемѣняемо, или поновляемо не было.

Чего ради, нынѣ помянутое княженіе, есть наслѣдственное; да и согласно съ правдою думать можно, что древній въ немъ въ наслѣдствѣ порядокъ, и всегда неподвижно пребывать имѣетъ, по тому что у нихъ безъ крайней нужды наслѣдство отъ первороднаго ни когда не отходитъ. Упоминается, правда, въ Потуанскихъ лѣтописцахъ объ одномъ философѣ, которой въ нарушеніе онаго владѣтельчаго закона, выдумалъ было нѣкакое умѣренное предложеніе, а имянно: совѣтовалъ онъ, что хотя отъ владѣтельнаго колѣна, въ наслѣдствѣ отступать и не должно, однако дѣйствительную власть, поручать надлежитъ по выбору, между дѣтьми умершаго князя, тому только, которой добродѣтельми другихъ превосходитъ, и котораго къ понесенію тягости правленія способнымъ усмотрятъ подданные. Сей философъ по предложеніи такова устава поручилъ оной для изслѣдованія по обычаю своего оте-

чества, съ положенїемъ, пока о пользѣ предложенїя его разсуждено будетъ, шей своей въ петлю. Но когда собранїемъ сената, и знатнѣйшими голосами подлежащее въ томъ учинено разсужденїе, то уставъ такова закона, осужденъ всѣми за безразсудной, и обществу погибельной, ибо они держали такое мнѣнїе, что уставъ сей имѣетъ быть поджогою многихъ возмущенїй, и подастъ причину между княжими дѣтьми кореннымъ несогласїямъ, и для того за лучшее усмотрѣли, право владѣнїя всегда поручать первородному принцу, хотя бы меньшїе его братья, дарованїями разума и превосходнѣе его были. И тако утвердя старинной отомъ законъ новозатѣйщика задавили. Ибо въ семъ княженїи смертная казнь опредѣляется только однимъ тѣмъ, которые новые законы безразсудно затѣваютъ, для того что по мнѣнїю *Потуанцовъ* всякая перемѣна и новое вымышленїе, хотя оно и остроумно будетъ выдумано, всегда для народа дико бываетъ, ежелиже еще притомъ оное скоропостижно и безрасмотрительно здѣлается, то и самое смятенїе и вредъ обществу причинствовать можетъ.

Государствованїе князей Потуанскихъ, хотя никакими законами не ограничивается,

ся, однако больше есть отеческсе, нежели владѣльческое, ибо они правосудіе больше разумомъ, нежели законами исправляя, власть и свободность, которые въ другихъ мѣстахъ считаются вещами несогласимыми, постояннымъ образомъ совокупно смѣшиваютъ.

Между законами сего княженія, особливо полезенъ есть тотъ, по которому владѣтели, равенство, сколько онаго состояніе общества допустить можетъ, между подданными своими наблюдать стараются. И для таго нѣтъ у нихъ никакихъ классовъ достоинствамъ, кромѣ того, что нижшіе вышшимъ повиноваться, и младшіе старѣйшихъ, почитать обязуются. Обьявляютъ, правда, подземные лѣтописцы, что назадъ за нѣсколько сотъ лѣтъ, таковы классы достоинствамъ, не только были у нихъ употребляемы, но и общественными законами уставлены, толькожъ притомъ, явствуется въ нихъ и то, что они великаго, въ народѣ неспокойства были причиною. Ибо тогда весьма было тяжело и противно, большому брату для меньшаго уступать мѣсто, и родителямъ несносное казалось дѣло, считаться ниже дѣтей своихъ, такъ что наконецъ, одно дерево другаго присутствія бѣгивало

и всѣ дружескія собранія и обхожденія уничтожились. Да и не одни таковы, изъ того непорядки происходили, еще со временемъ означенные чести къ тому привели ихъ, что знатнѣйшія, и достойнѣйшія деревья, которыхъ сама натура, презнатными ума дарованіями, и множествомъ вѣтьвей украсила, на самопослѣднихъ, и предъ всѣми нижшихъ мѣстахъ саживаны были, ибо тогда всякое дерево которое какое ни есть внутреннее достоинство имѣло, и какъ добродѣтельми такъ и остроуміемъ, между другими славно было, ничемъ не могло приведено быть, къ исканію для себя имени, или наружнаго Характера. Подлыя же и ни къ чему годныя деревья, для закрытія, сколько, возможно, знатныхъ чиновъ именами, природнаго своего порока и негодности непрестанно владѣтеля, до толь своими прошеніями утруждали, пока какое ни есть, для себя чиновное имя выпросить могли. Отъ чего послѣдовало, что наконецъ чиновныя имена, стали у нихъ считаться знакомъ и примѣтою самыхъ подлыхъ деревьевъ. Для чужестранныхъ же людей, удивительные и смѣшные явленіи, представляли у нихъ тогдашніе ихъ знатные пиры и собранія, ибо тогда можно было видѣть, что терновники, и другіе

негодные кусты, почтеннѣйшія мѣста держали, а пальмы, кедры, и прекрасные дубы, о десяти, либо о двенатцати вѣтьвяхъ, у порога и на самыхъ низкихъ скамейкахъ сидѣли: ибо въ продолженіи онаго ихъ состоянія, рѣдко которой терновникъ оставался, безъ какова ниесть чина. Женщинамъ тогда даваны были у нихъ титулы Экономическихъ, или придворныхъ совѣтницъ, которые будучи выше мужескихъ чиновъ не малую сумятицу причиняли. Нѣкоторыхъ же деревъ, глупое честолюбіе и до того ужѐ происходило, что хотя которое отъ природы своей, одарено было только двумя вѣтьвями, однако сыскивало чтобъ называться десяти или двенатцати-вѣтвяным деревомъ, и которые по природѣ были терновники, или негодные кусты, требовали, чтобъ ихъ величали Пальмами, что есть равнаго смѣха достойно, какъ бы какой дурнорожей или уродливой человѣкъ причиталъ себѣ имя благо-урожденнаго или въ самомъ подломъ мѣстѣ рожденной желалъ бы называться высокороднымъ, и потому, когда такое зло возрасло въ безмѣрность, и все ихъ общество, приведено было будто въ первобытную безобразную смѣсь, что всѣ устремились ловить тѣни и безъ прямыхъ честей, однихъ только именъ ихъ жадничали, отважился нѣкоторой

торой житель города *Кебы* пледложить законъ о искоренении такова обычая. Онъ также по обыкновенію предковъ своихъ въ петлѣ веденъ былъ на рынокъ. Но понеже собраніемъ сената и подлежащими голосами, предложеніе его, безъ всякаго противорѣчія и спору разсуждено обществу полезнымъ, то послѣ онъ, съ возложеніемъ на него изъ цвѣтовъ сплетеннаго вѣнца, для торжества, съ послѣдованіемъ и восклицаніемъ народа, водимъ былъ по всему городу, а какъ по прошествіи времяни, еще больше усмотрено, сколь великую пользу, уничтоженіе помянутаго обычая, въ народѣ ихъ причинило, то и *Кадокіемъ* или великимъ канцлеромъ его здѣлали.

И отъ того уже времяни, всегда свято наблюдается у нихъ законъ, о содержаніи непремѣняемаго, между гражданами равенства, однакожъ притомъ отставкою предписанного обычая всякое ревнованіе между ими не уничтожилось, но всякъ изъ нихъ, единою добродѣтеліюи заслугами, одинъ другаго превосходить старается. И изъ подземной Історіи значится, что съ показаннаго времяни, явился было у нихъ одинъ новозатѣйщикъ, которой уничтоженной о чиновныхъ классахъ законъ, дважды возобновить покушался, однакожъ за первую отвагу

отвагу осужденъ онъ былъ къ кровопущенію, а когда донесено было, что онъ въ тойже своей затѣйкѣ пребывалъ нераскаянно, то наконецъ натвердь сосланъ. И такъ понынѣ въономъ княженіи, никакихъ классовъ достоинствамъ и титуламъ нѣтъ, кромѣ, что вышнее правительство, съ нѣкоторымъ различіемъ, извѣстные у нихъ должности, за знатнѣйшіе предъ другими узаконяетъ, однакожъ и зъ такова узаконенія ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права, требовать себѣ перваго въ собраніяхъ мѣста. Различіе оное должностей, можно видѣть изъ княжихъ указовъ или грамотъ, которые обыкновенно у нихъ, заключаются слѣдующими словами: ПОВЕЛѢВАЕМЪ И УЗАКОНЯЕМЪ, НАШИМЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦАМЪ ЗАВОДЧИКАМЪ ФАБРИКЪ, КУПЦАМЪ, МАСТЕРАМЪ, ФИЛОСОФАМЪ, ЗНАТЕЛЯМЪ ХУДОЖЕСТВЪ, ПРИДВОРНЫМЪ СЛУЖИТЕЛЯМЪ, и прочая.

Я увѣдомился, что въ архивѣ тамошняго владѣтеля, хранится нѣкоторой списокъ чинамъ, слѣдующаго содержанія:

КЛАСЫ ЧИНАМЪ.

1. Тѣхъ, которые въ самонужнѣйшее время, имѣніями своими, вспомогали общество.

2. Государьственныхъ служителей, которые служатъ отъ себя, безъ всякаго жалованья.
3. Мужиковъ и земледѣльцевъ, которые имѣютъ по осми вѣтвей и больше.
4. Земледѣльцевъ же, о семи вѣтвяхъ и менше.
5. Заводчиковъ фабрикъ, или манифактуръ.
6. Мастеровыхъ, которые нужнѣйшїя мастерства исправляютъ.
7. Философовъ, и жалованныхъ биретами докторовъ обоего полу.
8. Знателей художествъ.
9. Купцовъ.
10. Придворныхъ служителей, которые получаютъ жалованья по 500. рупатовъ.
11. Тѣхже придворныхъ служителей, которые имѣютъ годоваго жалованья по 1000. рупатовъ.

Весьма смѣшнымъ мнѣ показался, таковъ ихъ чиновной списокъ, котораго конечно, и никто въ нашемъ свѣтѣ, похвалить не можетъ; и хотя я тихимъ образомъ провѣдывалъ, чтобы за причина была такому превращенному порядку; какое сй основанїе; и какими доказательствами

мо-

могутъ защищать еѣ подземные, толькожъ признаюсь, что оное, по сіе время для меня, есть такая дичь, которой я понять вовся не могу.

Между прочими, наидостойнѣйшими примѣчанія дѣлами, примѣтилъ я у нихъ слѣдующее: что чемъ большими кто отъ общества своего пользуется, благодѣяніями тѣмъ кротчайшимъ, и смиреннѣйшимъ себя, предъ всѣми оказываетъ. Такъ часто видалъ я *Бослолана*, человѣка изъ между Потуанцовъ наибогатѣйшаго, въ толь смиренномъ на пути, съ согражданами своими обхожденіи, что онъ всѣ вѣтви свой скланивалъ, и наклоненіемъ головы всякому простонародному дереву, благодарной духъ свой свидѣтельствовалъ. Когда я спрашивалъ причины тому, отвѣтствовано мнѣ, что такъ велитъ ему должность, понеже ни единъ человѣкъ, столько отъ общества добра не получилъ сколько онъ, и слѣдственно потому онъ большимъ всѣхъ обществу и должникомъ здѣлался; однакожъ къ таковому народа почитанію, законрмъ никто не обязывается, но понеже Потуанцы, сами о всѣхъ вещахъ здраво, и чистымъ разумомъ разсуждаютъ, то они добровольно оную добродѣтель оказываютъ, считая таково

почтенїе, самимъ разумомъ опредѣляемое за законную должность, вовся инако, нежели у насъ дѣлается, гдѣ такїе люди, которые наибольшими честьми, и наибольшими достатками награждаются, бѣдныхъ гордымъ окомъ презираютъ. Гражданами же у нихъ, самими заслуженнѣйшими, которыхъ всѣ почитать одолжены, состоятъ многочисленныхъ дѣтей родители. Они подземными считаются героями, и память свою въ потомство славною оставляютъ, да онижъ у нихъ одни и имя великихъ наслѣдствуютъ, я помню гробовую доску надъ однимъ пахаремъ, которую видѣлъ я, въ *Кебѣ*. Она была украшена слѣдующею надписью: ЗДѢСЬ ЛЕЖИТЪ ВЕЛИКОЙ ІОХТАНЪ ТРИТЦАТЕРЫХЪ ДѢТЕЙ ОТЕЦЪ, СВОЕГО ВРЕМЯНИ ГЕРОЙ. Однакожъ притомъ знать надобно, что къ полученїю таковой славы, не довольно у нихъ одно дѣтей рожденїе, но требуется, чтобъ оные дѣти, и честнымъ образомъ отъ нихъ были воспитаны.

Въ установленїи у нихъ законовъ и опредѣленїй, все тихо а нескоропостижно происходитъ. Ибо они, почти точнымъ древнихъ римлянъ обрядомъ, законы свои составляютъ. Намѣренїе о новомъ законѣ

жонѣ, всегда у нихъ прибиваютъ, по всѣмъ городскимъ приказамъ, и тогда дается воля народу, оной разбирать, и совѣты свои въ собраніе законознателей, нарочно для того въ Потуанскомъ городѣ учрежденное, представлять, а въономъ собраній съ крайнимъ прилѣжаніемъ все то переслѣдывается, что только до установленія, до утвержденія, или уничтоженія до принятія, до поправленія, до сокращенія или прибавленія закона касается. По переслѣдованіи же такимъ образомъ отъ законознателей всякой вещи, наконецъ для соизволенія, и подписанія владѣтелю, подносится новоуставляемой законъ. Сія медленность не диво многимъ можетъ показаться смѣшною, однакожъ дѣйствіе оной есть вѣчное пребываніе закона, ибо я слышалъ, что въ ономъ княженіи, ни одинъ законъ, чрезъ пять сотъ лѣтъ времяни, не подверженъ былъ и самомалѣйшей отмѣнѣ.

Въ казенной палатѣ тамошняго владѣтеля, находится списокъ всѣмъ знатнѣйшимъ деревьямъ, вмѣстѣ съ аттестатами, какъ о ихъ наукахъ отъ Эксаминаторовъ, или караттовъ, такъ и о житіи и поступкахъ, отъ ихъ сосѣдовъ, и старостъ заслуженными, и потому общест-

во ихъ, недостатку не имѣетъ въ такихъ людяхъ, которыми упалыя мѣста наполнять можно. Особливо у нихъ, за достопамятную вещь показалось мнѣ то, что никому тамо не дозволяется имѣть право къ поселенію въ городѣ, ежели кто не будетъ имѣть за собою, свидѣтельства отъ того мѣста, или деревни, гдѣ онъ жилъ прежде, и ежели не удостовѣритъ, о честности будущаго своего житья.

Закону, однажды у нихъ установленному, и общенародною властїю утвержденному, подъ смертною казнїю, запрещено дѣлать толкованїя, для того что по ихъ мнѣнїю ежели кто законы, общественно уставленные, дѣлаетъ сомнительными, или чрезъ толкованїя свой, вдругой разумъ натягивать силится, тотъ цѣлое общество приводитъ въ смущенїе.

О придворномъ состоянїи, и о домостроительствѣ онаго, упомянулъ я нѣсколько повыше сего, и обьявилъ, что *Кадохи*, или великой канцлеръ, самое вышшее между придворными содержитъ мѣсто; за онымъ же тотчасъ щитается *Смирганъ*, или великой казначей. Должность сїю правила въ то время вдова о семи вѣтвяхъ, именемъ, *Габагна*, которая по вѣрнос-

сти, и познатнымъ разума дарованіямъ, избрана въ толь важное званіе. она несла сію должность, еще за долго и до смерти своего мужа, которой хотя и самъ въ казначейскихъ дѣлахъ прилѣжно обращался; однакожъ женинымъ совѣтомъ и соизволеніемъ такъ былъ управляемъ, что по-собственному своему разсужденію, ничего распоряжать не могъ, и потому свойственнѣе было ему называться помощникомъ, нежели мужемъ еѣ. Правда письмы и приказы, онъ подъ своимъ именемъ отправливалъ, во всѣ таковы случаи, когда жена ево, либо родами, либо болезнми была препятствуема, и дѣлъ сама отправлять не могла; однакожъ за твердое и подлинное, ни что не признавано было, ежели оное жены его подписаніемъ, или печатью не укрѣпленнымъ состояло. Сія *Рабагна* имѣла двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ келлермейстеромъ, а другой мясникомъ придворнымъ, и ради слабости своего ума, хотя сестра ихъ и въ толь высокомъ достоинствѣ находилась, не смѣли они, искать себѣ вышшаго чина, для того что тамо чины жалуютъ по самой справедливости.

Рабагна, хотя трудными дѣлами отягчена была, однакожъ дитя свое, по смерти

рти мужа родившееся, сама грудью кормила. Я таково кормительство, считалЪ за весьма скучное, и толь знатной госпожѢ за непристойное дѣло, но подземные мнѢ
„ на то отвѢчали: *Развѣ де ты думаешъ, что натура женщинамъ дала*
„ *груди, не для питанїя дѣтей, но*
„ *ради украшенїя ихъ? нѣтъ. Во искоренe-*
„ *нїи младенцу нравовъ, великое имѣ-*
„ *етъ участїе кормилицынъ умъ и при-*
„ *рода молока. Которые женщины, дѣ-*
„ *тей своихъ къ воспитанїю кормили-*
„ *цамъ поручаютъ, тѣ союзъ любви*
„ *и единодушїе ихъ съ собою разсѣкаютъ;*
и по сей причинѢ всѢ онаго княженїя госпожи, собственнымЪ молокомЪ своимЪ дѢтей вскармливаютЪ.

НаслѢдной принцЪ, вЪ мое время былЪ у нихЪ молодЪ, а именно шести лѢтЪ. вЪ немЪ была природа разумная, и оказывались сѢмена многихЪ добродѢтелей, и имѢлЪ онЪ уже шесть вѢтвей, что вЪ толь молодомЪ вѢкѢ рѢдко случается ибо у нихЪ кромѢ четырехЪ или пяти вѢтвей сЪ болшимЪ оныхЪ числомЪ, никто не родится, прочїе же сЪ возрастомЪ его наростаютЪ. УчителемЪ сему принцу было, самое мудрѢйшее изЪ всего княжества дерево, и обучало своего ученика, вЪ знанїи

бога-

бога, въ Історіи, въ математикѣ, и въ моральной философіи. Я видѣлъ преславную оную моральную систему, или сокращеніе политики, которое отъ него, для употребленія принцу сочинено было подъ такимъ названіемъ. МАБАЛДА ЛИБАСЪ ГЕЛИЛЪ: которое подземнымъ языкомъ означаетъ КОРМИЛО ОБЩЕСТВА. Оно содержало весьма твердыя, и полезныя правила. Я изъ оныхъ нѣкоторыя и по нынѣ помню; которыя были слѣдующагo содержанія:

1. Обносу и похвалѣ, не должно безразсудно вѣрить, но удерживать о томъ судъ до тѣхъ поръ, пока твердое о дѣлахъ знаніе, получить возможно.

2. Ежели кто въ винѣ какой попадется, и въ оной изобличенъ будетъ, то надлежитъ изслѣдовать; не здѣлалъ ли виноватой когда нибудь какого добраго дѣла; и потому, учиня добрымъ и худымъ его дѣйствіямъ соравненіе, и размѣръ, наконецъ приговоръ издавать должно.

3. Скучнымъ, и часто противорѣчащимъ совѣтникамъ, какъ велико-

душнѣйшимъ подданнымъ, должно ввѣряться владѣтелю для того, что въ сказываніи правды, ни кто себя въ бѣдствіе отважить не захочетъ, кромѣ одного того, кому польза отечества, дороже и милѣе собственной своей жизни.

4. Въ сенатъ опредѣлять, надлежитъ владѣтелю только однихъ великопомѣстныхъ людей, для того что ихъ польза, соединена съ пользою общества. На противъ же того, за кѣмъ недвижимыхъ имѣній, въ какомъ княженіи нѣтъ, тотъ оную землю, не отечествомъ, но квартѣрою, по образцу прохожего почитаетъ.

5. Хотя владѣтель, службою злаго человѣка, до времени, когда онъ къ нѣкоторымъ дѣламъ способенъ, и можетъ ползоваться, но въ особенную его допущать милость и повѣренность, безразумно бы было, для того, что ежели злой, или ненавистчой человѣкъ, въ число ближнихъ владѣтельскихъ людей причтенъ будетъ, то подъ его защитою могутъ въ общественные

ные чины, производимы быть самые негоднѣйшіе граждане.

6. Владѣтель, имѣетъ считать за самыхъ подозрительнѣйшихъ людей тѣхъ, которые весьма часто ко двору пріѣжжаютъ, и непрестанно по переднимъ шатаются; ибо кто часто, и безъ приглашенія владѣтельскіе пороги обиваетъ, о томъ конечно думать надобно, что онъ либо уже дѣйствителной злодѣй, либо злодѣйство какое намѣряетъ.

7. Весьма жадныхъ искателей чести, не надлежитъ никакою честію жаловать; ибо какъ никто милостыни просить не можетъ, кромѣ убогаго и голоднаго человѣка, такъ никто и чести жадно добиваться не станетъ, кромѣ того, кто добродѣтелью и заслугами, ни какова себѣ почтенія приобрѣсть не можетъ.

8е. У него правило, правда весьма полезное, толькожъ я на оное согласиться не могъ, ради ненавистнаго онаго примѣра, которымъ

онѣ его обьясняетѣ. Правило оное почти такова содержанія: не надлежитѣ ни единаго гражданина, разсуждать крайнѣ непотребнымѣ для того, что вѣ людяхѣ никого нѣтѣ такѣ тупаго и непонятнаго, которой бы по справедливому разбору, вѣ какое ни есть дѣло не годился, а вѣ иномѣ бы и превосходнымѣ дѣльцемѣ, почесться не могѣ. на примѣрѣ: одинѣ имѣетѣ разсужденіе, а другой остроуміе. Одинѣ знатенѣ великостію духа, другой великостію тѣла. Одинѣ можетѣ годиться вѣ судьи, другой вѣ подьячіе, одинѣ способенѣ кѣ изобрѣтенію, и изьясненію вещей, а другой вѣ произведеніи оныхѣ вѣ дѣло силенѣ. И потому, весьма мало есть такихѣ, которые вовся негодными назваться могутѣ. Чтоже нынѣ толь много тварей кажутся негодными, то вѣ семѣ виною не состоитѣ творецѣ, а виноваты тѣ, которые несправедливо, разсматриваютѣ всякаго человѣка силы, и не вѣ то каждаго опредѣляютѣ, куда природная его способность требуетѣ.

предѣ-

Предложеніе сіе изъясняетъ онъ моимъ примѣромъ такъ: видѣли мы, говоритъ, на нашемъ вѣку сверхземное животное, которое ради скоропостижнаго ума отъ всѣхъ согласно признано было, непотребною земли тягостію. Однакожъ по скорости хожденія, и по превосходству ногъ своихъ, оно служило намъ къ не малой нашей пользѣ. Я прочетши сіе тихонько самъ въ себѣ сказалъ: предисловіе въ семъ есть честнаго мужа, но заключеніе бездѣльника.

9. Для искуснаго правительства, главнымъ дѣломъ поставляетъ онъ то, чтобъ владѣтель, весьма прилѣжно промышлялъ, достойнаго наслѣдному принцу учителя, и выбиралъ бы такого, которой благочестіемъ и науками весьма знатенъ, для того, что отъ наставленія будущаго наслѣдника, все общества благосостояніе проистекаетъ, и всякое наше, въ молодомъ вѣкѣ приученіе, дѣлается намъ природою. И тако, необходимо нужно, чтобъ наставникъ молодаго принца, былъ любитель

отечества, почему бы и принцу также любовь къ его подданнымъ вкоренить могъ; ибо всѣ его наставленія, не инуды, какъ къ одному сему концу намѣряемы быть должны.

10. Надлежитъ владѣтелю, крайнѣ развѣдывать природную подданныхъ своихъ склонность, и къ оной себя принаравливать. И ежели онъ захочетъ исправить пороки подданныхъ, то долженъ оные исправлять больше примѣромъ, нежели законами; ибо дѣйствительнѣе, и скорѣе повреждать насъ могутъ худые домашніе примѣры, нежели исправлять чтеніе книгъ великихъ писателей.

11. Не должно владѣтелю никого допускать жить въ праздности, понеже праздные люди состоятъ тягостными отечеству, притомже попеченіемъ, и непрестанными трудами, силы общества возрастаютъ и укрѣпляются, а злодѣйскіе умыслы, и ухищренія разсыпаются и пропадаютъ. И по сей то причинѣ, полезнѣе есть въ

пра-

правительствѣ, чтобъ подданные, хотя негодными росказами и игрищами забавлялись, нежели чтобъ жили въ праздности, которая есть всѣхъ злыхъ умысловъ поджога.

12. Должность также владѣтеля есть, между подданными хранить согласіе, хотя впрочемъ и то не худо, чтобъ между совѣтниками его, было и нѣкоторое ревнованіе, для того, что чрезъ такое средство, открывается правда, такъ какъ изъ споровъ адвокатовъ, судьѣ представляется распознаніе дѣла.

13. Разумно дѣлаетъ владѣтель, ежели въ важныхъ дѣлахъ, слушаетъ мнѣніевъ цѣлаго сената. Однакожъ еще надежнѣе способъ есть, чтобъ вывѣдывать мысли каждаго сенатора порознь, нежели вобще при собраніи цѣлаго сената, для того что въ полномъ собраніи, гдѣ мнѣнія откровенно выговариваются, обыкновенно бываетъ, что часто одинъ сенаторъ, источникомъ своего краснорѣчія другихъ

гихъ заглушаетъ, и такъ вмѣсто многихъ, одно только мнѣнiе владѣтелю слышать достанется.

14. Въ наказанiяхъ владѣтелю, не меньшая есть нужда, какъ и въ награжденiяхъ. Ибо первыми сокращаются злодѣйства, а вторыми распространяются добродѣтели. И въ семъ разсужденiи, надлежитъ и злаго человѣка за учиненную отъ него добродѣтель награждать же; чтобъ чрезъ то къ порядочному должности своей исправленiю, поощрялисeь другiе.

15. Что до производства въ чины, и общественные должности касается, то онъ научаетъ, что больше всего въ людяхъ, способность, или годность наблюдать должно, для того, что хотя благочестiе, и добросердечiе по естеству своему и больше нежели способность къ чинамъ бы надобны, однакожъ мы часто видомъ ихъ обманываемся; ибо благочестiе, всякъ легко притворить себѣ можетъ, когда знаетъ, что такимъ добродѣтели при-

притворомъ путь ему къ чинамъ дѣлается. Равномѣрножъ по тому каждой и добрымъ, и праводушнымъ себя, лицемѣрно представить найдетъ способъ; а сверхъ того, о благочестіи, и праводушіи человѣческомъ, разсуждать, прежде пока онъ въ должность какую употребленъ будетъ, въ которой, какъ на открытомъ театрѣ, добродѣтельныя дѣла оказывать можетъ, гораздо трудно. Способность же или годность его, учиня только справедливое розсмотрѣніе, вывѣдать весьма легко можно; ибо глупому, и незнающему человѣку, труднѣе утаить свою глупость и невѣжество, нежели лицемѣру свое злочестіе или злодѣю свое беззаконіе. Притомъ же дѣльность и добросердечіе не суть добродѣтели себѣ такъ всегда противные, чтобъ они въ одномъ, и томъ же человѣкѣ, легко не могли соединяться, такъ какъ противнымъ образомъ, глупость съ добростію, рѣдко имѣетъ совокупленіе. И такъ ежели дѣльной человѣкъ, вмѣстѣ и добрымъ человѣкомъ будетъ, то въ немъ полное;

имѣетъ быть совершенство. Глупой же человѣкъ, добръ ли или золъ будетъ; все то равно. ибо ежели онъ золъ, то извѣстно, сколько чудовищъ, можетъ производить глупость, когда еще она, со злостїю соединена будетъ? ежели же онъ добръ, то однако по неразумїю своему, и самихъ своихъ добродѣтелей въ дѣло употребить, не будетъ въ немъ смыслу. И буде онъ самъ злодѣйства затѣять, или не сможетъ или не осмѣлится, то конечно осмѣлится его слуга, или повѣренной, которой ему въ дѣлахъ его пособляетъ. Ибо обыкновенно, глупой помѣщикъ, всегда имѣетъ, коварного прикащика, и несмысленной судья, ябедника держитъ подьячего, которой безъ всякаго страха, коварства свои производитъ, вѣдая, что чтобы онъ ни наблудилъ, все то падетъ на шею его начальника, или господина. И по такимъ то причинамъ, надлежитъ, въ распредѣленїи должностей, особливо наблюдать въ человѣкѣ способность или дѣльность.

16. За нечрезмѣрное честолюбіе, не должно никого безразсудно обвинять, и за одно то отъ степеней чести отдалять, что кто должности, которую по силѣ своей разсуждаетъ, добивается, для того, что ежели въ распредѣленіи чиновъ такое правило весма тѣсно наблюдать будетъ владѣтель, то и самой честолюбивѣйшій человѣкъ, станетъ надѣвать насебя маску смиренія, будучи увѣренъ, что онъ такимъ путемъ надежнѣе и скорѣе, достигнетъ своего намѣренія, А владѣтель между тѣмъ, выбирая по виду самихъ смиреннѣйшихъ людей, противу своего желанія, нажалуетъ въ чины самихъ прегордыхъ, и прежадныхъ честолюбителей, то есть, тѣхъ, которые во время праздного нѣкотораго мѣста, притворяютъ себя отъ него бѣгающими, и укрывающимися и которые, чрезъ друзей своихъ, вездѣ разглашаютъ, будто они отъ всякаго чина, и отъ всякой общественной чести удаляются. На сіе приводитъ онъ примѣръ, нѣкотораго человѣка, которой видя одно знатное, и ему безмѣрно же-

лаемое мѣсто въ праздности, пи- смевно представлялъ владѣтелю, якобы услышалъ онъ, что его свѣтлость, намѣренъ помянутое достоинство, котораго многїе безпокойно добиваются, ему пожаловать. Чего ради онъ славнаго онаго дѣла, разсуждая его выше своей силы, принять на себя не желаетъ, и нижайше проситъ, чтобъ оное поручено было другому достойнѣйшему его человѣку. А особливо потому, что якобы онъ настоящимъ своимъ состоянїемъ будучи доволенъ, большаго ничегодля себя нежелаетъ. Такимъ засвидѣтельствованїемъ смиренїя, столь чувствительно тронутъ былъ владѣтель, что онаго отрекающагося человѣка, сверьхъ его надежды, въ означенное произвелъ достоинство. Однакожъ со временемъ, тотчасъ узналъ онъ, какъ его обманулъ ложной видъ смиренїя, когда увидѣлъ, что новой его министръ, гордостїю и малоумїемъ всѣхъ прочихъ былъ превосходнѣе.

17. Бѣднаго и ничего неимѣющаго человѣка опредѣлять въ сенаторы, или

или къ вѣдомству денежной казны, есть тоже самое, какъ голоднаго приставлять къ харчевымъ анбарамъ, тожъ разумѣется и о богатомъ лакомцѣ, ибо первой изъ нихъ ничего не имѣетъ, а другой ничемъ насытиться не можетъ.

18. Ни какихъ отказовъ, и надѣловъ не надлежитъ подтверждать такихъ, которые къ питательству праздныхъ деревъ и къ одному содержанію безполезной ихъ обществу жизни склоняются. И для того во всѣ означеннаго княженія монастыри, и во всѣ училищные коллегіи, принимаютъ только однихъ дѣльныхъ, и къ полезнымъ должностямъ способныхъ деревъ, то есть такихъ, которые либо рукодѣліемъ обществу услуживать, либо науками и ученіями оное украшать могутъ, выключая только малые нѣкоторые богадѣльни, въ которыхъ содержатся безплодные, и престарѣлые деревья для того, что такіе у нихъ, по требованію самихъ лѣтъ ихъ, отъ всякихъ работъ уволняются.

19. Когда умножившїеся пороки, потребуютъ исправить состоянїе общества, то въ томъ тихо, и исподоволь поступать должно; ибо, хотѣть всѣ вдругъ, застарѣлые пороки, будто съ одного маху выкоренить, есть тожъ самое, какъ бы кто больному, рвотное, проносное, и кровопущанїе, въ одно и тоже время преднаписывалъ.

20. Которые люди, смѣло все обѣщаютъ, и вдругъ берутъ на себя многїя дѣла, оные либо глупы, которые силъ своихъ не разумѣютъ, и тягости дѣлъ не понимаютъ, либо злые и не истинные граждане, которые только себѣ самимъ, а не обществу служатъ. Разумной человѣкъ, первѣе отвѣдываетъ фунтовой тягости, когда за пудовую принимать ся хочетъ и истинной сынъ отечества, которой оному, прямо желаетъ благополучїя, ничего, вершки только схватывая, дѣлать не согласится.

ГЛАВА VII.

Объ Академіи.

ВЪ княженіи семъ, находятся три вышніе школы, или академіи, изъ которыхъ первая есть въ *Поту*, другая въ *Кебѣ*, а третья въ *Пабамѣ*. Науки въ нихъ предлагаются слѣдующіе: Історіа, Экономіа, Математика, и юриспруденція. Что же касается до богословіи, то понеже она у нихъ столь тѣсно сокращена, что почти вся, на двухъ только страницахъ вмѣститься, и истолковаться можетъ, притомъ же и правила, содержитъ она только одни такіе, чтобъ любить и почитать единаго Бога, всѣхъ вещей творца и правителя, котораго существо и свойства никакому сотворенному разуму совершенно непостижимы, того ради она у нихъ, не есть академическою наукою, да и быть не можетъ по тому, что законами ихъ накрѣпко запрещено, чтобъ никто о существѣ божіемъ, и о свойствахъ его, никакихъ любопытныхъ не заводилъ прѣній. Равнымъ же образомъ у нихъ и медицина между академическими науками не щитается; ибо ради трезвеннаго, сихъ деревьевъ житія, внутренные болѣзни, по большой части имъ незнакомы. О метафисикѣ,

сикѣ, и превосходящихъ наукахъ, я здѣсь не упоминаю, для того, что предъ симѣ уже отъ меня обьявлено, какъ у нихъ спорящїе о существѣ божїемъ, о качествѣ Ангеловъ, и о естествѣ душъ, по учиненїи имъ кровопущанїя, въ носокомїи и въ покаянные домы отсылаются.

Упражненїя академическїя, состоятъ у нихъ въ слѣдующемъ: должны учащїеся дѣти, во время своего ученичества, рѣшить трудные, и достопамятные задачи. Таковы задачи предлагаются имъ къ рѣшенїю, съ опредѣленїемъ нѣкотораго награжденїя тѣмъ, которые остроумно и свойствено загадку растолкуютъ. И сими средствами, прямой каждаго ученика успѣхъ разсматривается. Причемъ и распознаваютъ учители сколько кто въ наукѣ силенъ, и въ чемъ именно совершенство свое имѣть обнадеживаетъ; никто у нихъ больше одной науки ничему обучаться не долженъ; ибо они многоученїе, щитаютъ за знакъ ума непостояннаго и шатливаго. Изъ сего происходитъ, что ученїя у нихъ, будучи заключены въ толь тѣсныхъ предѣлахъ, чрезъ короткое время съ плодомъ оканчиваются. Равнымъ же образомъ налагаются у нихъ и на самихъ докторовъ ежегодныя сочиненїя. Моральному

му философу, дается какая ниесть трудная Проблема къ истолкованію, Історикъ, долженъ писать исторію или нѣкоторую часть оной. Экономъ и математикъ, обязуется обьявлять сокровенности, и наукамъ своимъ новыми толкованіями дѣлать обьясненіе. Юрисконсультамъ надлежитъ оказать остроумно и пристойно сочиненные рѣчи; ибо имъ то однимъ тамо реторики учиться понуждѣ необходимо должно, для того что имъ только однимъ, упражненіе въ оной, впредь годиться и ихъ къ исправленію адвокатской должности, въ сильныхъ рѣчахъ состоящей, способными учинить можетъ. По сей причинѣ, когда я имъ расказывалъ, что у насъ, всѣ академическія сочиненія, дѣлаются по ораторіи, они таково установленіе явственно ругая сказали: ежели бы всѣ мастеровые люди захотѣли на образецъ дѣлать сапоги, то конечно бы многіе изъ нихъ явились безпутно, и негодно здѣланными, а только бы одни сапожники, за свое дѣло награжденіе и похвалу заслужили. Я только напомянулъ имъ объ ораторскомъ художествѣ, а о диспутахъ нашихъ и упоминать не осмѣлился вѣдая, что они тамъ, между игрищными представленіями почитаются. Публичные ихъ учители, представляя и изьясняя уче-

никамъ полезные вещи, несвирѣпо, и не повелительнымъ образомъ поступаютъ, такъ какъ наши философы обычай имѣютъ, но вымышляя пристойные, и увеселительные притчи, здравымъ разсужденіемъ изобрѣтенныя, къ пользѣ юношества дѣла, съ великимъ слушающихъ привлеканіемъ внушаютъ.

Удивляться надобно, съ коликою важностію, и съ какою благопристойностію, академическія у нихъ дѣйствія отправляются, и производства дѣлаются; ибо они съ крайнею прилѣжностію наблюдаютъ, чтобъ въ академическихъ дѣйствіяхъ, вовся ничего такого небыло, чтобы къ смѣху причину подать, либо видъ игралищныхъ позоровъ, представлять могло, разсуждая, что академическіе обряды, важностію, и благопристойностію, отъ театральныхъ игралищъ, отличны быть должны, дабы инако, свободныя художества, ради непристойнаго оныхъ употребленія, народу не омерзѣли, и за подлыя не щитались. Чего ради я, не осмѣлился уже и упоминать объ оныхъ обрядахъ, какими степенства и производства, въ нашемъ свѣтѣ отправляются; ибо приключеніе мое, бывшее мнѣ въ *Кебѣ*, когда я тамъ описывалъ производства нашихъ докторовъ, къ вѣч-

ном у

ному моему молчанію, довольно важною состояло причиною.

Сверхъ показанныхъ академіи, всѣ знатнѣйшіе городы, имѣютъ у нихъ свои семинаріи, и свои гимназіи, гдѣ, тщательной дѣлается, дѣтскимъ умамъ разборъ, по которому бы заблаговремянно усмотрѣть можно, кто къ чему способность имѣетъ, и въ какой имянно наукѣ наибольшую о себѣ надежду утверждаетъ; Когда я въ *Кебанской* семнаріи окончалъ свое ученіе, были мнѣ на пути въ товарищахъ четырѣ молодца бишофскіе дѣти, которые всѣ военнымъ дѣламъ обучались, другіе четыре, сенаторского роду, мастерствамъ и рукомесламъ, да двѣ дѣвицы, которые учились навигаціи, а то для того, что у нихъ разсматриваютъ, только одну въ учащихся природную способность, невзирая ни на какія чины, и ни на какія полы. Такимъ образомъ развѣдавъ ученическіе умы, семинарскіе содержатели, даютъ каждому изъ нихъ свидѣтельства, съ такимъ увѣреніемъ, какъ я отомъ объявилъ выше. Сіи свидѣтельства, почитаются у нихъ крайнѣ истинными, и вовся безпристрастными, хотя для меня мое свидѣтельство, которое дано мнѣ отъ *Кебанской* семинаріи, напротивъ того, ка-

залось глупымъ, безмѣстнымъ, и вовся несправедливымъ.

Никому здѣсь не дозволяется писать книгъ, пока онъ не будетъ имѣть отъ роду тритцати лѣтъ, и не засвидѣтельствуется отъ управителей училищныхъ къ писанію оныхъ способнымъ. Чего ради у нихъ, немногіе, правда, но ученые, и съ разумнымъ разборомъ писанные книги на свѣтъ выходятъ. По сей причинѣ я уже и обьявлять о себѣ боялся, что я еще въ робячихъ лѣтахъ, написалъ пять или шесть дисертацій, ибо конечно бы меня они засмѣяли.

Довольно кажется сего описанія, о Гражданскомъ правительствѣ, и о наукахъ помянутаго народа. остается еще упомянуть, о другихъ нѣкоторыхъ, примѣчанія достойныхъ, и сему народу собственныхъ дѣлахъ.

Ежели у нихъ одно дерево, другое станетъ вызывать на дуэль, или на поединокъ, то вызыватель, имѣетъ на весь вѣкъ свой, получить запрещеніе, чтобъ ему ни за какое оружіе не приниматься, а сверхъ того еще принужденъ онъ будетъ по подобію младенца, жить за дядкою какъ

страстьми

страстьми своими владѣть не умѣющіи отмѣнно совсѣмъ противъ нашего обычая гдѣ таковы къ поединкамъ вызывы, почитаются знаками героичнаго духа, несмотря нато что у Грековъ, римлянъ, и у другихъ древнѣйшихъ народовъ, таковы вызывы вовся были незнакомы.

Въ судебныхъ Потуанскихъ правахъ, примѣтилъ я слѣдующее дикое дѣло; имена тяжущихся у нихъ, состоятъ закрыты предъ судьями, и ссоры разбираются не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они здѣлаются, но отсылаются къ суду, въ другіе далнѣйшіе провинціи. Столь удивителному обычаю, причиною у нихъ состоитъ в сіе: искуство научаетъ, что многіе судьи, бываютъ либо дарами подкуплены, либо по какимъ либо пристрастіямъ, къ одной которой сторонѣ склонны, чего ради, они думаютъ, всѣ таковы прельщенія отвратить чрезъ то, ежели судьямъ, имена тяжущихся будутъ неизвѣстныи, ежели утаенъ отъ нихъ будетъ какъ челобитчикъ такъ и отвѣтчикъ вмѣстѣ съ оными вещами, пожитками, и недвижимостьми, о которыхъ между ими состоитъ споръ, одни только доказательства, обоихъ сторонъ къ суду, по соизволенію владѣте-

ля, отсылаются, съ нѣкоторыми знаками и примѣтами, на примѣръ: долженъ ли А которой владѣетъ какою вещїю, завладѣнное возвратить по иску челобитчика В. Желалъбы я подлинно, чтобъ сей обычай и у насъ вошелъ въ употребленїе, ибо насъ довольно искуство научаетъ, сколько въ судейскихъ душахъ дѣйствуетъ либо пристрастїе либо злоба.

Суды у нихъ свободно на всѣхъ даются, безъ всякаго лицъ разбору, одни только владѣтели не подлежатъ онымъ. Однакожъ когда и они окончаютъ жизнь свою, то тогожъ времяни общественные адвокаты дѣла умершаго, писменно къ суду представляютъ. Въ сенатѣ тогда многочисленно собравшемся, разбирая оныя, наконецъ дѣлаютъ приговоръ, которой по заслугамъ умершихъ, извѣстными характерами означается; характеры же оные, почти такого содержанїя: ПОХВАЛЬНО, НЕ БЕЗПОХВАЛЬНО, ИЗРЯДНО, НЕХУДО, СРЕДСТВЕННО и таковы знаки, перво объявляются биричемъ на рынкѣ предъ народомъ, а послѣ тотчасъ, на гробахъ умершихъ вырѣзываются. Сїе обыкновенїе Потуанцы такъ толкуютъ: живой владѣтель, судимъ быть не можетъ, безъ возмущенїя и

бунту

бунту: ибо когда онъ живъ, должны всѣ ему во всемъ безъ разбору повиноваться, и непрестанное оказывать ему почитанiе, которымъ общества, больше всего обыкновенно утверждаются; но кончиною владѣтеля, разрѣшается оное обязательство каковымъ подданные, повелителямъ своимъ одолженными пребываютъ, и потому, учинясь нѣсколько самовластительны, свободно поступать могутъ. Такимъ образомъ чрезъ полезнѣйшее оное, хотя и весьма дикое, установленiе, и безопасность у нихъ дѣлается владѣтелю, и величеству верховной власти никакого ущербу не слѣдуетъ, а однако при всемъ томъ, и благосостоянiе обществу промышляется; ибо знаки оные, хотя и умершимъ уже опредѣляются, по своему щету, столькими для живущихъ состоятъ къ добродѣтелямъ поощренiями. Iсторiя Потуанская научаетъ, что чрезъ цѣлые четыреста лѣтъ, два только изъ ихъ владѣтелей были такiе, которые самой нижнiй знакъ, то есть средственной себѣ получили, прочiе же почти всѣ, либо похвальной, либо не безпохвальной заслуживали. какъ явствуетъ по надписямъ гробовыхъ каждого камней, которые и до сего времени цѣлы, и отъ долговременства ни чемъ невредимы находятся. Ежели которому

рому владѣтелю опредѣленъ будетъ знакъ средственной, которой Потуанскимъ языкомъ называется *Рил - Фак - си* то онъ такой причинитъ, въ княжей фамилїи плачь, что наслѣдникъ умершаго владѣтеля, вмѣстѣ съ своими родственниками, чрезъ цѣлые шесть мѣсяцовъ, въ черномъ платьѣ ходить, принуждены будутъ, и вмѣсто того, чтобъ таковы наслѣдники судьямъ имѣли отмщевать за такой неблагодарной ихъ приговоръ, еще оные знаки, принимаютъ онѣ себѣ запоощренїя къ славнымъ дѣламъ своимъ, и чрезъ оные добродѣтелїю, прозорливостїю, правосудїемъ и умѣренностїю данной дому княжому знакъ, изгладить стараются, для чегоже изъ помянутыхъ владѣтелей, одному данъ былъ знакъ средственной; причина въ томъ была слѣдующая: хотя *Потуанцы*, въ военныхъ дѣлахъ и крайнѣ искусны, однакожъ войны ни съ кѣмъ не затѣваютъ, а только въ затѣваемой отъ другихъ, храбро обороняются. и такимъ образомъ зделалось, что они, какъ посредниками всегда состоятъ между другими воюющими народами, такъ и разные онаго круга жители, видя ихъ справедливость, и миролюбную жизнь, добровольно вовладѣнїе имъ отдалися. Но владѣтель ихъ *Михлета*, имѣя къ распространенїю границъ

своего

своего княженія жадность, затѣянною съ сосѣдами войною, въ короткое время подвергль ихъ своей власти. Потуанской же народъ сколько таковымъ, побѣжденной земли присовокупленіемъ, получилъ себѣ приращенія, столько, напротивъ того, чрезъ перемѣну любви сосѣдовъ своихъ въ страхъ и ненависть, претерпѣлъ убытковъ, а притомъ и великое оное почитаніе правды, и истины, которымъ однимъ Потуанскія дѣла возрастали и укрѣплялись съ показаннаго времени колебаться стали. Того ради Потуанцы, для присвоенія себѣ попрежнему, другихъ народовъ благопріятства, умершаго владѣтеля память, вышеписаннымъ знакомъ запятнали. Какая же винность была другаго ихъ владѣтеля тотъ же самой знакъ отъ нихъ получившаго, о томъ нѣтъ извѣстія.

Публичными докторами у нихъ состоятъ такіе, которые третьяго вѣка дожили. Но чтобъ сіе вразумительнѣе было, надобно знать, что жизнь оныхъ деревъ, раздѣляется на три статьи: первой у нихъ вѣкъ, причитается тѣмъ людямъ, которые въ общественныхъ дѣлахъ обучаются. Въ другомъ вѣкѣ оные публично упражняются въ томъ, чему обучились, а въ

третьемъ они, будучи уже отъ общественныхъ должностей съ честiю уволены, другихъ въ оныхъ наставляютъ. И тако, никто здѣсь публично учить права не имѣетъ, кромѣ тѣхъ, которые въ службѣ, при общественныхъ дѣлахъ состарѣлись; ибо они разсуждаютъ, что никто, твердыхъ правилъ предавать не можетъ, кромѣ такого, которой изъ употребленiя, полное въ дѣлахъ почерпнулъ знанiе.

Ежели кто, скверностiю житiя обезславленъ будучи, честной какой ниесть, и обществу полезной подастъ совѣтъ, то въ такомъ случаѣ, имя писавшаго скрывается, чтобъ доброе мнѣнiе, заразою пресквернаго изобрѣтателя, не было обезчесчено, вмѣсто же того, издается оное, подъ именемъ какого нибудь честнѣйшаго человѣка. Такимъ образомъ, доброе мнѣнiе въ своей силѣ остается, а скверной изобрѣтатель онаго честнымъ человѣкомъ подмѣняется.

Въ членѣ до вѣры надлежащемъ увѣдомился я, что хотя у нихъ объ основательныхъ вещахъ вѣры, а особливо о существѣ и свойствахъ божескихъ, спороваться и запрещено, однакожъ разсуждать, и частныя мнѣнiя, къ разбирательству представлять

свобо-

свободно. Сказываютъ *Потуанцы*, что оныя безпокойства, которыя изъ такихъ ссоръ происходятъ, могутъ соравняемы быть съ бурями, которые, когда ломаютъ кровли и деревья, то вмѣстѣ съ тѣмъ, и очищаютъ воздухъ, не допуская оному чрезъ излишнюю тишину загниваться.

Стихотворческое ученіе, у нихъ только холодно употребляется, хотя княженіе оное, и не весьма лишено стихотворцовъ, толькожъ подземная поэзія ни чемъ отъ прозы не рознится, кромѣ одной высокости штиля. Чего ради, когда я имъ расказывалъ онашихъ стопахъ и риѳмахъ они тому какъ робячьимъ игрушкамъ насмѣхались.

Между потуанскими докторами, находятся такъ называемые *профессоры добраго вкусу.* Ихъ должность есть стараться, чтобъ умы молодыхъ людей, не упражнялись въ бездѣлицахъ, и вещахъ ни кчему негодныхъ, такожъ, чтобъ ни какія писанія подлыя, и площаднаго смаку, которыхъ чтеніе, портитъ въ человѣкѣ вкусъ, на свѣтъ не выходили, и чтобъ изъ печатаемыхъ книгъ, всегда выметываемо было то, что противу чистаго и здраваго разума въ нихъ написано. И на сей то

одинЪ конецЪ, уставлены у нихЪ для книгЪ переслѣдованія и пересмотры; инако нежели вЪ нашемЪ свѣтѣ, гдѣ отЪ переслѣдователей, и самые наилучш го содержанія книги, зато одно отметаются, что они отЪ общественнаго какого ниесть мнѣнія, или отЪ принятаго вЪ обычай образца рѣчей нѣсколько разнятся, или что они жизнь человѣческую разумно и чистосердечно укоряютЪ. ИзЪ чего происходитЪ, что ученія у насЪ студенѣютЪ, и преизрядныя писанія, на свѣтѣ быть не могутЪ однако понеже Потуанцы, свободную имѣютЪ сЪ пограничными народами торговлю, то между другими товарами, иногда входятЪ кЪ нимЪ, и подлые и площадного смаку книги. По сей причинѣ, учреждены у нихЪ такіе переслѣдователи, которые часто обходятЪ книжные лавки, и называются *силоманаты* то есть книгочисты. Ибо какЪ вЪ нашемЪ свѣтѣ, есть нѣкоторой родЪ людей, которые каминные и печные трубы, ежегодно вычищаютЪ, такЪ тамо показанные переслѣдователи, учиня продажнымЪ книгамЪ переборЪ, негодные отдѣляютЪ, и всѣ тѣ, которые подлостію своею могутЪ портить человѣческой вкусЪ, вЪ нужники мечутЪ. ТутЪ я подумалЪ самЪ сЪ собою; *АхЪ какая бы у насЪ была пагуба*

книгамЪ

книгамъ ежели бы такопо учрежденіе иpелось пъ нашемъ спѣтѣ?

Больше всего, должно у нихъ хвалить прилѣжаніе тѣхъ, которые изъ природы дѣтей вывѣдываютъ, какую кто изъ нихъ жизнь свою по большей части имѣть будетъ; ибо какъ музыкантовъ уши на струнахъ своихъ инструментовъ, все, до наималѣйшаго чувствуютъ, такъ оные разсуждатели и примѣчатели добродѣтелей и пороковъ, часто изъ малаго разумѣютъ великое. Они легко изъ взгляду глазъ, изъ подыманія и напущенія бровей, изъ печали, изъ веселости, изъ смѣха, изъ рѣчи, изъ молчаливости и изъ здругихъ тому подобныхъ вещей, разсуждаютъ, что кому пристойно, и что съ чьею природою несогласно;

Но пора уже мнѣ возвратиться, къ описыванію себя самого. Я не гораздо пріятно провождалъ свое время, съ оными дикими деревьями, которые меня, ради причитаемаго мнѣ незрѣлаго ума, содержали въ посмѣяніи и презрѣніи. И не можно было мнѣ сносить оныхъ ругательствъ, каковы они по той причинѣ, на меня сплѣтали, называя меня общественно *скаббою* то есть легкомысленнымъ, или полуумнымъ, особливо же крайнѣ печально мнѣ было, когда

тоже обомнѣ разсужденїе слышалъ я и отъ моей портомои, которая хотя была послѣдняго мужичьяго роду, то есть бѣдная, и триполушечная липа, однако ненавистнымъ мнѣ онымъ именемъ, называть меня не сомнѣвалась.

ГЛАВА. VIII.

О путешествїи Климовомъ около планеты НАЗАРА

Когда я чрезъ два года скучную скороходскую отправлялъ должность, и все тамошнее владѣнїе, для разноски указовъ и писемъ обѣгивалъ, то наконецъ скучилось мнѣ оное досадное, и непристойное для меня званїе и для того одно за другимъ, повторяя мое, къ свѣтлѣйшему оному владѣтелю прошенїе, добивался я честнаго себѣ увольненїя, промышляя притомъ, не дастся ли мнѣ у нихъ чинъ, нѣсколько того почестнѣе. Однакожъ всегда получалъ я отказъ для того, что владѣтель меня разсуждалъ, къ важнѣйшимъ дѣламъ неспособнымъ, приводя мнѣ тамошнїе законы и обыкновенїя, которыя моему прошенїю противились и въ знатные и трудные службы, однихъ только достойныхъ людей опредѣлять повелѣвали.

И

И для того сказывалъ, что надлежитъ мнѣ въ должности, однажды на меня положенной, всегда оставаться до тѣхъ поръ, пока какою ниесть заслугою, могу я здѣлать себѣ путь къ вышшему чину и заключилъ рѣчь таковымъ увѣщаніемъ: когда отъ самого бога, за великой даръ посылается человѣку, себя самого знаніе, то ничего нѣтъ нужнѣе, и полезнѣе въ свѣтѣ, какъ всякому, измѣрять себя свойственною себѣ мѣрою, и оную всегда въ памяти и въ умѣ содержать твердо.

Повтореніе таковыхъ отказовъ, привело меня въ дерзновенное, и отчаянное предпріятіе. Сталъ я съ того времяни покушаться, затѣять что нибудь новое, чтобъ оказать изрядство моего ума, и изгладить оное пятно, которое тамо на меня безчестно положили. Цѣлой почти годъ, крайнюю употреблялъ я прилѣжность, въ изслѣдованіи законовъ, и обыкновеній тамошняго княжества, провѣдывая, не можно ли найти въ нихъ нѣкоторыхъ дѣлъ, поправленія требующихъ. Мысль мою осемъ, открылъ я нѣкоторому терновнику, которой жилъ со мною въ весьма тѣсной дружбѣ, и которому я какъ дѣльные, такъ и шуточные, сообщалъ мои мысли въ разговорахъ. Онъ, правда, намѣре-

ніе

ніе мое разсуждалЪ, не со всѢмЪ за негодное, но будетЪ ли оно, тамошнему обществу полезно, весьма сомнѢвался объявляя, что новаго дѢлЪ исправщика, должность есть, разсматривать ясно, состояніе и природу исправляемаго народа для того, что по различію всякой земли, человѢческихЪ природныхЪ склонностей, одна и таже вещь, различно можетЪ производить свои дѢйства, такЪ какЪ лѢкарство, которое одному тѢлу полезно, другимЪ бываетЪ вредительно. ОнЪ же напоминалЪ мнѢ притомЪ, и вЪ коль великое бѢдство, долженЪ я себя чрезЪ оную затѢйку отважить! ибо необходимо надобно будетЪ, за оную вЪ случаѢ платить головою, и лишеніемЪ моей жизни, ежели только предложеніе мое, отЪ разбирателей утверждено не будетЪ; и такЪ всеприлѢжно просилЪ меня, чтобЪ я обстоятельнѢе отомЪ разсудилЪ, хотя намѢреніе мое, и несовсѢмЪ мнѢ бросить онЪ совѢтовалЪ, разсуждая, что можетЪ быть я, чрезЪ прилѢжное разбирательство, и найду нѢчто какЪ для меня такЪ и для состоянія общества полезное. Я держася, такова дружескаго совѢта, намѢреніе мое отложилЪ до времяни, и опять скороходскую должность отправлять началЪ, терпѢливо обходя городы и провинціи, по прежнему обыкновенію

обыкновенію. безперерывная оная моя ходьба, подала мнѣ причину, тамошнее княженіе, съ сосѣдственными къ нему землями, разсмотрѣть въ точность, и чтобъ, примѣченныхъ мною въ пути вещей, не утерять изъ памяти, все что только возможно было изобразить перомъ, собравъ я въ немалой толщины книгу, поднесъ оную владѣтелю, которому сколь пріятенъ, означенной трудъ мой показался, можно было тогдажъ по тому самому примѣтить, что онъ мою книгу откровенною, при всемъ сенатѣ, почтилъ похвалою и прилѣжно оную прочетши, опредѣлилъ, чтобъ я оказалъ мою услугу и въ описаніи цѣлой планеты *Назара*, но я отмѣнаго за оные неусыпные труды мои ожидалъ было себѣ награжденія. И для того тайно съ стихотворцемъ воздыхалъ:

Ахъ какъ добродѣтель свѣтъ чудно принимаетъ
Вдругъ и хвалитъ всякъ еѣ вдругъ и презираетъ!

Однакожъ я, имѣя жадность къ новымъ вещамъ, и ожидая, по возвращеніи моемъ, отъ милостивѣйшаго владѣтеля получить награжденіе, не совсѣмъ принужденно, оной трудъ на себя принялъ.

Шаръ планеты *Назара*, хотя въ окружности своей, насилу только двѣсти нѣмецкихъ миль содержитъ, однакожъ жителямъ тамошнимъ, ради тихаго ихъ хожденїя, весьма пространнымъ кажется, чего ради имъ многїе земли, а особливо отдаленнѣйшїе, и по сїе время незнаемыми остаются. Ибо *Потуанцу*, для обходу пѣшкомъ означеннаго шара, и двухъ лѣтъ времяни мало, мнѣ же, по скорости ногъ моихъ, и одного мѣсяца было довольно; но, что болше всего, съ начала было для меня прискорбно, оное состояло, въ воображаемой мною, разности языковъ; толькожъ и въ томъ, ободрили меня нѣкоторые обьявляя, что всей оной планеты жители, какъ ни различны въ своихъ нравахъ, а языкъ употребляютъ одинъ. Сверхъ того увѣряли меня, что весь древесной родъ, столько добросердеченъ, дружелюбенъ, и благопривѣтливъ, что безъ всякаго опасенїя, всю помянутаго шара поверхность, я обойти могу, и сими увѣренїями, приумножили во мнѣ охоту такъ что я, въ началѣ мѣсяца *Тополы*, со всѣмъ въ путь свой отправился.

Слѣдующїе, за симъ, въ описанїи моемъ вещи, безъ сомнѣнїя, столько всякому,

му покажутся дики, что, можетъ быть иные захотятъ, ихъ почесть стихотворческими баснями, или пустыми мечтами; а особливо потому, что оное, тѣлъ и духовъ различіе, которое я въ семъ путешествіи видѣлъ, и въ самихъ, между собою далечайше отдѣленныхъ, и подъ другимъ солнцемъ живущихъ народахъ, насилу воображать можно. Толькожъ надобно знать, что многіе, и онаго самаго шара, народы, имѣютъ одни съ другими отдѣленіе, чрезъ проливы и моря, и что оной шаръ, нѣкоторой видъ Архипелага, на себѣ представляетъ. Чрезъ оные проливы, рѣдко перевозъ случается, и перевозчики, у береговъ тамо находящіеся, учреждены не для чего больше, какъ для однихъ только прохожихъ людей, потому, что сами тамошніе обыватели, насилу когда и ногою, за свое отечество выступаютъ; ежели же, и случится имъ крайняя необходимость, за проливъ перевезться, то съ великимъ поспѣшеніемъ, они опять домой убираются, долго жить на чужей землѣ, за несътерпимо себѣ почитая, и для того то тутъ, сколько народовъ, столько новыхъ свѣтовъ, но главная, таковой разноты ихъ причина, происходитъ изъ разной земель природы, которую вездѣ, какъ

 пашни

пашни, и земляные глыбы, чрезъ разные цвѣты свои, такъ и растущіи хлѣбъ, овощи и травы, чрезъ знатную своего подобія отмѣнность, доказываютъ. Чего ради, нѣтъ причины удивляться, когда ради таковой тамошнихъ земель и хлѣбовъ разности, и толь разные, у жителей ихъ свойства, и противные съ собою склонности, находятся. Въ нашемъ свѣтѣ, подлинно, народы, умомъ нравами, склонностьми, цвѣтомъ, и образомъ тѣла, хотя которые и безмѣрно отъ другихъ отдѣлены, мало что съ собою разнятся; но всемъ причина есть та что, какъ у насъ качество земли, почти по всему свѣту есть одно и тоже, кромѣ, что плодоносность оной, по мѣстамъ, бываетъ больше или менше, а притомъ и хлѣбъ, и травы, и воды, всѣ равную имѣютъ природу, того для, и столько разнородныя животныя, у насъ производимы быть не могутъ, сколько оныхъ, на означенномъ подземномъ шарѣ, по особому всякой земли качеству, водится. Чужеземцамъ у нихъ право дорожнаго проѣзду и торговли, всѣмъ вездѣ дозволяется, но праву, всегдашняго тамо житья, не только нѣтъ, но и быть не можетъ, дозволенія, по причинѣ одной толь разныхъ, и противныхъ съ собою,

бою, природѣ земель тамошнихъ. И для того всѣ тѣ путешественники, которые тамъ на дорогѣ ни попадаются, либо прохожіе, либо купечествомъ промышляющіе люди. Пограничные, съ Потуанскимъ владѣніемъ земли, почти туже, съ онымъ имѣютъ природу. Жители оныхъ въ старые времяна, великіе съ Потуанцами имѣли войны, однако нынѣ, либо съ ними состоятъ въ дружескомъ союзѣ, либо, чрезъ завоеваніе, подъ кроткою оныхъ областію находятся. Перевезшись же чрезъ великой оной проливъ, которой, весь показанной шаръ пересѣкаетъ, новые уже можно видѣть свѣты, и новыя, и Потуанцамъ незнаемыя животныя. Одно, только имѣютъ они общее съ предпомянутымъ княженіемъ то, что, сколько ихъ на ономъ шарѣ ни находится, всѣ разумныя суть деревья, и почти одинъ, и тотъ же употребляютъ языкъ. По сей причинѣ, путешествіе тамо, ни какой досады не приноситъ, понеже ради множества, купцовъ и прохожихъ, чрезъ провинціи путешествующихъ, привычно имъ видѣть всякіе, инородные, и отъ нихъ отмѣнные твари. Я, сіе упомянуть здѣсь, за потребно разсудилъ для того, чтобъ слѣдующее описаніе мое, ушей читающихъ оскорбить, и за красивую ложь, рѣши-

 тельнаго,

тельнаго приговора, заслужить не могло.

Продолжительно, да и излишно бы было, обьявлять здѣсь въ подробности, и историческимъ порядкомъ все то, что мнѣ въ путешествїи семъ видѣть попадалось. А хочю я описать только, одни весьма дикїе народы, въ которыхъ нравахъ, и природныхъ свойствахъ, не мало я чрезвычайныхъ, и удивительныхъ вещей примѣтилъ; такъ что по онымъ, *Назаръ*, между чудесами свѣта считаться можетъ. Я видѣлъ, что по большей части, весь древесной родъ, прїятствомъ, разсужденїемъ и важностїю, мало въ чемъ, отъ Потуанцовъ разнится, но обрядами, природными свойствами и образомъ тѣла, столько съ ними не сходствуетъ, что каждая провинцїя, новымъ, для меня, свѣтомъ представлялась.

Въ провинцїи КВАМСО, которая есть, первая сторона за проливомъ, жители, ни какой тѣлесной немощи и болѣзни не знаютъ, но всѣ, даже до глубокой старости, живутъ въ неповрежденномъ здравїи. И для того казались они мнѣ всѣхъ тварей щастливѣйшими. Однакожъ потомъ, изъ малаго моего, съ ними обращенїя

нія, увидѣлъ я, что оное мое мнѣніе весьма было ошибчиво; ибо, какъ я, между жителями сея провинціи, ни одного не видалъ печальнаго, такъ притомъ, и ни одного довольнаго, и ни одного веселаго не примѣтилъ; для того, что какъ человѣкъ, яснымъ небомъ, и тихою погодою воздуха, инако съ удовольствіемъ любоваться не можетъ, развѣ прежде, отвѣдаетъ безпокойной, и суморачной вьюги такъ оные деревья, благополучія своего не чувствуютъ, понеже оно у нихъ вѣчно и безперерывно, здоровыми себя не признаютъ, понеже болѣзней не знаютъ; и тако жизнь свою провождаютъ въ непрестанномъ здоровьѣ, и въ непрестанной постылости для того, что безперерывное благополучіе, чрезъ мѣру насыщая человѣка, наконецъ ему омерзѣваетъ и тотъ только въ свѣтѣ, съ пріятностію живетъ, чьй роскоши противности разстворяютъ. Я могу засвидѣтельствовать, что мнѣ, ни въ которомъ народѣ, не случалось видѣть, угрюмѣйшихъ нравовъ, и холоднѣйшаго, и скучнѣйшаго обхожденія, какъ между сими деревьями. Народъ, правда, сей незломысленной, да притомъ же онъ и ни любви, ни ненависти недостоинъ. Нѣтъ у нихъ страха, ни отъ чьего злодѣйства но нѣтъ же и надежды ни на чью милость.

Кратко

Кратко сказать: ничего здѣсь не найдешъ что бы тебѣ противно, и ничего, что бы пріятно было. Сверхъ того, понеже безперерывное оное, тѣла благополучіе, никогда никому, образа смерти, предъ глаза не представляетъ, и никакова къ бѣднымъ, и страждущимъ милосердія, ни въ комъ не причиняетъ, то они, весьма безопасно, и холоднымъ образомъ, безъ ревнованія и милосердія, весь свой вѣкъ изживаютъ, чего ради, въ народѣ ономъ, и единаго слѣда, какъ благочестія, такъ любви, и состраданія, отнюдь не сыщешь; ибо, когда болѣзни, представляютъ намъ смертность нашу, то тѣмъ, поощряютъ насъ промышлять способъ, чтобъ и намъ умерѣть честно, и какъ бы совсѣмъ въ путь собранныхъ, ожидать часа eѣ заставляютъ. Притомъ же, когда они наносятъ намъ мучительство, то вмѣстѣ и о мучащихся, соболѣзновать насъ научаютъ. Отъ сюду легкой имѣлъ я способъ разсудить, сколько болѣзни и бѣды смертные, способствуютъ намъ къ содержанію благочестія и дружелюбія, особливо же, какъ неправедно, ропщемъ мы на своего Создателя, что онъ, кажется, опредѣлилъ намъ родиться, на извѣстныя злоключенія, которыя, однако, весьма для насъ спасительны и полезны; толькожъ

хожъ притомъ надлежитъ примѣчать, что упоминаемые дубы, ежели прилучатся быть, кромѣ своей, въ иныхъ земляхъ тѣмъ же самимъ, какъ и другія деревья подлежатъ немощамъ и болѣзнямъ. Чего ради, безболѣзненное ихъ благополучіе, ежели его, благополучіемъ назвать можно, одному только стороны ихъ воздуху, или пищѣ, по моему разсужденію причитать должно.

Провинція, ЛАЛАКЪ, которая называется МАСКАТТА, то есть: щастливая, или блаженная, казалась имени своему соотвѣтствующею, для того что все въ ней само отъ себя, безъ всякаго труда происходило.

Ихъ рѣки молокомъ, и Нектаромъ текли,

Имъ вмѣсто соку медъ, ручьемъ бѣжалъ съ деревъ,

Ихъ нивы ни къ какимъ работамъ не влекли.

Не нужна пахота, не нуженъ былъ засѣвъ,

Все само безъ трудовъ почти, имъ въ ротъ, вплывало.

Всякъ могъ въ довольтсвѣ жить, непотужа нимало.

Толькожъ, и толь великое натуры благодѣянie недѣлало тамошнихъ жителей благополучнѣйшими другихъ; ибо когда имъ для приготовленiя пищи своей, никакой трудъ былъ не нуженъ, то они въ праздности, и лѣности изгнивая, непрестанными мучились болѣзнями. Чего ради, и мало между ими было, которыхъ бы червями, и гнилостiю расточенныхъ, безвремянная смерть не похищала. Неменше пространную мнѣ, и сей земли натура, къ философическимъ размышленiямъ, подавала матерiю, и казалось изъ состоянiя и жребiя онаго народа, что щастливѣе нѣсколько въ свѣтѣ служители, и работные люди, нежели тѣ, которые, никакова о пищѣ своей, неимѣя попеченiя, въ лѣности и роскошахъ покоятся; ибо, и сладкая пища, безперемѣнно, и всегда употребляемая, обращается въ горечь, и ослабѣвшiе отъ покоя ноги, дряхлаго тѣла подымать не могутъ. И посей то причинѣ, столько въ людяхъ, происходитъ злыхъ умышленiй, ибо изобилiе оное, въ которомъ они жизнь свою проводятъ, отымая у нихъ чувство, всякаго вкуса, и всякой роскоши и сладости, омерзѣнiе, и скуку жизни, всякому при-

причиняютъ. Такимъ образомъ, помянутая сторона, которая мнѣ жилищемъ блаженныхъ мечталась, послѣ явилась, печальнымъ, молчащихъ заключенiемъ, больше сожалѣнiя, нежели зависти достойнымъ. И потому я разсуждалъ, поскоряе оттуду убираться, нерадъ будучи долго видѣть, блаженную оную землю.

Княженiе КИМАЛЪ почитается всѣхъ сильнѣйшимъ, ради великихъ богатствъ, которыми оно изобилуетъ; ибо въ немъ, кромѣ серебряныхъ рудокопныхъ заводовъ, которыхъ тамо, великое множество, еще изъ рѣчныхъ пѣсковъ, знатная сумма золота, ежегодно получается, также и жемчугъ тамо, родится въ моряхъ изобильно. Однакожъ, какъ въ однихъ богатствахъ, не состоитъ человѣческое благополучiе; научился я, изъ прилѣжнаго о семъ народѣ разбирательства. Ибо, сколько въ томъ княженiи было жителей, столько рудокоповъ и землелазовъ, которые, жадничая своей корысти, въ вѣчную работу, и въ тяжестные труды, осужденными кажутся, которые же между ими, отъ такихъ трудовъ и увольнены, тѣ накопленную свою казну, непрестанно караулятъ. Вся сторона оная, столько отъ разбойниковъ безпокойна, что безъ кон-

вою, никто никуда проѣхать не смѣетъ. Нѣтъ тамъ ни одного праздничнаго дня, чтобъ новой воръ не явился, чтобъ вѣроломство не здѣлалось, чтобъ кто, мошенниками не обманутъ, и чтобъ, для корысти, всякаго рода злодѣйство, вымышляемо не было, кратко сказать: жизнь тамо, хищническая. Не безопасенъ сосѣдъ отъ сосѣда, тесть боится зятя, братъ, рѣдко добро мыслитъ брату, сынъ прежде времяни, промышляетъ отцу конецъ его жизни, потоптано у нихъ благочестїе, и кажется самъ богъ, отъ такой убїиствами, оскверненной земли, отступился. Чего ради народъ сей, на которой завистными, сосѣди, глядятъ глазами, больше достоинъ сожалѣнїя, нежели зависти: ибо духъ, ихъ, въ непрестанной находится осадѣ, отъ страха, отъ подозрѣнїя, и отъ зависти. Одинъ другаго, считаетъ своимъ непрїятелемъ, на имѣнїя его умышляющимъ. Такъ что плоды, и жнивы такова благополучїя, которымъ княженїе *Кималъ* надымается, все состоятъ въ боязни, въ печали, въ безпокойной, осторожности, и въ блѣдности лицъ его жителей. И для того не безъ досады и страха, и я самъ проходилъ означенную сторону; ибо на всякой дорожкѣ, и на всякомъ погра-

ничномъ

личномъ мѣстѣ, принужденъ я былъ, поставленнымъ карауламъ, отдавать отчетъ о причинѣ моего путешествія, объ имени и объ отечествѣ моемъ, и видѣлъ я себя подлежащаго тогда, всѣмъ тѣмъ безпокойствамъ, каковы, въ подозрительныхъ земляхъ, путешественники претерпѣвать должны. Земля сія, имѣетъ огнистую гору, отъ чего тамо жилы, подземнаго огня, ежечасными, будто бы, волнованіями разверзаются.

Когда обошелъ я сіе княженіе, котораго скучнѣе не было мнѣ во всемъ моемъ путешествіи ниединаго, оборотилъ ходъ мой, прямо къ сторонѣ восточной. Тамъ я попадалъ вездѣ, въ народы дружелюбные и учтивые, толькожъ притомъ, и въ весьма дикіе. Но, больше всего удивленіе причиняли мнѣ жители, весьма малаго, королевства КВАМБОА, которыхъ натура, устроила превращеннымъ порядкомъ, такъ что, чемъ кто у нихъ возрастомъ и лѣтами старѣ, тѣмъ бѣшенѣе, и распустнѣе дѣлается, и съ лѣтами его, возрастаетъ въ немъ своевольство, любодѣйство, и всѣ тѣ пороки, которые въ другихъ мѣстахъ къ молодому вѣку, обыкновенно привязаны. И по сей причинѣ, никому тамъ общественная дол-

жность никакая, не повѣряется инако, развѣ кто еще, не имѣетъ отъ роду сорока лѣтъ. Ежели же кто, оной срокъ переступитъ, то онъ у нихъ, за своевольнаго малаго почитается, которой требуетъ крѣпкаго, отъ матери за собою, присмотру.

Я видѣлъ тамо сѣдыхъ стариковъ, вездѣ по городскимъ улицамъ бѣгающихъ, и робьячими игрушками, забавляющихся, а именно: иные изъ нихъ городили кучки, иные, въ телѣжки впрягали мышей, иные чотались, а иные, на длиныхъ палкахъ верхомъ ѣздили. Видѣлъ притомъ, что ихъ за оные игрушки малые робяты бранили, иногда же и плетью, домой загоняли. Между прочими, усмотрѣлъ я одного, весьма престарѣлаго человѣка, которой при всемъ народѣ, на рынкѣ взвихрялъ пыль, кубарь гоняючи; а былъ онъ нѣкогда, человѣкъ, великой важности, и первое, въ верховномъ тамошнемъ совѣтѣ, имѣлъ засѣданіе. Превращенность такова порядка, примѣтилъ я равно, какъ въ мужескомъ, такъ и въ женскомъ ихъ полѣ. Чего ради, у нихъ обыкновенно, когда молодецъ, хочетъ жениться на старухѣ, всѣ ему, Актеоново приключеніе предвѣщаютъ, что, крайнюю

имѣетъ

имѣетъ противность, съ тѣмъ обыкновеніемъ, которое у насъ водится, гдѣ, когда старикъ, хочетъ брать молодую дѣвку, то всегда боится, еѣ надъ собою одолѣнія. Однажды, попались мнѣ встрѣшнымъ образомъ, два одряхлѣлыя старика, которые на рынкѣ имѣли между собою поединокъ. Я удивляясь необыкновенной, въ такомъ вѣкѣ запальчивости ихъ, спрашивалъ причины, тому поединку, и мнѣ отвѣтствовано, что ссора у нихъ, здѣлалась за одну женщину, которая обоимъ имъ, въ непотребномъ домѣ полюбилась, причемъ, тѣжъ расказывающіе мнѣ, объ ономъ приключеніи, говорили и то, что оныхъ стариковъ, крѣпко станутъ сѣчь розгами, ежели, помянутое ихъ своевольство, увѣдано будетъ ихъ дядьками, или приставами. Въ тотъ же самой вечеръ, сказывали мнѣ, что тамо, нѣкоторая пожилая госпожа повѣсилась за то одно, что въ похоти еѣ, отказалъ ей одинъ молоденькой букъ, къ которому она горячую любовь имѣла.

Превращенной, въ семъ народѣ порядокъ, превращенныхъ для себя требуетъ и законовъ. И потому, въ оной главѣ закона ихъ, гдѣ пишется объ опекунствѣ, никому недозволяется управленіе имѣній,

кромѣ

кромѣ того, кто будетъ отъ роду, ниже сорока лѣтъ; притомъ же, и договоры, заключенные отъ тѣхъ, которые уже, сороковой житья своего годъ миновали, за правильные тамо не признаваются, развѣ оные, отъ опекуновъ, или, отъ дѣтей ихъ, будутъ подписаны. Въ главѣ о распоряженіи старшинства, находится у нихъ такая рѣчь: СТАРИКИ, И СТАРУХИ, ПРИКАЗАМЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ, ПОСЛУШНЫ ДА БУДУТЪ. Для такихъ обстоятельствъ кто у нихъ должность какую правитъ, отъ оной обыкновенно, нѣсколько по прежде сороковаго году отрѣшается, и по отрѣшеніи, началнѣйшій ихъ судья, отнимаетъ у него, всякое право домостроительства, поручая его, по примѣру малолѣтныхъ дѣтей, въ опеку его родственникамъ. И такъ я за благоразсудилъ себѣ не продолжать гораздо моего житья въ такой сторонѣ, гдѣ, ежели бы мнѣ еще, чрезъ десять лѣтъ позабавитися случилось, принужденъ бы былъ и я, по содержанію тамошняго закона, возобновлять вторично на себѣ робячество.

Не меншежъ превращенной, и въ сторонѣ называемой КОКЛЕКУ принятъ былъ въ обыкновеніе порядокъ, которой, особливо у Эуропейцовъ, крайнѣ уничтожается.

ся.

ся. Онъ превращенности своей, не отъ натуры, но отъ однихъ только законовъ, получилъ начало. Жители земли оной, въ обоихъ полахъ, находятся можжевельники, но одни у нихъ мужчины, къ повареннымъ, и другимъ чернымъ работамъ опредѣляются. Правда, во время войны, несутъ они тамъ, и солдатское имя, однакожъ, выше солдатскаго простаго чина не происходятъ, и весьма мало, нѣкоторымъ удается, выслужиться въ прапорщики. А прапорщичей уже чинъ, состоитъ у нихъ, самимъ верховнымъ награжденіемъ, котораго, за всю службу, деревья мужескаго пола, себѣ надѣяться могутъ; напротивъ же того, вси у нихъ, какъ гражданскія и духовныя, такъ и военныя главнѣйшія достоинства, содержатъ одни женщины. Не давно предъ тѣмъ смѣялся я Потуанцамъ, что они, къ раздѣленію должностей, и женскъ полъ допущали; но когда послѣ, увидѣлъ сей народъ, то уже и мѣръ не нашелъ, какъ его почесть сумасшедшимъ, и самую натуру въ законахъ сѣ насильствующимъ, а особливо, не можно было мнѣ понять, нечувственности оныхъ мужчинъ, которые силами своими, будучи не въ примѣръ превосходнѣе женщинъ, могли терпѣть, толь непристойно налагаемое, на себя

время, и чрезъ столько вѣковъ, безчестїе оное съ молчанїемъ сносили; ибо конечно, ежели бы только они захотѣли, легко бы имъ было, пресѣчь оное женское надъ собою властительство. Однакожъ, застарѣлое у нихъ обыкновенїе, толь сильно, ослѣпило ихъ умы, что имъ, о пресѣченїи таковаго своего безчестїя стараться, и на мысль никогда не приходило, но еще вмѣсто того вѣрили они, будто бы сама натура, учредила женщинамъ, содержать при себѣ начальство, и правленїе общества, а мужчинамъ, кросна ткать въ жерновахъ молоть, муку сѣять, избы подметать, и побои отъ женъ терпѣть. Доказательства, которыми женщины, таково обыкновенїе, вообще утверждаютъ, суть слѣдующїя „ понеже, де, натура, му„ жескъ полъ одарила силами, и крѣпостїю „ жилъ, къ понесенїю тягостныхъ трудовъ, „ удобнѣйшими, то изтогоде можно вѣ„ рить, что одинъ мужеской полъ, и къ „ безчестнымъ, и несноснымъ работамъ, она „ опредѣлила. Ужасное, чужестранцамъ бываетъ тамо удивленїе, входя въ домы помянутыхъ жителей, видѣть, хозяйку, въ кабинетѣ съ перомъ за пищимъ столикомъ сидящую, а хозяина, по поварнѣ шатающагося, и горшки съ блюдами перемывающаго! и подлинно, въ какой, я домъ тамо

жи входилъ, желая говорить съ хозяиномъ, вездѣ меня посылали на поварню, а тамо изъ хозяевъ.

Иной сребро, иной горшки перетиралъ

Иной прибравши все, поварню подчищалъ.

Хозяйкажъ всяка сплошь, надъ мужемъ съ палькой стоя.

Ругала своего, за лѣность горшкомоя.

Превращеннаго сего обыкновенія, премерзостныя тамо примѣтилъ я и дѣйствія, ибо какъ въ другихъ земляхъ, бываютъ распустные, и похотливые женщины, которые, за наемъ, въ блудъ отдаютъ свое тѣло, и всѣмъ откровенно, срамоту свою обнажаютъ, такъ тамо молодцы, и мужчини, по ночамъ нанимаются, и на тотъ конецъ, непотребные домы содержатъ, у которыхъ на воротахъ, выстанавливаютъ подписи, и непотребства приличные знаки И когда они, весьма отважно и откровенно, такіе скверные, свои прибытки промышляютъ, то ихъ заключая въ тюрмы, по судебнымъ приговорамъ, сѣкутъ батожьемъ, равно такъ, какъ у насъ площадныхъ волочаекъ. На противъ же того, женщины и дѣвицы,

цы, тамъ безъ всякого стыда, расхаживая по дорогамъ, высматриваютъ мужчинъ, и имъ подмигиваютъ, подкашливаютъ, подзываютъ, нахалятъ, непотребными словами поджигаютъ, за блудодѣйство себя, безопасными хвастаютъ, и какъ бы военною добычею, многою, въ любосластіи скверностію величаются, точно, какъ у насъ молодцы распустные, имѣютъ обычай вычислять, сколько они дѣвокъ, и женщинъ полюбовницами имѣли. Сверхъ того здѣсь женщинамъ и дѣвицамъ, ни въ какое зазрѣніе не почитается, ежели они, любовные пѣсенки, и подарки молодцамъ подносятъ молодцы же, противу ихъ, притворяютъ себѣ студеность и досаду, для того что у нихъ, непристойно молодцу, на прошеніе и желаніе дѣвицы, тотчасъ соглашаться. Во время моей тамо бытности, учинилось великое возмущеніе, за одного сенаторскаго сына, котораго, нѣкакая дѣвка, изнасильничала. Довольно, за сіе беззаконіе, претерпѣла ругательства и хлопотъ означенная дѣвка, и слышно мнѣ было, какъ молодцовы пріятели, соглашались тотчасъ на нее въ судъ подавать челобитную, и какъ, въ близкой отъ того мѣста консисторіи, присуждено было ей, заплатя молодцу безчестіе, оного взять за себя, а особливо, когда пра-

вильнымъ

вильнымъ свидѣтельствомъ доказано было дѣвственное житье молодцово, котораго къ беззаконной любви, привлекла дѣвица оная. Я обращаясь, между сими можжевельниками хотя превращеннаго такова порядка, явно ругать и не осмѣлился, однако, вышедши изъ города, нѣкоторымъ обьявлялъ что ихъ обхожденіе, есть противу натуры, понеже, изъ всеобщаго закона, и изъ голосовъ, всѣхъ народовъ явствуетъ, что ради отправленія трудныхъ, и важныхъ дѣлъ, сотворенъ мужескъ полъ. Но они противу того отвѣтствовали мнѣ, что я въ сихъ рѣчахъ моихъ, обыкновеніе, смѣшиваю съ натурою; для того, что оные слабости, которые примѣчаются въ женскомъ полѣ, изъ одного только, воспитанія происходятъ. что де особливо, оказывается изъ состоянія и образца, показаннаго ихъ общества, гдѣ, въ женскомъ полѣ, толь знатные, можно видѣть добродѣтели, и ума дарованія, которыя въ другихъ мѣстахъ, мужчины, себѣ одним присвояютъ; ибо *Коклекуанскіе* женщины, находятся кротки, важны, остроумны, постоянны, и молчаливы; на противу же того мужчины, легкомысленны, скоропостижны, и болтливы. Чего ради когда тамо что ниесть негодно скажется, пословицу имѣютъ такую:

 это

это *мужчинскіе басни*, и когда, что нибудь безрассудно, и скоропостижно здѣлается, говорятъ тамошніе жители: *простить надобно, мужчинской слабости*, толькожъ я, сими доказательствами доволенъ быть не могъ, все, по прежнему, состояніе оное, превращеннымъ, безобразнымъ, и натурѣ противнымъ разсуждая: оное же омерзѣніе, которое напечатала въ умѣ моемъ, такова чвань женская, было мнѣ причиною, и онаго несчасливаго проэкта, которой было я, по моемъ возвращеніи вздумалъ, и которой столько мнѣ причинилъ безпокойства, какъ о томъ сказано будетъ на своемъ мѣстѣ.

Между великолѣпнѣйшими, онаго женскаго города строеніями, былъ домъ княгини ихъ любовниковъ, въ которомъ содержалось триста, какъ совершенно возрастныхъ, такъ и молодыхъ мужчинъ. всѣ они жили, на коштѣ княгини, которой роскошности услуживали; но какъ я услышалъ что нѣкоторые, и моего тѣла красоту похваляли, то опасаясь, чтобъ и мнѣ отъ промышлениковъ, не подхвачену быть въ оной любовнической домъ, за времянно поднялся на ноги, и поддѣлавъ имъ страхъ вмѣсто крылъ, летѣлъ а не шелъ отъ туду.

Съ симъ княжествомъ, порубежная есть сторона философская. Такъ названная по жителямъ своимъ, которые въ философическихъ, и тончайшихъ наукахъ, со всѣмъ погружены были. Я весь горѣлъ желанiемъ, видѣть такую землю, которая, воображалась мнѣ, всѣхъ наукъ центромъ, и истиннымъ музъ жилищемъ. Думая, что я тутъ найду, непростыя поля и луга, но цѣлой вертоградъ, бисеровидными, крясящiися цвѣтами, и такъ углубясь весь въ такое воображенiе прискорялъ ходъ свой, по пальцамъ часы, и минуты разчитая. Дорожки тѣ, по которымъ отправлялъ я путь мой были каменисты, рытвинами, и ямами такъ наполнены, что я пластаясь, гдѣ по крутымъ буграмъ, а гдѣ по болотамъ, по поясъ въ водѣ; ибо мостовъ тамъ ни гдѣ небыло; насилу грязные, и мокрые мои волокъ ноги. Однакожъ, противъ всѣхъ такихъ безпокойствъ, крайнѣ усиливался, вѣдая, что обыкновенно, *острой есть путь къ небу-подобнымъ странамъ*. Чрезъ часъ времяни будучи въ такихъ трудностяхъ, увидѣлъ встрѣшнаго мнѣ нѣкотораго землед ѣльца, котораго учтиво приглася къ себѣ, спрашивалъ: далече ли еще до *Машкатты* или до стороны философской? отвѣчалъ онъ: надлежитъ де лучше спрашивать, сколько тебѣ еще

остается, для того что ты уже теперь посрединѣ стороны той находишься. ужаснувшись я изъ такова отвѣта, сказалъ: но какъ то статься можетъ, чтобы земля, отъ однихъ философовъ населяемая, представляла видъ больше ужасной пустыни, нежели земли обитаемой? отвѣчалъ онъ: будетъ де, чрезъ короткое время, видъ земли лучше сего, когда только, получатъ жители время, въ такихъ бездѣлицахъ упражняться. А нынѣ, де, они углубясь въ дѣла небесныя, всѣ о томъ одномъ промышляютъ, какъ прїискать, нѣкоторую дорогу къ солнцу, и для того, должно де ихъ иззинять, что они теперь поля до времяни, безъ пахоты оставили, понеже двухъ розныхъ дѣлъ, вдругъ дѣлать невозможно. Я изъ сего тотчасъ выразумѣлъ, что значитъ рѣчь хитраго мужика, и продолжая путь свой, наконецъ пришелъ въ столичной городъ *Каскамъ*. Въ воротахъ сего города, вмѣсто караульныхъ, увидѣлъ я гусей, курицъ, птичьи гнѣзды, и паутины. По городскимъ улицамъ, вездѣ бродили свиньи, вмѣстѣ съ философами, которые, только разнились отъ оныхъ, однимъ видомъ своего тѣла, а впрочемъ нечистотою, и неопрятствомъ, совсѣмъ имъ подобны были. Епанчи всѣ философы, имѣли образца одинакаго,

но

но какова они цвѣту распознать было мнѣ невозможно, потому, что они пылью и грязью, со всѣмъ были запачканы. Я одного изъ нихъ, которой въ великихъ размышленіяхъ углубившись, шелъ ко мнѣ прямо, позвалъ въ рѣчь такъ: *скажи пожалуй учитель! какъ сей городъ называется*; но онъ, какъ бы совсѣмъ ума, и души лишенной, долго стоялъ недвижимъ и безгласенъ, а потомъ поднявши глаза къ небу, отвѣчалъ: *близко уже лолопины дни на дворѣ*. Сей толь безпутной отвѣтъ, великое его сумозбродство доказывая, научилъ меня, что ЛУЧШЕ МАЛО УЧИТЬСЯ, НЕЖЕЛИ ОТЪ ИЗЛИШНЕЙ НАУКИ БѢСИТЬСЯ. И такъ я тотчасъ, пошелъ внутрь города, усматривая, не найду ли тамъ, кромѣ философовъ, какихъ нибудь людей, или разумныхъ тварей. Рынокъ, или торговая площадь сего города, весьма была обширна, и украшенна различными, статуями и столпами, съ приложеніемъ разныхъ, къ тому надписей. Я къ нимъ подшедъ пытался, какимъ бы образомъ мнѣ надписи оные прочитать возможно, но какъ я, въ томъ своемъ намѣреніи трудиться началъ, вдругъ почувствовалъ, за спиною моею теплоту и мокроту, и для того оглянувшись назадъ, чтобъ усмотрѣть источникъ

теплаго того теченія, увидѣлъ философа которой на спину мою мочился; ибо онъ, разорвалъ будучи мыслями думалъ, что я та статуя, подъ которою онъ, мочиться имѣлъ обычай. Я нестерпя такова поруганія а особливо видя, что оной философъ, оскаливши зубы мнѣ насмѣхался, совсей мочи влепилъ ему пощечину. Отъ чего онъ взбѣсившись, схватилъ меня за волоса, и кричащаго, таскалъ по всему рынку. Но когда я примѣтилъ, что онъ и долго еще, удовольствоваться не можетъ, вооружился противъ его и самъ, отплачивая ему честь ту равномѣрною цѣною, такъ что у насъ долгъ съ отдачею, весьма былъ сходенъ, наконецъ, послѣ жестокаго онаго сраженія, пали мы на землю оба богатыря. Къ позорищу сему сбѣгались безчисленные философы, и прискакивая комнѣ, какъ бѣшеные, кулачками, и дубинками со всѣмъ разбитаго, и почти при смерти лежащаго, за волоса кругомъ всего рынку, меня волочили, а напослѣдокъ утрудившись но не удовольствовавшись моими побоями повели меня, къ огромному дому, но понеже я опершися ногами, въ дверяхъ въ ними боруkался, иверно обнадеживалъ ихъ, что въ домъ тотъ не пойду, то они оцепя меня за шею будто визжащую свинью внутрь втащивши посередь полу въ ничь положили.

Все

Все вѣ томѣ домѣ было перебурляно, и разбросано безѣ порядку, и такое онаго казалось мнѣ состоянїе, какѣ у насѣ бываетѣ, около времяни С. Михайла, и Пасхи, когда люди, перебѣжжая на новые квартеры, движимости, посуду, и прочїе домашнїе вещи, смѣшенно разбрасываютѣ. Тогда началѣ я, оныхѣ мудрецовѣ сѣ покорностїю просить, чтобѣ они, мѣру положили гнѣву, и кѣ милосердїю себя склониться допустили, обьявляя, какѣ непристойное есть дѣло, рачителямѣ философїи, и премудрости, свирѣпѣть по примѣру звѣрей, и излишно угождать тѣмѣ страстямѣ, противѣ которыхѣ они, столько рѣчами вооружаются. Однакожѣ слова мои, были имѣ какѣ глухому пѣсня. Ибо философѣ оной, которой на спину мнѣ мочился, продолжалѣ драку, и меня бѣднаго, какѣ наковальню, такими прикрывалѣ ударами, что повидимому онѣ развѣ бы смертїю моею удовольствовался. Тогда я довольно узналѣ, что нѣтѣ свирѣпѣйшаго гнѣва, какѣ гнѣвѣ философской, и что роскащики добродѣтелей, далече отстоятѣ отѣ упражненїя вѣ оныхѣ. Ибо ничемѣ ихѣ кипящее сердце утолится и ничемѣ пылающїи гнѣвѣ, утушенѣ быть не можетѣ.

Наконецъ, вошли въ тотъ домъ, четыре философа, которые по Епанчамъ своимъ, особливой секты быть оказывались. Они ярящихся дѣйствія, то рѣчами, то руками разрывая, повидимому, о приключеніи моемъ соболѣзновали, и поговоря съ прочими наединѣ, перевели меня въ другой домъ. Обрадовался я, что вырвавшись изъ разбойническихъ рукъ, попалъ на честныхъ мужей, и по вопросу ихъ о причинѣ возмущеніи оныхъ, обстоятельно имъ расказывалъ. Слушая они, такое чудное произшествіе, усмѣхались, сказывая: что философы, имѣютъ обычай прохаживаясь по рынку, у статуй оныхъ мочиться, и сходно, де, съ правдою, что оной задорщикъ мой, углубясь въ философическихъ размышленіяхъ, почелъ меня за статую. Притомъ же росказали они что тотъ задорщикъ, есть у нихъ весьма знатной Астрономъ, а другіе, которые съ толикою яростію, меня безчеловѣчно били суть докторы моральной философіи. Я тутъ, почитая уже себя безопаснымъ, всѣ ихъ, какъ о сихъ, такъ и о другихъ вещахъ разговоры, съ удовольствомъ слушалъ. Однакожъ притомъ, подозрѣніе мнѣ причиняло, безмѣрно любопытное ихъ, объ образѣ моемъ разбирательство, а притомъ и вопросы, о

качествѣ

качествѣ моего житія, о причинѣ путешествія, и объ отечествѣ, нѣсколько кратъ повторяемые, такожде и послѣдовавшіе потомъ, тайные пошепты, наступающей бѣды моей провозвѣстіемъ мнѣ были. Но больше всего и почти со всѣмъ затмился, отъ страха умъ мой, когда они заключили меня въ нѣкоторую анатомическую камеру, гдѣ увидѣлъ я, ужасную костей, и мертвыхъ тѣлъ накладенную кучу, которая цѣлую камеру, великимъ наполняла смрадомъ. Съ начала думалось мнѣ, что я попался, въ разбойническую пещеру толькоже висящіе по стѣнамъ, анатомическіе инструменты, нѣсколько, убавляли того страха, понеже изъ того было явно, что хозяинъ мой, въ медицинѣ, либо въ хирургіи упражняется. Когда я, чрезъ полчаса времяни, въ покаянномъ томъ домѣ торопѣлъ одинъ, вошла туда женщина, съ обѣденнымъ кушаньемъ, которое она для меня приготовила. Она весьма казалась учтива, но прилѣжно на меня поглядывая, съ переноровкою вздыхала, а какъ я сталъ спрашивать, о причинѣ еѣ печали, она отвѣтствовала, что наступающій жизни моей рокъ, оные вздохи въ ней производитъ. Правда, въ честной, говоритъ, домъ ты сюда пришелъ, ибо, де, мужъ мой, сего острова господинъ, пу-

„ бличной въ городѣ есть фисикъ, и меди-
„ цины докторъ, а прочїе которыхъ ты
„ видѣлъ, его товарищи. Однакожъ они,
„ удивляясь необыкновенному, виду твоего
„ тѣла, опредѣлили внутренную машину,
„ и требуху твою обстоятельнѣе развѣ-
„ дать, и разрѣзать твое тѣло, чтобъ
„ присмотрѣться, ненайдутъ ли чего нибудь,
„ въ тебѣ новаго, для обьясненїя Анатомїи
„ служащаго, „ Сїи слова, трепещущїй мой духъ, еще больше поразили. И так я, ужасно закричавъ сказалъ: *какимъ образомъ, сударыня! могутъ назваться добрыми людьми такїе, которые честному, и невинному человѣку, брюхо пороть отважаются?* На то она отвѣчала: *Неможно говоритъ, понять тебѣ въ коль чудныхъ находишься ты обстоятельствахъ; ибо подлинно, попался ты между мужей честныхъ, которые злымъ умысломъ, ничего тебѣ не здѣлаютъ, а операцїю надъ тобою, опредѣлили они дѣлать, только съ единымъ намѣренїемъ, Анатомическаго просвѣщенїя.* Противъ сего сказалъ я, что для меня, удовольственнѣе былобъ, отъ разбойниковъ отпущену быть живу, нежели отъ наичестнѣйшихъ людей, чрезъ разрѣзанїе, пострадать смерть; и тотчасъ, повалясь оной госпожѣ въ ноги, и заливаясь

слезами,

слезами, просилъ я еѣ въ томъ предстательства, но она отвѣчала: предстательство де мое, мало тебѣ учинитъ пользы противу факултетскаго заключенія, которое обыкновенно, неперемѣнно бываетъ; а постараюсь де, инымъ способомъ, тебя избавить отъ смерти. Сіе сказавъ взяла она меня за руку, и задними дверьми, выведши вонъ, трепещущаго провожала, даже до городскихъ воротъ.

Тогда я, съ избавительницію моею, хотя проститься, наикраснѣйшими рѣчами, сердца моего благодарность, по достоинству засвидѣтельствовать старался. Однако она еще при началѣ, перебивъ мнѣ рѣчь обьявила: что она отъ меня, не отстанетъ до тѣхъ поръ, пока увидитъ, что я, отъ всякой опасности, учинюсь свободенъ. И такъ, безъ дальняго моего, отомъ спору, провожаніе меня продолжала. Идучи мы съ нею вмѣстѣ, разные, о состояніи стороны оной, имѣли разговоры и я съ жадностію, все у неѣ выслушивалъ. Наконецъ, завернулась она въ такую рѣчь, которая, не гораздо была пріятна ушамъ моимъ, понеже изъ оной, я догадался что она, за показанное мнѣ благодѣяніе, требовала нѣкоторой отъ меня услуги, которая, моральнымъ образомъ, мнѣ было

ла

ла невозможна: Ибо она, безпристрастно мнѣ открылась какъ нещастную въ сей сторонѣ, дамы имѣютъ свою долю, потому что учители оные философiи, загребши себя совсѣмъ въ науки, супружескую должность, вовся пренебрегаютъ. „ Присягою я, говоритъ„ утвердить могу, „ что мы бы здѣсь, со всѣмъ пропали, еже„ли бы одинъ и другой, честной и милосер„дой прохожей, не вспомогалъ нашей бѣ„дности, и въ болѣзни оной которою „ мы страждемъ, милостиваго не подавалъ „ лѣкарства;„ Я противъ сего притворился, будто не разумѣю конца, къ которому она рѣчь склоняетъ, и для того прiускорилъ ходъ свой. Однакожъ студеность моя горячесть еѣ больше поджигала. И такъ она, оставя уже прозбу, принялась нахальничать гнѣвомъ, и сорвавъ головной уборъ свой, простоволосая съ ярости, неблагодарность мою мнѣ выговаривала; но какъ я, и нато не взирая продолжалъ путь свой, то она схватя меня за полу, пручающагося удержать силилась. Чего ради я, насилно изъ рукъ еѣ вырвавшись, превосходною предъ нею, ногъ моихъ скоростiю, въ короткое время изъ глазъ еѣ выбѣжалъ. Тогда, какимъ она распалилась на меня бѣшенствомъ; чувствовалъ я изъ сихъ, повторяемыхъ сею словъ: *хахи*

шлалахи

Шпалаки, то есть: неблагодарная собака. Но я ругательство онсе, сносилъ Спартанскимъ великодушіемъ, радуясь только о томъ, что изъ той мудреческой землй, которой безъ ужаса вспомнить не могу, нѣсколько еще цѣлъ вышелъ.

Сосѣдственная, съ сею провинціею есть, земля НАКИРЬ, имѣя въ себѣ, тогоже имени городъ, или большое село, о которомъ много говорить не могу для того что я, со всевозможнымъ поспѣшеніемъ, обѣгалъ всѣ близкіе, къ Философской землѣ стороны, пробираясь къ такимъ народамъ, которые о философіи, особливо же объ Анатоміи, не горяздо рачительны, ибо толикой тогда страхъ, овладѣлъ моимъ сердцемъ, что я всякаго прохожаго на пути выспрашивалъ, не философъ ли онъ? Причемъ какъ мертвыя тѣла такъ и Анатомическіе инструменты, долго мнѣ во снѣ грѣзились. Жители села НАКИРА, показались мнѣ весьма словоохотны, по тому что всякой изъ нихъ встрѣчаясь со мною на дорогѣ безъ всякаго моего требованія отдавалъ мнѣ поклонъ съ пространнымъ о честности своей меня увѣреніемъ. Весьма смѣшными считалъ я таковы увѣренія, когда отъ меня, никакова не подавано знаку, ни о чіемъ подозрѣніи, и ни очіей вѣрности нималаго не было мнѣ сомнѣнія. Почему я

обьявлялъ нѣкоторымъ, что мнѣ то непонятно, для какой они причины, столько увѣренїй да и еще съ утвержденїемъ ихъ присягою, дѣлаютъ. Когда же вышелъ я изъ села, попался мнѣ одинъ прохожей, тихо идущїй, и подъ тягостїю, ноши своей, стонущїй. Онъ увидя меня остановился, и откуду я иду спрашивалъ, но услыша, что я недавно вышелъ изъ села *Нахира*, поздравлялъ меня, что мнѣ удалось отъ туду вытти въ цѣлости, для того что въ немъ жители, будучи извѣстные въ обманахъ мастера, имѣютъ обычай, прохожихъ людей выпущать отъ себя, какъ ободранную бѣлку. Отвѣчалъ я ему ежели дѣла съ словами согласны, то они должны быть весьма праводушны, для того, что всякъ изъ нихъ, и безъ требованїя, честность свою, ужасными клятвами свидѣтельствуетъ. Тогда онъ усмѣхаясь сказалъ: берегись де ты, гораздо повѣряться розкащикамъ о своемъ простосердечїи, а особливо такимъ, которые дїавола, честности своей свидѣтелемъ призываютъ. Таково увѣщанїе, долго хранилъ я въ моей памяти, и увѣрился, что справедливо отомъ научалъ меня подземной оной человѣкъ, чего ради и по нынѣ, когда только должники, очестности своей божатся, я договоръ съ ними разрываю и долгъ съ нихъ взыскиваю.

Прошедъ

Прошедъ сію сторону, увидѣлъ я озеро желтаго цвѣту, и при онаго берегѣ, стоящее наемное судно, которымъ ѣздоки, въ разумную землю за малую цѣну перевозились. Я договорясь оперевозѣ, сѣлъ на судно, и съ великимъ удовольствіемъ духа, отправлялъ путь свой, для того, что подземные суда, безъ всякой гребли, тайными нѣкоторыми машинами погоняются, и непонятною скоростію, по водѣ плаваютъ. Приставши къ землѣ, нанялъ я себѣ провожатаго, подъ котораго предводительствомъ, съ поспѣшностію шелъ, къ *разумному городу*. Когда мы въ пути ономъ были, дорожной товарищъ мой, разказывалъ мнѣ, обстоятельно состояніе города, и природныя свойства, тамошнихъ жителей. Я слышалъ, что тамо граждане всѣ до единаго *Логики*, и что городъ оной есть истинное разума жилище, отъ чего онъ и имя свое имѣетъ. Вошедъ въ городъ, нашелъ я все подлинно такъ, какъ онъ мнѣ росказывалъ. Ибо всякой гражданинъ, по остротѣ своего разсужденія, по важности и поскромности нравовъ своихъ, казался мнѣ сенаторомъ. Чего ради поднявъ я къ небу руки, блаженною, и преблаженною называлъ, оную землю, которая раждаетъ однихъ *Катоновъ*. Однако, когда состоянію города,

прилѣжнѣе присмотрѣлся, увидѣлъ я, что многїе у нихъ дѣла, отправлялись съ пренебреженїемъ, и состоянїе ихъ общества, ради недостатка глупыхъ людей, нѣкоторымъ образомъ въ разслабѣнїи находилось; ибо, когда каждой, изъ тамошнихъ обывателей, всякое дѣло, равномѣрнымъ уваживалъ ума проницательствомъ и красновидными обнадеживанїями, лестными уговорами и робьячими поманками, ни кто изъ нихъ не обольщался, для того зделались у нихъ бездѣльными, всѣ оныя средства, которыми къ преславнымъ, и часто обществу полезнымъ предпрїятїямъ, легко, и безъ общественнаго иждивенїя, подчиненныхъ сердца, обыкновено поощряются.

Пороки сего города, которые отъ такого проницательнаго, вещей разбирательства происходятъ, безпристрасно изъяснилъ мнѣ, одинъ изъ тамошнихъ казенной надзиратель, имянно сими словами: здѣсь де, дерево отъ дерева, развѣ только однимъ имянемъ и образомъ тѣла разнится; ни какова, между гражданими, нѣтъ ревнованїя, понеже у насъ, ни какова не можно имѣть разности знаку, и ни кто не кажется разумнымъ, понеже всѣ премудры; я де, признаю, что глупость есть порокъ, но чтобъ ее во вся въ людяхъ

не было

небыло, желать не надобно. Довольно всякому городу, чтобъ столько имѣть мудрыхъ людей, сколько общественные должности въ немъ ихъ требуютъ; чтобъ были управляющіе, дабылибъ же и управляемые. Наше, говоритъ, здѣшнее правительство, развѣ прямыми награжденіями, которыми часто казна совсѣмъ истощевается, доказываетъ то самое, что другихъ обществъ начальники одними ласкавыми словами иобнадеживаніями исправляютъ. Ибо мудрые по глубокому своему разсужденію за всякую услугу, требуютъ ядра: а глупые, и одною скорлупою довольствуются. Такъ на примѣръ: наружные чины и чести, которыми, какъ бы прелестными удками, уловляются, безумные люди, мало имѣютъ своего дѣйствія въ такихъ гражданахъ, которые разсуждаютъ, что истинное почтеніе, и прямая предъ другими знатность, не можетъ инако пріобрѣсться, какъ только единою добродѣтелію, и внутреннимъ достоинствомъ; и для того они, никакими краснословными посулами, не обольщаются. Умалчиваю другіе, безчисленные вредности, которые отъ излишняго, о всѣхъ вещахъ испытанія происходятъ, и которые довольно доказываютъ, какъ необходимо потребно, чтобъ въ изрядно учрежденномъ обществѣ, по крайней

ней мѣрѣ, половинная часть, глупыхъ людей находилась; ибо глупость, въ сообществѣ человѣческомъ тоже самое имѣетъ дѣйствїе, какъ кислость въ желудкѣ, которой либо излишество, либо недостатокъ, обыкновенно болѣзни намъ причиняетъ.

Я сїю рѣчь, слушалъ съ великимъ, моего ума изступленїемъ. Но притомъ же и стыдился немало, когда онъ, именемъ своего сената, выхвалялъ и мнѣ, для житья свой городъ, и въ ономъ поселиться, съ нѣсколько-кратнымъ прошенїемъ совѣтовалъ. Ибо я имѣлъ подозрѣнїе, что оная его прозба, конечно происходила, отъ принятаго имъ, о глупости моей мнѣнїя, по которому, какъ видно, онъ считалъ меня кислостїю, для ихъ общества, отъ излишней мудрости разслабѣвшаго, потребною. Въ такомъ подозрѣнїи тотчасъ я утвердился потому, какъ услышалъ, что въ сенатѣ тамошнемъ, здѣлано было опредѣленїе, чтобъ знатное число гражданъ, оттуду въ другїя мѣста выслать на поселенїе, а намѣсто высланныхъ, столко же въ городъ, изъ сосѣдныхъ народовъ присовокупить глупыхъ людей. Чего ради я разумной оной городъ осердясь оставилъ. Однакожъ въ умѣ моемъ

емъ, чрезъ долгое время обращалось, подземное оное установленіе, которое нашимъ политикамъ, до сего времяни неизвѣстно, то есть: что въ изрядноучрежденномъ обществѣ, потребно, чтобъ по крайней мѣрѣ, половинная часть, глупыхъ людей находилась. И я весьма удивлялся, какимъ образомъ, столь полезное правило предъ философами нашего свѣта, столько времяни могло быть сокровенно; а можетъ быть оно, нѣкоторымъ и извѣстно было, но они его, между политическія установленія, для того внесть не хотѣли, что у насъ и такъ, глупцами почти свѣтъ наполненъ, и безъ зависти говоря, ниединой у насъ деревни, не только города нѣтъ, гдѣ бы преполезной оной кислоты недоставало.

Когда я учредя себѣ чрезъ нѣкоторое время отдыхъ, опять пустился въ путь, проходилъ чрезъ нѣсколько сторонъ, которые въ молчаніи оставляю, для того, что тамъ мало паподалось мнѣ чрезвычайнаго, и отъ вездѣ видимыхъ вещей отличнаго. И уже думалъ я, что тутъ то и конецъ онымъ диковинамъ, которыя Шаръ *Назара* производитъ. Но когда вошелъ въ землю, называемую КАБАКЪ, вдругъ представились глазамъ моимъ новыя чудовища. и

еще

еще такія, которыя, кажется, всякое вѣроятіе превосходятъ. Между жителями сея стороны, есть отъ природы своей безголовые, которые говорятъ ртомъ, по срединѣ груди у нихъ состоящимъ. Они по сей причинѣ и по природному своему недостатку, въ труднѣйшихъ дѣлахъ, которыя требуютъ мозгу, участія не имѣютъ, ибо важныя дѣла, безголовымъ, и поручаемы быть не могутъ; а употребляются они, по большей части, только въ должности придворные, такъ у нихъ въ спалники, въ домоправители, въ содержатели любовническихъ домовъ, а иногда и въ россыльщики, выбираются изъ слободъ тѣхъ, которые состоятъ изъ безголовыхъ. Изъ нихъ же служатъ тамо, въ лакеяхъ, въ дьячкахъ въ пономаряхъ, и въ другихъ званіяхъ, которыя, нѣкоторымъ образомъ, безъ мозгу, отправляемы быть могутъ. Да и въ сенатъ нѣкоторые изъ нихъ, изъ особенной правительства милости, и за заслуги предковъ своихъ, принимаются, что иногда, и безъ повреждения общества быть можетъ. ибо они искуствомъ доказываютъ, что сенатское у нихъ исправленіе дѣлъ, зависитъ отъ немногихъ сенаторовъ, прочіеже только щетъ дѣлаютъ, и употребляются для единой подписи, или приложенія рукъ

къ тому, что приговорятъ иные. Такъ въ мое время, въ сенатѣ показаннаго города, были два ассессора, отъ природы безголовые, которые однако, сенаторское жалованье получали. Ибо, хотя они чувствъ по природному недостатку, и лишены были, однакожъ соглашаться умѣли и голосы, вмѣстѣ съ другими, давали; да еще и лучьшее они, предъ своею братьею, щастье имѣли въ томъ, что ежели кто, и недоволенъ будетъ, по своему дѣлу сенатскимъ приговоромъ, то никто за то, набезголовыхъ неосердится, но всю свою злобу, устремлять будетъ на другихъ. Отсюду можно было видѣть какъ иногда, безопаснѣе бываетъ человѣку родиться безъ головы. Городъ сей, великолѣпіемъ и красотою, рѣдкому, показаннаго круга, городу уступить можетъ. Онъ имѣетъ въ себѣ княжой дворъ, университетъ, и богатые храмы.

Въ двухъ оныхъ, въ которые я заразъ отътуду пришелъ, провинціяхъ, то есть въ КАМБАРѢ и ШПИЛЕКѢ, жители всѣ, находятся Липы. А разнятся они съ собою только въ томъ что первые, времяни жизни своей, выше четырехъ лѣтъ непродолжаютъ, другимъ же, не впримѣръ должайшіи вѣкъ случается. Ибо они обыкновенно, больше четы-

рехъ сотъ лѣтъ живутъ на свѣтѣ. И по той причинѣ, многихъ можно видѣть тутъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, прапрадѣдовъ и пращуровъ; можно слышать древнїе повѣсти, приговоры предковъ, и когда прїидешъ туда, то покажется тебѣ. будтобы за нѣсколько назадъ вѣковъ, родился ты. Я сколько сожалѣлъ, о нещастьѣ перьвыхъ, столько щасливыми прославлялъ послѣднихъ Толькожъ послѣ, присмотрясь обстоятельнѣе, обоихъ народовъ состоянїю, обманутымъ себя въ разсужденїи примѣтилъ. Провинцїя КАМБАРА, имѣла видъ свой слѣдующїи: каждой еѣ житель, чрезъ немногїе отъ рожденїя своего мѣсяцы, возрасталъ въ полную и тѣла, и ума своего зрѣлость, такъ что первой годъ, доволенъ былъ, всецѣлому его состава выполненїю. а прочїе, кажется, опредѣлены ему для одного того, чтобъ онъ себя приготовлялъ къ смерти. По такому расположенїю вещей, земля сїя представляла истинное *платоническое общество*, въ которомъ всѣ добродѣтели, во всеконечной зрѣлости находились. Ибо, какъ они взирая, на краткость своей жизни, въ такомъ всегда приготовленїи себя содержали, что вѣкъ сей казался имъ дверью которою они, въ другую жизнь, въ самой скорости переходятъ, такъ и въ умахъ

их

ихъ, воображалось всегда, больше будущее, нежели настоящее состояніе. и для того каждой изъ нихъ, могъ истиннымъ философомъ почитаться, которой, презирая земные вещи, единаго только, искалъ негибнущаго и вѣчнаго сокровища, въ добродѣтели, благочестіи, и въ нелестной славѣ состоящаго, кратко заключаю: земля сія казалась мнѣ Ангеловъ, или Святыхъ людей жилищемъ, и преизряднымъ добродѣтели и благочестія училищемъ. Отсюду явно какъ беззаконное есть роптаніе тѣхъ людей, которые на краткость жизни жалуются и чрезъ то, какъ бы недовольными себя, противу бога обьявляютъ. Ибо жизнь наша, краткою назваться можетъ только по тому, что мы наибольшую ея часть, въ праздности и роскошахъ погубляемъ, а она довольно бы для насъ долга была, ежели бы мы время свое, лучшимъ образомъ употребляли.

Но въ другой ужѐ сторонѣ, гдѣ жизнь выше четырехъ сотъ лѣтъ продолжалась, видѣлъ я царство всѣхъ тѣхъ мерзостей, каковы только въ родѣ человѣческомъ примѣчать можно. У всѣхъ тамъ обращалось, въ глазахъ временное, въ мѣсто вѣчнаго и никогда некончаемаго, и для того, вы-

бѣжалъ отътуду стыдъ, пропала правда, уничтожилась вѣра и честность, мѣстоже оныхъ заняли тамо лукавство и коварство. Сверхъ того, изъ такой долговременности жизни, происходило и другое пагубное дѣйствїе, ибо тѣ, которые, напримѣръ, случаемъ получили утрату въ своемъ имѣнїи, либо лишились каковаго нибудь тѣлеснаго члена, или въ неизлѣчимые болѣзни впали, долголѣтность своего вѣка, стонущими голосами проклинали, и наконецъ сами себя предавали смерти для того, что по долговѣчности жизни, никакова бѣдамъ своимъ, конца невидѣли. Ибо краткость жизни, бѣднымъ и страждущимъ весма дѣйствительное есть утѣшенїе. Обѣ сїи стороны, были матерїею моего удивленїя, и я отътуду наполненнымъ, философическихъ размышленїй, вышелъ.

Потомъ продолжалъ я путь, по крутымъ и по пустымъ мѣстамъ, которыя содержатъ дорогу, къ ЗЕМЛѢ БЕЗГРѢШНОЙ, ШПАЛАНКЪ называемой. Сторона оная, названа такъ отъ безгрѣшности, и тихомирной природы жителей еѣ. Они всѣ были въ ней дубки, и считались, щаслибѣйшими всѣхъ людей въ свѣтѣ, для того, что они никакимъ слабостямъ

и

и страстямъ были неподвержены, слѣдственоже и отъ всѣхъ пороковъ чисты.

Безъ всѣхъ законовъ тутъ, всякъ правость наблюдалъ,
И вѣрнымъ свято быть, безъ грозъ и казней зналъ.
Ненада было имъ съ приказами судьей,
Гдѣ всякъ судился самъ, отъ совѣсти своей.
Правитель пользовать не могъ тоя страны,
Котора никакой, незнала вѣкъ войны.
Ниострой мечь, нилукъ, имъ непотребенъ былъ,
Всякъ въ сладкомъ мирѣ жить, всю жизнь умѣлъ, ижилъ.

Когда я пришелъ въ сію землю, нашелъ въ ней все то истинно, что изъ поголосокъ обней слышалъ, то есть: что добродѣтели, хранятся не закономъ но разумомъ; ибо зависть, похоть, гнѣвъ, ненависть, гордость, славолюбіе, вражда, и всѣ, извѣстные въ родѣ человѣческомъ пороки, у нихъ никакова мѣста не имѣли. толькожъ при порокахъ, недоставало у нихъ, и многихъ такихъ дѣлъ, которые наиболшимъ, для людей украшеніемъ, и разумнымъ тварямъ, отъ безразумныхъ

отличїемъ быть вѣрятся. Кромѣ богословїи, физики, и Астрономїи, всѣ художества и науки, были имъ незнаемы, Юриспруденцїи, Политики, Исторїи, Этики, Математики, Элоквенцїи, и другихъ многихъ наукъ, они и имени неслыхали и какъ между ими, вовся неимѣли себѣ мѣста, зависть и славолюбїе, то слѣдовательно, и никакова небыло у нихъ ревнованїя, которое ко всякимъ, великимъ и славнымъ дѣламъ, обыкновенно людей возбуждаетъ. Никакихъ они не имѣли полатъ, и знатныхъ строенїй, никакихъ приказовъ, или судебныхъ мѣстъ, и никакова богатства для того, что никакого унихъ не было начало-правительства, никакихъ тяжебъ, и никакой охоты къ имѣнїю, кратко сказать: не было у нихъ пороковъ, данебыложъ вмѣстѣ съ ними, изрядства художествъ, великолѣпїя, и безчисленныхъ другихъ дѣлъ, которыя именемъ добродѣтелей называются, сообщества гражданскїя прославляютъ, и людей, вѣжливыми и политическими людьми, дѣлаютъ. такъ что мнѣ казалось, будто я зашелъ въ прямой дубнягъ, а не въ сообщество. И для того, долго я былъ въ сомнѣнїи, не зная какое разсужденїе, положить о семъ народѣ; и должно ли быть такое натуральное состоянїе, желательно человѣку

вѣку, однакожъ наконецъ, розсудя что лучше имѣть грубую нежели порочную жизнь и что полезнѣе есть, при незнаніи нѣкоторыхъ художествъ не знать и разбоевъ, воровства, убійства и другихъ злодѣйствъ, которыя часто, тѣло и душу погубляютъ, щасливымъ призналъ я таково состояніе. Когда по сей сторонѣ, съ неосторожностію ходилъ я, зашибъ голень лѣвой ноги о камень которая безмѣрно у меня заболѣла и роспухла. Увидя сей случай деревенской мужикъ, тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ, и сорвавши траву приложилъ къ ранѣ, отъ которой, тогожъ часа боль унялся, и опухоль опала. Изъ сего можно было мнѣ догадываться, что тамошній народъ превосходное имѣетъ знаніе въ лѣкарствахъ да и не ошибся я въ томъ догадѣ; для того что *Шпаланкцы*, содержатъ ученія свои въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ, недовольствуются такъ какъ наши много-знатели, одною скорлупою, но довнутренности ядра, всѣ вещи изслѣдываютъ. Когда я, за показанное мнѣ оное благодѣяніе сталъ благодарить моего лѣкаря, и желалъ чтобъ богъ ему отплатилъ такову милость, онъ мнѣ учинилъ отвѣтъ, толь твердой, ученой, и благочестивой, хотя низкою и деревенскою рѣчью, что я воображалъ его себѣ Ангеломъ божіимъ, ко-

торой въ образѣ дерева мнѣ явился. Отсюду обьявилось, какъ не справедливо порицаемъ мы, безпристрастія послѣдователей, которыхъ почитаемъ, будто бы они ничего нежадничая, ни очемъ не печалясь, ни зачто негнѣваясь, ни очемъ нерадуясь, за отсѣченіемъ всѣхъ должностей жадностію кипящаго сердца, въ лѣнивой, и почти разслабленной жизни старѣются. Особливо же, явно стало отсюду то, сколько грѣшатъ такіе люди, которые, нѣкакую необходимость, въ порокахъ предначисываютъ человѣку, которые ярость, считаютъ опытомъ храбрости, зависть побужденіемъ къ дѣльности, безвѣрство и сомнительство, поджогою остроумія или прозорливости. Ибо изъ негодныхъ яицъ развѣ только и негодные вороны родится могутъ, и наибольшая часть оныхъ добродѣтелей, которыми люди гордятся, и которые у насъ стихами прославляются, больше состоятъ безчестіемъ, нежели славою, ежели только, философскими глазами, оные разсмотрены будутъ.

Оставя сію землю, пошелъ я въ провинцію КИЛИАКЪ гдѣ жители раждаются, съ нѣкоторыми налбу напечатанными знаками, которые число лѣтъ, и долготу жизни ихъ обьявляютъ. Щасливыми признавалъ

знавалъ я и сихъ людей, потому что никого изъ нихъ, незапно и въ самомъ грѣховномъ дѣйствіи смерть не похищала. Однакожъ понеже всякому у нихъ, извѣстенъ былъ день его смерти, то всѣ они, покаяніе свое, отлагали на послѣдній часъ своей жизни, и для того, ежели кто представлялся между ими благочестивымъ, и добрымъ человѣкомъ, то онъ былъ такой, которому напечатанные, на лбу его знаки, скорой конецъ жизни предвѣщали. Я видѣлъ, что нѣкоторые изъ нихъ согнувши головы по городу ходили, всѣ же они были опредѣленные смерти оброчники, которые свои дни, и минуты по пальцамъ разчитали, и съ ужасомъ, на приближающійся къ нимъ послѣдній часъ посматривали. Изъ чего примѣчалъ я такожъ премудрой создателевъ промыслъ, и признавалъ за лучшую для тварей пользу то, чтобъ отъ нихъ смертной часъ сокровенъ былъ.

Прошедъ сію сторону, и перевезшись лодкою, чрезъ нѣкоторое небольшое, чернаго цвѣту море, пріѣхалъ я въ землю АСКАРАКЪ. Новыя тутъ опять, оказались мнѣ чудовища, ибо какъ земля КАБАКЪ, производитъ животныхъ безголовыхъ, такъ въ сей сторонѣ, нѣкоторые жители

о семи головахъ раждаютъ я. Они состоятъ славными многознателями, которыхъ за такое ихъ природное дарованїе, въ древнїя времена, прочїе граждане, почти въ божественномъ, содержали почтенїи, такъ что изъ однихъ ихъ слободъ, выбирали владѣтелей, совѣтниковъ, сенаторовъ, и надъ губными судами начальниковъ. Но понеже они, сколько имѣли у себя головъ, столько и различныхъ свойствъ, то хотя они скоро, и проворно, разные вдругъ должности отправляли, и ничего въ правленїи общества безъ попытки не оставили, однакожъ ради такого, другъ затѣваемаго ими многодѣлїя, и ради различныхъ оныхъ, и въ одномъ человѣкѣ, противящихся съ собою воображенїи, бѣдственную во всемъ дѣлали смѣсь, и такое со временемъ, въ дѣлахъ произошло отъ нихъ замѣшательство, что послѣ надобно было, цѣлое сто лѣтъ работать, для успокоенїя оныхъ возмущенїй, которыя всезнательное сїеправительство, унихъ причинило. Чего ради закономъ предостережено, чтобъ седмиголовые, къ общественнымъ, и важнѣйшимъ дѣламъ, вѣчно допущаемы небыли, и чтобъ обществомъ правили впредь, одни простыя деревья, то есть тѣ, которые только, одну голову имѣютъ. И

тако

тако, которые издревле, почитаемы были презнатными, и къ богамъ близкими людьми, въ мое время, почти въ такомъ же находились состояніи, въ какомъ и безголовые стороны *Кабака* жители. Ибо какъ оные будучи со всѣмъ головы лишенными, ничего дѣлать не могутъ, такъ сіи ради множества головъ, все дѣлаютъ превращенно. И затѣмъ отдалены будучи, отъ всѣхъ общественныхъ должностей, въ вѣчномъ презрѣніи старѣются. Однакожъ нѣсколько они обществу украшеніемъ служатъ, для того что ихъ вездѣ водятъ вмѣсто Комедіантовъ, чтобъ они художества свои оказывали, и представляли бы собою, сколь таровата въ произведеніи ихъ была натура; Толькожъ ежелибъ она была въ нихъ поскупѣе, иежелибы одною ихъ одарила головою, конечно тароватѣе она бы могла назваться. Изъ цѣлаго онаго, седмиголовыхъ народа, три только человѣка, въ мое время у дѣлъ находились, однакожъ допущены они были къ онымъ не инако, какъ по отсѣченіи шести головъ. Изъ чего дѣлается, что при оставшей одной только у нихъ головѣ, смѣшенные оные, которыми они страдаютъ, воображенія, уничтожаются, и въ общее, съ другими, разумѣніе приводятся тѣмъ примѣромъ, какъ

 садо-

садовники, часто отъ деревьевъ отрѣзываютъ нѣкоторыя сучья, чтобъ чрезъ то остальные, большую живость себѣ получали, однакожъ мало кто изъ седмиголовыхъ, на сïе отважается, ради болѣзни и опасности смертной. Отъсюду научился я какъ всякая излишность вредна, и какъ истинное остроумïе, состоитъ въ простотѣ мозгу и порядочной мысли.

Изъ сей стороны, пошелъ я пустыми мѣстами, въ княженïе БОСТАНКИ, котораго жители по наружному образу своего тѣла, мало чемъ разнятся отъ *лотуанцовъ*, но внутри ту имѣютъ отмѣну, что сердце ихъ положенïемъ находится въ правомъ ихъ бедрѣ, такъ что можно ихъ назвать сердце въ штанахъ носящими. И посей причинѣ они между всѣми онаго шара жителями, крайнѣ трусливыми и безъсилными почитаются. Я утружденъ будучи скучнымъ моимъ путемъ когда вошелъ въ нѣкоторой постоялой дворъ, забранился на неповоротливаго, и зѣвающаго хозяина, но онъ падши предо мною на колѣни, со слезами просилъ моего милосердïя, и давалъ мнѣ правое бедро щупать, чтобъ чрезъ то примѣтилъ я, дрожащее въ немъ сердце. Чего ради я, обратя гнѣвъ свой въ смѣхъ, сталъ плачущаго

чущаго утѣшать, и изъ страха ево вывелъ. Поднявшись на ноги мой хозяинъ цѣловалъ мнѣ руки, и для приготовленія ужина отъ меня вышелъ. Потомъ немного времяни спустя, слышны стали по всей поварни вздохи и ужасные вопли. Я на оные прибѣжавъ, съ великимъ удивленіемъ, увидѣлъ, трусливаго моего хозяина, плетью и кулачками, съ женою, и служанками воюющаго, которой какъ скоро меня увидѣлъ. тотчасъ ударился бѣжать, и скрылся. Чего ради я оборотясь къ семьѣ ево, сталъ спрашивать, какою они виною, или проступкою, осердили толь кроткаго человѣка. Но они втупя въ землю глаза, долго времяни стояли молча, и несмѣли объявлять своихъ побоевъ, когда же я неотступно продолжалъ ихъ спрашивать, и прошеніе смѣшивалъ съ грозою, то хозяйка начала говорить мнѣ, такимъ образомъ: не совсѣмъ, какъ видно, гость! извѣстны тебѣ человѣческія свойства. Жители сего княженія, которые и взгляду вооруженнаго непріятеля терпѣть не могутъ, и которые заслыша только, маленкій на дворѣ шумъ, обыкновенно трепещутъ, великую власть, и храбрость оказываютъ въ поварняхъ, и на безоружную семью свою, свирѣпо вооружаются, и тако вооружен-

 мыхъ

ныхъ боясь, надъ безоружными храбрують. И по сей де причинѣ, общество наше, сосѣднимъ народамъ состоитъ добычею и посмѣшищемъ. Но въ пограничномъ де съ нами народѣ, которому мы дань платимъ, мущины другое имѣютъ свойство, они съ однѣми только непрïятелями дерутся и въ полѣ властительствуютъ, а дома служатъ. Удивлялся я остроумïю оной хозяйки, которая казалась мнѣ лучшей доли достойною, и послѣ того разсмотря обстоятельнѣе нравы, и умы человѣческаго рода, истиннымъ призналъ все то, что она мнѣ говорила, ибо безчисленными, можно доказать примѣрами, что не одинъ только былъ *Геркулесъ*, которой побѣжденъ подъ женской хвостъ покорилъ свою голову, но нынѣ и всѣмъ храбрымъ мужьямъ, такая въ свѣтѣ досталась доля, чтобъ они въ ярмо женъ своихъ, терпѣливно сами , вкладывали свою шею, напротивъ же того самые трусливѣйшïе люди, и которые съ бостанкцами, серьца въ штанахъ носятъ, на поварняхъ состоятъ героями. Народъ сей содержится въ защищенïи сосѣдовъ своихъ, которымъ и вѣчную дань онъ платитъ.

Оставя сей народъ, погрузился я на другое судно, и поплылъ къ землѣ Миколакъ

колакъ называемой. На семъ суднѣ, украдена у меня дорожная хлѣбная сума. Я за оную долго ссорившись съ перевощикомъ, которой въ кражѣ крѣпко запирался, пошелъ къ правительству тамошняго мѣста, объявляя, что ежели не можно мнѣ дать суда, по праву о вещахъ въ сохраненіе поручаемыхъ, и о воровствѣ гласящему, то что по крайней мѣрѣ, перевощикъ зазлой свой умыселъ, просто только мою пропажу возвратить мнѣ долженъ. Однако перевощикъ не только неперествалъ, упрямо въ томъ запираться, но еще и сталъ на меня просить суда за порицаніе. Сенатъ, въ толь сомнителъномъ дѣлѣ требовалъ у меня свидѣтелей, но я не могши оныхъ вовся представить, просилъ, чтобъ соперникъ мой, отвелся въ томъ присягою. Услыша слово присяги, президентъ усмѣхаясь сказалъ мнѣ: ,, никакою, гость!
,, вѣрою мы здѣсь не обязываемся, одни
,, у насъ боги есть отечества законы. И
,, для того, доказательства уличитель-
,, ныя должны быть у насъ по законнымъ
,, обстоятельствамъ какъ то квитанціями,
,, векселями, своеручными росписками, пе-
,, чатаемыми письмами, и свидѣтельства
,, представленіемъ. Ежели кто сихъ об-
,, стоятельствъ не имѣетъ, не только
,, напрасно суда ищетъ, но еще и самъ,

за-

„ за порицанїе, осужденъ будетъ. Потому „ и ты докажи свое дѣло свидѣтелями, „ и кладь твоя тебѣ возвращена будетъ.„ Такимъ образомъ за неимѣнїемъ свидѣтелей, проигравши я свое дѣло, не такъ мою, какъ общества сего долю, разсуждалъ сожалѣнїя достойною. Ибо отсюду обьявилось, какъ слабы и не крѣпки въ свѣтѣ общества, ежели они на однихъ человѣческихъ законахъ утверждаются, и какъ маловремянно, пребывать могутъ политическїя зданїя, ежели они цементомъ вѣры укрѣплены не будутъ! Я жилъ тамо три дни, и между тѣмъ всегда въ страхѣ находился, ибо хотя въ семъ народѣ, гражданскїе правы и весьма полезны, и хотя беззаконїя, наитяжчайше наказываются, однакожъ въ безбожномъ, и отъ всякаго союза вѣры разрѣшенномъ обществѣ, никакой и нѣтъ, и надѣяться не можно, безопасности, для того, что никто въ немъ не поопасется, всякихъ затѣвать злодѣйствъ, ежели только оныя потаенны быть могутъ.

Попрощавшись съ безбожною землею, и перешедъ многотрудной хребетъ горы пришелъ я въ городъ БРАКЪМАТЪ, на плоскомъ мѣстѣ у корня горы лежащїй, жители сего города, всѣ можжевельники.

Перьвой

первой, которой мнѣ встрѣчю попался, навалясь на меня всею тягостію своего тѣла, опрокинулъ меня взначь на землю и когда я спрашивалъ, причины такого нахальства, онъ весьма учтивыми рѣчами, просилъ у меня прощенія. Потомъ тотчасъ другой мимоходомъ, палкою, которую онъ въ правой рукѣ несъ, такъ меня побоку ударилъ, что я насилу съ умомъ собрался. Но и тотъ потомуже, неосмотрительствомъ извиняясь, многословною рѣчью, просилъ винѣ своей отпущенія. Что ради я уже, подозрѣвая сей народъ слѣпымъ, либо кривымъ, проходящихъ встрѣчу, прилѣжно остерегался. Въ самомъ же дѣлѣ, оной порокъ тамошнихъ жителей, происходилъ изъ безмѣрно острого нѣкоторыхъ зрѣнія, по которому они, отдаленнѣйшіе и другимъ невидимые вещи разбираютъ, а ближайшихъ, и предъ ногами у нихъ лежащихъ отъ излишной остроты глазъ, не видятъ. Они обыкновенно, словутъ тамъ *маккатты*, и побольшей части упражняются въ превосходящихъ ученіяхъ и въ Астрономіи; ибо они, по безмѣрной остротѣ глазъ, въ земныхъ вещахъ никчему не годятся, для того, что будучи островидными мѣлкостей наблюдателями, въ великихъ дѣлахъ слѣпыми находятся; однакожъ въ провѣдываніи рудокопныхъ ямъ, общество тамо-

шнее, посредствомъ ихъ, пользуется. Ибо кто поверхности земли не видитъ, тотъ всю подъ коркою еѣ, сокровенно ть разсматривать можетъ. Отъсюду научился я, что есть нѣкоторые люди, которые острѣйшими рысевыхъ глазами слѣпствуя, болше бы могли видѣть, ежели бы они потупѣе глядѣли.

Перешедъ крутую, и претруднаго всходу гору, вошелъ я въ землю МЮТАКЪ, которой столичной городъ представлялъ видъ ракитнику, для того что онъ жителей въ себѣ содержитъ ракитъ. Пришедъ я на рынокъ, увидѣлъ нѣкотораго совсѣмъ здороваго молодца, на отходномъ стулѣ посаженнаго, и милосердія отъ сената просящаго, и какъ я спросилъ тамошнихъ жителей, чтобы унихъ оное чудное происхожденіе значило; отвѣчали мнѣ, что оной сидящій есть злодѣй, которому сегодни, имѣетъ быть данъ пятойнадесять пріемъ. Пораженъ будучи таковымъ отвѣтомъ, пошелъ я оттуду прочь, и послѣ просилъ оной загадкѣ рѣшенія, отъ моего хозяина. А онъ мнѣ на то говорить началъ слѣдующую рѣчь: кнутовъ, дешинъ, виселицъ, и другихъ такихже казней, которыми сосѣдные народы, злодѣйства сокращаютъ, мы во вся не знаемъ,

для того, что мы имѣемъ намѣреніе, не столько казнить пороки, сколько исправлять порочныхъ. Преступникъ оной, котораго ты недавно, на публичномъ стулѣ сидящаго видѣлъ, есть глупой книгописатель. Онъ за жадность свою къ писанію книгъ, которой въ немъ сенатъ, ни запрещеніями, ни увѣщаніями сократить немогъ, нынѣ въ публичное осужденъ наказаніе, или въ лѣченіе, по чему городскіе фискалы, будучи всѣ докторы медицины, не престаютъ его частыми проносными изнурять до тѣхъ поръ, пока онъ устудивши горячую свою охоту, глупые книги писать перестанетъ. Насилу только окончалъ онъ сію рѣчь, какъ повелъ меня въ публичную аптеку, гдѣ я съ великимъ ума изступленіемъ видѣлъ, разположенные по порядку ящики, съ слѣдующими надписями: ПОРОШЕКЪ ПРОТИВУ ЛАКОМСТВА. ПИЛЮЛИ ПРОТИВУ ПОХОТИ. ТИНКТУРА ПРОТИВУ СВИРѢПСТВА. ЛѢКАРСТВО МЯГЧИТЕЛЬНОЕ, ИЛИ НАЛИВЪ ХЛАДИТЕЛЬНОЙ ПРОТИВУ РОСКОШИ, и прочая. Я изобразить не могу, какихъ сіи алырства закруженій въ мозгу моемъ наплодили, но еще конечнѣе въ восхищеніе приведенъ я былъ, когда увидѣлъ связки нѣкоторыхъ Манускриптовъ съ такими надписями: РѢЧЬ ВЕЛ. ПИЗАГА, ко-

торой утреннее чтенiе, шесть стулов или послабленiи желудка причиняетъ. размышленiя доктора Юкеза, которыя безсонницу лѣчатъ и прочая. Того ради весьма мнѣ дикимъ казался сей народъ, но для точнѣйшаго о силѣ оныхъ лѣкарствъ моего увѣренiя, развернулъ я первую книгу. она такъ глупо была написана, что лишъ сталь я читать первой ея раздѣль, тотчасъ зѣвать началъ. Когда же еще далѣ продолжалъ чтенiе, почувствовалъ въ кишкахъ моихъ бурчанiе и рѣзь. Но какъ мнѣ, будучи тогда совершенно здорову, очищенiе желудка было не надобно, бросивши я книгу оттуду ушелъ. По сему видѣлъ я, что въ свѣтѣ ничего, нѣтъ со всѣмъ безполезнаго, и что и самые преглупые книги могутъ имѣть свое употребленiе. Притомъ же выразумѣлъ я изъ сего, что и народъ оной, хотя удивительно для меня дикъ, однако не крайнѣ глупъ былъ. божился мнѣ мой хозяинъ, что когда онъ долгое время мучился безонницею, то изъ одного чтенiя доктора *Юхеза*, выздоровѣлъ, и что такую оная книга имѣетъ въ себѣ силу, что и въ самое время неспанiя дремоту наноситъ. Сiи и другiе повѣсти слыша я, удивительными волнованiями мыслей безпокоился;

однакожъ, чтобъ прежней моей философіи круги не совсѣмъ во мнѣ помѣшались, по скоряе я изъ оной земли началъ убираться. И подлинно, удачно мнѣ случилось росстаться съ оною землею, поиеже новыя другихъ народовъ чудовища, и представляемыя вездѣ явленія, долговремянно, вышепоказаннымъ моимъ мыслямъ, во мнѣ обращаться не допустили. Окончавъ же мое, около шара сего путешествіе, когда я *МЮТАКІАНСКУЮ*, философію любопытнѣе разбиралъ, художество оное лѣченія, которое означенной народъ содержитъ, не всеконечно отметнымъ мнѣ разсуждалось, для того что я часто имѣлъ случай, видѣть и въ Эвропѣ нашей такіе книги, которые рвоту, поносъ и сонъ читающимъ причиняютъ; но что до болѣзней духа касается, то я на *МЮТАКІАНСКІЯ* основанія, согласиться не могу, хотя и признаю, что есть нѣкоторые болѣзни тѣла, которые мы съ болѣзнями духа, смѣшиваемъ. Какъ остроумно написалъ, нѣкоторой стихотворецъ нашего свѣта, слѣдующею эпиграммою.

Давно мы Секстъ съ тобой, одну болѣзнь терпимъ,
Которa званіемъ лишъ разнится своимъ.

Мнѣ острая внутри, мокрота грудь съѣдаетъ;

Тебѣжъ она въ ногахъ подагру причиняетъ.

Но разность въ томъ: тебя жалѣютъ всѣ друзья;

Меняжъ постылымъ всѣмъ, чинитъ болѣзнь моя.

Когда ты танцовать, несможешъ за ногами,

Подагрой, всѣ тебя, легко оправятъ сами,

Но я если въ пиру, хочу отречься пѣть,

Въ угрюмыхъ, принужденъ, и въ гордыхъ тамъ сидѣть.

Безспорножъ легче ты, ведь можешъ танцъ отправить,

Нежъ я могу себя въ чахоткѣ пѣть заставить.

Оставя сїю землю, и перевезшись чрезъ нѣкоторое желтоцвѣтное озеро, присталъ я къ землѣ МИКРОКЪ, но какъ хотѣлъ войти въ городъ тогожъ имени, нашелъ вороты запертые, чего ради нѣсколько дожидать принужденъ былъ, пока оные, отъ сонливаго сторожа съ замка и цѣпей отвалены стали. Весь городъ въ глубокомъ покоѣ находился, кромѣ что хропотъ спящихъ,

щихъ, въ проходѣ моемъ, вездѣ наполнялъ мои уши, такъ что я почиталъ себя тамъ, быть въ истинномъ, каковъ стихотворцы представляютъ, домѣ СНА. И для того тихонко говорилъ я самъ съ собою: *О ежелибы здѣлался случай, раждатся здѣсь савѣтникамъ, нѣкоторымъ сенаторамъ, и другимъ почтеннымъ отечества моего гражданамъ, которые будучи безмѣрными любителями покоя, куды въ блаженномъ семъ городѣ, благополучно бы и спокойно жизнь свою пропождали!* Однакожъ изъ вывѣсокъ и надписей домовъ тамошнихъ, обьявилось мнѣ, что жители оные, какъ художества и ремесла употребляютъ, такъ и судебныя дѣла производятъ, и по предводительству таковыхъ надписей, нашелъ я тамо постоялой дворъ, къ которому однако, никакова приступу не было, понеже двери состояли на замкѣ и на запорѣ; и хотя уже солнце, полуденной на небѣ кругъ переступило, но жителямъ еще то ночь была. Наконецъ, когда я непрестаннымъ стукомъ, двери безпокоилъ, отперъ мнѣ хозяинъ. Сутки въ семъ городѣ, раздѣляются на дватцать на три часа, изъ которыхъ девятнатцать опредѣляются для сна, а осталные четыре, для отправленія дѣлъ. Чего ради, подозрѣвая я, непонятное у нихъ общественныхъ

ныхъ дѣлъ пренебреженіе, какую можно было въ готовности найти пищу, принесть себѣ приказалъ, опасаясь, чтобъ повара, въсамомъ приготовленіи обѣда, ночь не захватила, толькожъ по причинѣ той, что все унихъ дѣлается сокращенно, и всякая излишность отставляется, и маленкой ихъ день, доволную долготу имѣетъ, и для отправленія дѣлъ достаточно служитъ. Послѣ обѣда, которой, скорѣе моего чаянія, мнѣ былъ представленъ, хозяинъ повелъ меня по городу; между чемъ зашли мы въ молебной ихъ храмъ, гдѣ сказуема была проповѣдь, короткая правда по времени, но весьма долгая по важности своей. Проповѣдникъ, тотчасъ началъ говорить предложенное свое дѣло; никакихъ не было у него окружностей, никакова пусторѣчія, и никакова излишества, такъ что ежели подземную оную проповѣдь, соравнить съ наидолжайшими рѣчами *Магнуса Петра*, которые часто мнѣ несносную скуку приносили, то она мнѣ въ двое, противъ ихъ пространнѣйшею показалась. Равноюжъ краткостію, отправляется у нихъ и судебныя дѣйствія: повѣренные при судахъ ихъ малыми словами, многіе вещи представляютъ, и тотъ часъ свидѣтелями дѣло доказываютъ. Приходитъ мнѣ здѣсь на память, какъ я видѣлъ

дѣлъ у нихъ списокъ, недавно предъ тѣмъ; заключенныхъ ими, съ сосѣднымъ народомъ союзныхъ договоровъ, которые сочинены были такими словами: Между Микрокіанскимъ и Сплендиканскимъ народомъ, имѣетъ быть вѣчная дружба, границами обоихъ владѣній, будетъ рѣка Климанъ, и связь горы Цабора подписуемъ, и прочая и прочая, и такъ тремя словами, заключено здѣсь то, что у насъ цѣлыхъ тетрадей требуетъ. Отсюду явно стало, какъ съ меншими хлопотами; и меншимъ времени предѣломъ, можно рѣшить всякое дѣло; ежели оставлять излишность, такъ какъ прохожему человѣку, въ половину бы кратчайшій былъ путь, ежели бы онъ могъ имѣть вездѣ прямую дорогу. Жители сего города всѣ кипарисы, которые шишковатыми лбами, отъ другихъ деревъ разнятся. Шишки жеоные уреченными, прибавками и убавками; иногда увеличиваются, а иногда умаляются, и когда у нихъ начинаютъ лбы раздуваться; то отягощеніе имъ мало по малу умножаясь, для того что тогда мокроты, изъ шишекъ лба, станутъ у нихъ на глаза опускаться; приближеніе ночи имъ означаетъ.

Отъ сей земли, одного почти дня путемъ, разстояніе имѣетъ МАКЕРОКЪ;

или СТОРОНА БЕЗСОННАЯ, ибо по всегдашнему, тамошнихъ жителей неспанїю, и жизнь ихъ, всегда состоитъ безпокойная. Пришедши я въ городъ постречалъ одного, торопящагося молодца, и съ покорностїю просилъ его, чтобъ онъ выгодную какую ниесть показалъ мнѣ квартеру, но онъ обьявя себя недосужнымъ, съ безостановочною торопостїю продолжалъ ходъ свой. Да и всего тамошняго народа, такая въ обращенїи была скоропостижность, что они казались мнѣ по мѣстамъ города не ходящими, но бѣгающими, либо лѣтающими, такъ какъ будто бы они опасались, чтобъ не опоздать домой притти. Чего ради я, сперва думая, что тотъ городъ пожаромъ обнятъ, или другое какое ниесть нечаянное нещастїе жителей перепужало, долго одинъ шатался, пока наконецъ, постоялой дворъ, по выставленной надъ дверми вывѣскѣ, мнѣ попался. Я тутъ видѣлъ, однихъ приходящихъ, другихъ выходящихъ, иныхъ отъ великой торопости изнемогшихъ, такъ что почти цѣлую четверть часа, принужденъ я былъ у двери стоять, пока могъ въ квартеру водраться. А какъ вшелъ, тотчасъ безчисленными запросишками, тамъ меня безпокоить стали: одинъ спрашивалъ меня, чей я человѣкъ? Куда иду? Сколь давно въ семъ городѣ

обращаюсь

обращаюсь? другой любопытствовалъ, особенно ли я стану обѣдать, или въ общемъ столѣ, либо въ которой комнатѣ, въ красной ли, въ зеленой ли, въ бѣлой ли, или въ черной; такожъ въ вернемъ ли ярусѣ дому, или въ нижнемъ, и другими такимижъ, бездѣльными любопытствами мнѣ скучали. Хозяинъ постоялаго двора, которой притомъ, и нѣкотораго нижняго приказу, былъ подъячей, на ту пору отлучился было, для приготовленія обѣда, а какъ, нѣсколько времени спустя возвратился, то онъ безконечнымъ многорѣчіемъ сталъ разказывать мнѣ, происхожденіе одной тяжбы, которая уже десять лѣтъ продолжалась, и которая въ то время, уже въ десятомъ переносѣ, разныхъ судовъ находилась, и сказалъ: надѣюсь де, что оная чрезъ два года времени, совсѣмъ окончится, для того, что только два суда, еще осталось такихъ, сверхъ которыхъ больше аппелляціи быть не возмножно. Я, по онымъ расказамъ, въ превеликомъ осталася удивленіи, и узналъ чрезъ то, что народъ сей, крайнее свое упражненіе имѣетъ въ пустоши. По отлучкѣ отъ меня хозяина, обхаживая въ кругъ оной домъ попалъ я въ нѣкоторую библіотеку. Она въ разсужденіи числа книгъ, весьма была богатая и полная, но въ разсужденіи ва-

жности книгъ, весьма скудная и бѣдная: между книгами прекрасно переплетенными примѣтилъ я слѣдующїе:

1 Описанїе главнаго тамошняго храма въ 24 томахъ.

2 Осаду крѣпости Пегункъ въ 36 томахъ

3 О употребленїи травы слакъ въ 13 томахъ.

4 Рѣчь на погребенїе Сенатора Якзы въ 8 ми томахъ.

Хозяинъ возвратясь ко мнѣ, описалъ мнѣ все состоянїе тамошняго города, откуду примѣтилъ я, что дѣла, лучшее свое отправленїе, имѣютъ у спящихъ *МИКРОКIАНОВЪ*, нежели у живущихъ, въ безпрестанномъ неспанїи *МАКРОКIАНОВЪ*, ибо первые изъ нихъ, наблюдаютъ одно ядро, а другїе только коркою, и скорлупою забавляются. Сея стороны жители, также кипарисы, и наружнымъ видомъ своего тѣла, выключая только лобовые шишки, мало что отъ *МИКРОКIАНОВЪ* разнятся, однакожъ крови, или соку такого, какъ другїе сего шара одушевленныя деревья, они не имѣютъ, но вмѣсто крови, находится у нихъ въ жилахъ, густая нѣкакая мокрота, содержащая въ себѣ, меркурїальную

дную силу, иные же оную мокроту и прямымъ меркуріемъ почитаютъ, для того что оной, и въ термометрахъ, тожъ самое дѣйствіе производитъ.

Двухъ дней путемъ, разстояніе свое отъ сей земли имѣетъ республика СИКЛОКЪ, которая на два союзныя, но подъ разными, и противными законами находящіяся общества, раздѣляется, первое изъ нихъ называется МИБО, основанное отъ *Мибака*, славнаго въ древнія времена, законодавца, но между подземными, втораго Ликурга. Онъ намѣревая, утвердить республику, особливо умѣренностію расходовъ, всякую строго запретилъ роскошь. Чего ради, общество оное, по воздержанію и умѣренности, достойно назваться новою Спартою. Однакожъ, удивительно мнѣ было, что въ республикѣ оной, наилучшимъ образомъ учрежденной; и изрядствомъ законовъ хвалящейся, весьма много находилось нищихъ. Ибо, куда только ни взглянешъ, вездѣ увидишь дерево, милостыни просящее, такъ что нигдѣ нѣтъ, прохожему человѣку, скучняе дороги, какъ въ семъ обществѣ. Я когда прилѣжнѣе разсмотрѣлъ состояніе той республики, узналъ, что нищета оная происходила единственное отъ скупости жителей.

Ибо по причинѣ той, что всякая у нихъ роскошь запрещена, и богатѣйшіе весьма скупое содержаніе свое имѣли, народъ принужденъ былъ, у нихъ жить въ лѣности, въ невѣжествѣ, и въ нищетской жизни; для того, что нѣтъ ни кому способа, какъ бы достать себѣ пропитаніе. Отсюду я научился, что скупость и умѣренность росходовъ, такое жъ самое, въ гражданскихъ дѣлахъ имѣетъ дѣйствіе, каково запоръ крови, производитъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Въ другомъ обществѣ, именуемомъ Либо, пространную и роскошную люди имѣютъ жизнь, и никакова не щадятъ иждивенія, чего ради тамо, по процвѣтанію вездѣ художествъ и рукодѣлій, всѣ жители поощряются къ трудамъ, которыми они, не только нищеты избѣжать, но и обогащаться способно могутъ. Ежели же кто у нихъ, въ нищетѣ страдаетъ, тотъ долженъ пенять на свою лѣность, когда пропитаніе свое достать всякому, безпрепятсвенной вездѣ, дозволяется случай. И тако пространная, богатѣйшихъ жизнь, одушевляетъ цѣлое общество, не инако какъ обращеніе крови, всѣ тѣлесные члены укрѣпляетъ, и въ растѣніе приводитъ.

Съ

Съ сею стороною граничитъ ЛАМА преславное докторовъ жилище. Въ ней съ такою прилѣжностію, лѣчебному художеству обучаютъ, что прямымъ докторомъ медицины, никто почитаться не можетъ, ежели онъ въ знатномъ *ЛАМСКОМЪ* училищѣ, не обучался. И по сей причинѣ, толь великимъ, докторовъ множествомъ, наполненъ тамошній городъ что свободнѣе въ немъ докторовъ, нежели людей находить можно. Всѣ улицы, позанятны тамо аптечными лавками, и продажныхъ, анатомическихъ инструментовъ полатами. Я однажды, прогуливаясь по городу, постречалъ одно деревцо, которое умершимъ истекающаго тогда году, списки продавало. Съ крайнимъ удивленіемъ было мнѣ читать въ нихъ, что прошедшаго предъ тѣмъ году, родилось только сто пятдесятъ, а умерло шесть сотъ деревъ. Понять истинно не могъ я, какимъ образомъ въ оградѣ самого *АПОЛЛОНА*, толикая ежегодно, могла происходить народу гибель; и для того, сталъ я спрашивать книгопродавца, что за чрезвычайная была зараза, или моровая язва прошедшаго году, которая столько, городъ ихъ выпустошила? но онъ отвѣчалъ: что два года назадъ ,, и еще больше вымерло людей. ,, И сія де ,, живыхъ, и умершихъ пропорція, здѣсь есть

обыкновенна

,, обыкновенна, что умирающихъ число
,, часто въ трое бываетъ большее, для то-
,, го что жители де сего города, непрес-
,, танными мучатся болѣзнями, которые
,, безвременную смерть имъ наносятъ, такъ
,, что, ежелибъ ежегодно не пополняли при-
,, сылкою жителей здѣшнихъ ближнїе про-
,, винцїи, скоробъ совсѣмъ запустѣлъ сей го-
родъ,, Чего ради я, за благовременно сталъ отъ туду въ путь собираться, не отваживаясь долѣ, въ сей сторонѣ мешкать, а особливо, что мнѣ имя докторовъ, и видъ анатомическихъ инструментовъ, послѣ бывшаго въ философской землѣ приключенїя, еще и тогда въ памяти обращались, и тако оставя сїю землю, продолжалъ я путь свой до тѣхъ мѣстъ, пока пришелъ въ одну деревню, четырмя тысячами шаговъ, отъ туду отстоящую, гдѣ жители ни докторовъ, ни болѣзней не знаютъ

бывши два дни въ пути, попался я въ ВОЛЬНУЮ ЗЕМЛЮ, гдѣ каждой житель; подъ собственнымъ своимъ находяся правомъ и отдѣленно содержа домъ свой никакимъ законамъ, и ни чьимъ повелѣнїямъ, не повинуется, однакожъ между тѣмъ всѣ таковы обывателивидъ общества наблюдаютъ, и въ общественныхъ дѣлахъ съ старѣйшими совѣтуютъ, которые ихъ

къ миру и согласію, непрестанно увѣщевая, о первѣйшемъ ономъ натуры правилѣ, то есть: чего себѣ не хочешь, того другимъ недѣлай, всегда напоминаютъ. На всѣхъ у нихъ городскихъ, и на деревенскихъ воротахъ, поставлены статуи, которые кандалы и цепи, ногами топчутъ съ такою надписью: ЗЛАТАЯ ВОЛЬНОСТЬ. Въ первомъ, въ которой я вошелъ городѣ, видѣлъ все спокойно, только жители въ немъ ходили съ нѣкоторыми перевязками, перевязки же тѣ, состояли у нихъ знаками и примѣтами нѣкоторыхъ заговоровъ, въ то время въ городѣ происходившихъ. Приходы къ знатнѣйшимъ домамъ окружены были, вооруженными караульными, и всѣ граждане, въ готовности къ сраженію находились : для того, что по окончаніи перемирія, черезъ день война, между ими возобновлена быть имѣла. Чего ради я дрожа отъ туду бѣжать принужденъ былъ, невольникомъ себя почитая дотѣхъ поръ, пока изъ виду вольной земли не выбѣжалъ.

Сосѣдняя сей землѣ, есть провинція ІОХТАНА, о которой, когда мнѣ расказывать стали, я ужасался, для того что мнѣ казалось все въ ней смущеннѣе, опаснѣе и превратнѣе нежели въ землѣ вольной; ибо

Щ сторона

сторона сія, состояла зборищемъ, и притономъ всѣхъ вѣръ, и въ ней всѣ какіе только, по всей оной планетѣ, къ вѣрѣ надлежащія установленія, разсѣянно находиться могли, какъ бы въ центрѣ, совокупно собранныя, были. Въ такихъ обстоятельствахъ, приводя я себѣ напамять, сколько возмущенія, во многихъ Европѣйскихъ обществахъ, обыкновенно причиняетъ разность вѣръ, чрезъ силу отважился, вступить въ столичной городъ ІОХТАНСЪ, въ которомъ сколько площадей, улицъ, и переулковъ, столько вездѣ капищъ, разныхъ, и противныхъ съ собою, сектъ, щитать было можно. однакожъ тотъ часъ, пропалъ во мнѣ страхъ, когда я увидѣлъ, крайнее тамо, вездѣ царствующее согласіе, которое, никакими другъ на друга жалобами, нигдѣ неразрывалось, одинъ вездѣ въ дѣлахъ политическихъ, былъ видъ, одна у всѣхъ мысль одинъ покой, и одно согласное, дѣлъ отправленіе, ибо по силѣ положеннаго тамо подъсмертною казнію узаконенія, чтобъ никто, отнюдъ другъ на друга, за различіе уставовъ вѣры, не враждовалъ, здѣлалась у нихъ, разность безъ ненависти, разспри безъ ссоръ, и никакая, не могла родиться, между ими вражда, понеже никто ни отъ кого, не страдалъ гоненія. Одно только всегдашнее, но честное, между несогласниками было ревнованіе въ томъ, что каждая секта

всячески

всячески силилась, изрядствомъ житія и нравовъ, оказать предъ другою, вѣры своей превосходство, и такъ, тщаніемъ тамошняго правительства здѣлано, что въ сторонѣ оной разность содержанія вѣръ, не больше причиняла возмущенія, какъ сколько онаго причиняютъ, разные по торговымъ мѣстамъ купеческіе лавки, или художническіе фабрики, когда оные, безъ всякихъ обмановъ, безъ всякаго насилія и ругательства одною товаровъ, или рукодѣлія добротою, покупающихъ къ себѣ привлекаютъ. Отъ чего всѣ, каковы бы ни могли родиться, сѣмена человѣческихъ раздоровъ, подавляются, а одно только возрастаетъ, честное, и обществу полезное ревнованіе. Изъ сего порядка, довольно мнѣ понятно стало, что возмущенія, которыя въ другихъ народахъ, обыкновенно бываютъ, не отъ разности вѣръ, но единственно только, отъ злобнаго гоненія происходятъ. Нравы сего народа, такожъ природу правительства, и причины спокойнаго, общественнаго состоянія, пространнѣе мнѣ протолковалъ, нѣкоторой изъ Іохтанцовъ ученой человѣкъ, котораго рѣчи, съ горячею слушая жадностію, въ глубокомъ я скрылъ памятствованіи. Долго правда я, задачами моими, противу рѣчей его спорилъ, но послѣ принужденъ былъ признать себя побѣжден-

жденнымъ, когда онъ весьма знатнымъ и очевиднымъ искусствомъ утвердилъ свое предложенiе, такъ что я не терпя чувства свои лишать вѣроятiя, и противъ явственной правды упрямствомъ спорить, гоненiе на иновѣрцовъ призналъ источникомъ безспокойства и несогласiя; однакожъ наступая на соперника моего другаго рода споромъ, говорилъ я ему, что законодавцева въ заведенiи обществъ должность есть разсуждать больще будущее, нежели настоящее человѣческое благополучiе, и не столько стараться о томъ, что людямъ въ сей жизни полезно, сколько о томъ, что есть Создателю угодно. Тогда онъ началъ отвѣтствовать мнѣ слѣдующимъ образомъ:

„ Безъ сомнѣнiя, говоритъ, не только „ достохвальное но и должное есть дѣло „ стараться всѣми силами о соединенiи „ вѣры во всѣхъ народахъ, однакожъ, „ чтобъ къ тому правильнымъ средст- „ вомъ состоять могло принужденiе, „ гонительство, и свирѣпѣющее насилiе, „ сiе разуму не вмѣстительно, и самому „ вышняго всеблагаго Существа зако- „ ну противно, ибо въ случаѣ нужды „ и насилiя, какое можетъ быть истин- „ ное вѣрованiе? кромѣ одного за страхъ „ лицемѣрiя и притворства, котораго

крайнѣ

„ крайнѣ въ тваряхъ своихъ ненавидитъ „ Богъ, вѣчная истина сущiя. Склоненiе „ въ вѣру человѣческой совѣсти, чтобъ „ онъ внутренно чувствовалъ себя „ должнымъ такъ, а не инако вѣровать; „ въ разсужденiи наружныхъ способовъ „ одинъ только можетъ служить „ тотъ, которой есть мирное и лю- „ бовное о истинѣ доказательство, ко- „ гда человѣкъ приведенъ будетъ въ то, „ что онъ по природѣ любя правду, „ совѣстiю своею оную въ какомъ му- „ дрованiи признаетъ, ибо тогда онъ „ безъ всякаго наружнаго насилiя, самъ „ добровольно плѣнникомъ истины ос- „ танется, и вѣчною любовiю оной „ придержаться будетъ.

Сiе выслушавъ замолчалъ я, неотважась больше съ толь остроумнымъ народомъ заводить споровъ.

Два мѣсяца почти, продолжалъ я сiе мое путешествiе, пока наконецъ пришелъ въ ТУМБАКЪ, сторону состоящую въ смѣжности съ княженiемъ *Потуанскимъ*, которое представлялось мнѣ какъ истинное мое отечество, для того что я безпокойнымъ моимъ путешествiемъ, почти уже въ изнеможенiе приведенъ сталъ. Жи-

тели сея стороны, большею частію состоятъ изъ маслинниковъ, весьма набожной и суровой народъ. Въ первой прилучившейся мнѣ квартерѣ принужденъ я былъ около двухъ часовъ мерѣть голодомъ ожидая многократно, но безъ успѣху просимаго мною завтрика. Причиною такой медленности, было непомѣрное до позда хозяйское богомольство, которой дотѣхъ поръ ни зачто вовся приняться не хотѣлъ пока не прочтетъ всего утренняго правила. Окончавъ же долгопротяжную набожность свою, наконецъ вошелъ онъ ко мнѣ, и съ великимъ ворчаніемъ поблѣднѣвъ съ серца сунулъ предъ меня хлѣбъ и часть вонючаго мяса, толькожъ завтрикъ тотъ скоро въ горлѣ мнѣ остановился, и могу побожиться, что никогда мнѣ набожнѣйшаго да вмѣстѣжъ и яростнѣйшаго, хозяина нигдѣ напасть не случалось. Чего ради я принужденъ, былъ разсуждать самъ съ собою: О какъ бѣденъ тотъ человѣкъ, которой молитву оставляетъ! но не въ примѣръ бѣднѣе есть тотъ, которой хотя имолится, дапри молитвѣ въ дѣлахъ милосердія не упражняется, однакожъ, недоволство свое, укрывалъ я, вѣдая довольно, сколь бѣдственно есть, въ небо лѣтающій духъ приводитъ въ раздраженіе. Въ городѣ семъ сколько жителей, столько строгихъ было

КАТОНОВЪ, которые нравы другихъ переслѣдывали. Всѣ они, ходили по улицамъ потупя головы, иопустя вѣтви, и непрестанно хулили суету міра, и какъ ни безгрѣшное веселіе, проклинали; ибо у нихъ все почиталось грѣшно, даже до самаго движенія частей тѣлесныхъ, и до самаго человѣческаго смѣха. И такъ всѣ они, непрестанными преслѣдованіями, и мерскими всѣхъ ругательствами, вылыгали для себя имя святости. Когда я, будучи весь утружденнымъ, и отъ толикихъ безпокойствѣ ослабѣвшимъ захотѣлъ было у нихъ, безгрѣшными играми развеселить и приободрить мое сердце, вездѣ меня тамо, зато ругали, такъ что всякой мнѣ въ той сторонѣ домъ, казался жестокимъ судищемъ, предъ которымъ о грѣхахъ своихъ человѣку исповѣдываться должно. Нѣкоторые изъ нихъ, видя меня чрезъ ихъ увѣщанія и наказаніямало исправляемаго, начали отъ меня бѣгать, какъ отъ моровой язвы, или отъ другой заразительной болѣзни. Пространнѣе о суровости сего народа, объявлять здѣсь оставляю, а скажу только одинъ примѣръ, которой примѣту *ТУМБАКІАНЦОВЪ*, довольно изобразить можетъ, и по которому и о прочихъ ихъ качествахъ, разсудить будетъ нетрудно. Маслинникъ нѣкоторой, издавна мнѣ, въ бытность

обоихъ

обоихъ насъ въ городѣ *Поту* знакомой увидя меня по случаю, мимо одного дому проходящаго, позвалъ въ оной. И услыша, что я нѣсколько невоздержно живу, толь жестоко на меня, за мои обычаи, и житье напустился, что у меня волосы дыбомъ стали, и жилы во всемъ затряслися. Но между тѣмъ самимъ временемъ, какъ таковымъ громомъ, продолжалъ меня поражать КАТОНЪ мой, выпили мы съ нимъ вина, по нѣскольку рюмокъ, пока напившись пьяни, оба ницъ на землю повалились, и отъ входящихъ въ домъ замертва вонъ вытащены стали. Проспавшись я, и пришедъ нѣсколько въ чувство, природу тамошней набожности, прилѣжно разсужденіемъ моимъ разбиралъ, и узналъ тогда, что ревность онаго народа, происходитъ больше, отъ испорченныхъ въ нихъ мокротъ и желчи, нежели отъ истиннаго благочестія. Однакожъ никому, сей мысли не открывалъ я, но молча въ скорости, послѣ того ушелъ оттуду.

По прошествіи, двухъ мѣсяцевъ времени, наконецъ возвратился я домой, будучи крайнѣ утружденъ. Ибо колѣнъ моихъ згибы, чрезъ всегдашнее хожденіе, такъ ослабѣли, что насилу, тѣла моего составъ, на себѣ содержать могли. Пришедъ

Потy, въ десятой день мѣсяца *Мислеля*, тотъ часъ записки мои, всепокорнѣйше поднесъ я владѣтелю, которые его свѣтлость, немедленно приказалъ напечатать. (Здѣсь надлежитъ примѣчать, что печатное художество, которому изобрѣтателями, себя хвастаютъ Эвропейцы и Скиѳы, у подземныхъ, не въ примѣръ древнѣе въ употребленіи.) Путешествіе то, *Потуанцамъ* столько полюбилось, что они, частымъ онаго чтеніемъ, довольно не могли насытиться. По всѣмъ городскимъ площадямъ и улицамъ, бѣгали съ сими книжицами деревцы, крича: ВОТЪ ПУТЕШЕСТВІЕ ПРИДВОРНАГО СКОРОХОДА СКАББЫ ОКОЛО ВСЕГО СВѢТА. Такимъ успѣхомъ, я возгордяся, великимъ обнадеживалъ себя награжденіемъ, но послѣ увидя, что надежда оная, меня обманула, новое владѣтелю, поднесъ мое прошеніе, въ которомъ труды мои возвышая, должнаго, по заслугамъ моимъ, требовалъ воздаянія. Владѣтель, какъ былъ милостивой и щедрой государь, склоняся на мое прошеніе, попеченіе о мнѣ имѣть милосердо обѣщался. Устоялъ, правда, онъ и самимъ дѣломъ въ своемъ обѣщаніи, толькожъ вся его милость ограничивалась одною, годоваго моего жалованья, прибавкою. Я же иной, за труды мои ожидая мзды, таковою милостію, удо-

вольствоваться не могъ. Но понеже частѣйшими моими прошенïями, несмѣлъ я утруждать, самого владѣтеля, то обьявилъ, сердечную печаль мою, великому канцлеру. Сей остроумной господинъ, жалобы мои, обыкновеннымъ снисходительствомъ выслушивалъ, вспомоществованïе свое мнѣ обѣщая, однакожъ притомъ и увѣщевалъ меня, чтобъ я отсталъ отъ такого вышемѣрнаго прошенïя, и въ разсужденïи слабости моего разума, зналъ бы языка своего мѣру „ натуру говоритъ, имѣешъ ты „ себѣ мачехою, лишенъ будучи такихъ „ ума дарованïй, которыми къ важнымъ „ общественнымъ дѣламъ, путь человѣку „ приготовляется, и по тому не долженъ „ де ты, гоняться затѣмъ, чего достигнуть „ тебѣ не возможно. чтобъ силясь подражать „ чужей природѣ , не потерялъ ты собственной своей. Сверхъ того, ежели бы „ ты въ глупомъ твоемъ прошенïи получилъ удачу, то конечно бы чрезъ то „ какъ владѣтелю послѣдовало безславïе, „ такъ и всѣмъ законамъ было бы нарушенïе; того ради долженъ ты, довольствоваться твоимъ состоянïемъ, и бросить пустое твое желанïе, которому, „ самая твоя натура, противится. Я де „ признаю твои заслуги, и почитаю труды, которые ты имѣлъ, въ послѣднемъ

путешес-

„ путешествіи, однакожъ притомъ не разсуждаю ихъ такими, которые могутъ зделать тебѣ путь, къ общественнымъ дѣламъ; ибо ежелибъ за всякой безъ разбору трудъ, и за всякую прислугу, въ вышніе чины людей производить было должно, то надлежало бы, и каждому мастеровому, на примѣръ рѣщику, или живописцу, заискусную работу статуй или картины, требовать себѣ сенаторскаго, достоинства. безспорно, говоритъ, службу награждать надобно, толкожъ смотрѣть, чтобъ награжденіе, сходствовало достоинству служащаго, дабы инако, общество вреда, отъ того не терпѣло, или въ посмѣяніе другимъ не осталось „ Сими увѣщаніями, будучи уговоренъ, опять я помолчалъ нѣсколько. Но какъ послѣ, крайнѣ бѣдственно, и несносно мнѣ разсудилось, въ толь подломъ званіи старѣться, съ изнова принялся за отчаянное оное намѣреніе, которое отложилъ было до времени, придумывая, какое ни есть затѣять, въ общественныхъ дѣлахъ поправленіе, чрезъ которагобъ новую затѣйку, какъ обществу услужить, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и собственное свое щастье, зделать мнѣ было можно.

Нѣсколько по прежде, послѣдняго моего путешествія, съ прилѣжностію разбиралъ я, состояніе сего княженія, примѣчая, какіе у нихъ погрѣшности, изобличены, и притомъ какими средствами оные исправлены, быть могутъ. Изъ состоянія *КОКЛЕКУАНСКОЙ* провинціи, довольно мнѣ видимо было, какъ бѣдствовало тамо общество, отъ преимущества женъ надъ мужьями, для того что они большею частію, по природѣ тамо будучи горды, власть свою въ безконечность распространяютъ, и не успокоятся, до толь, пока полное и самовластное себѣ получатъ обладательство. Чего ради предпринялъ я затѣять отставку оному закону, которой и у ПОТУАНЦОВЪ, къ правленію общественныхъ дѣлъ, допускалъ женщинъ, будучи въ надеждѣ, что въ семъ предпріятіи, не мало будетъ мнѣ помощниковъ, для того, что я готовыя имѣлъ доказательства, какъ къ изъясненію сего предпріятія пользы, такъ и къ изобличенію тѣхъ худостей, которые, изъ онаго узаконенія, происходятъ. Да и въ какую со временемъ опасность, можетъ пріити мужеской полъ, ежели не ослабится женская сила, мнѣ очевидные образцы, показать было не трудно. Ежели же совершенная, помянутаго обыкновенія от-

ставка, многимъ покажется весьма тягостною, то хотѣлось мнѣ по крайнѣй мѣрѣ, чтобъ хотя сократить и потѣснѣе въ предѣлы привесть, власть женскую. Новозатейнаго сего моего узаконенія, тройное было намѣреніе (1 чтобъ оказать мою ревность, въ исправленіи оныхъ пороковъ, которыми общество страдало. 2) чтобъ знатнымъ, и остроумнымъ изобрѣтеніемъ, представляя важность моего ума и разсужденія, нѣсколько поправить мое состояніе. 3) чтобъ отмстить причиненную мнѣ отъ женщинъ обиду, и загладить безчестное то пятно, которымъ они часто меня марали - да и ежели по справедливости признаться, то мнѣ и ни что къ сему предпріятію главнѣйшею поджегою не состояло, какъ собственная моя польза, и желаніе отмщенія. Однакожъ я мысль свою хитрымъ скрывалъ притворствомъ, чтобъ не оказаться, будто я подъ видомъ общаго благополучія, ищу только собственной своей корысти или послѣдую, образцу другихъ новозатѣйщиковъ, которыхъ предпріятія, по большей части, хотя наружной видъ носятъ общественной пользы, но любопытнѣе объ нихъ разсуждающимъ, являются единственно, на основаніи собственной ихъ выторжки затѣянными.

Я оной проэктъ, сколь возможно найискуснѣе составя, и наидѣйствительнѣйшими утвердя доказательствами, съ покорностїю моею поднесъ владѣтелю. Онъ какъ всегда меня, въ особенной своей содержалъ милости, изумѣлся отоль отважной, и безумной затѣйкѣ, которая ему крайнѣ, для меня, погибельною разсуждалась. Чего ради началъ меня, какъ прозбою такъ и грозою владѣтелю приличною, отвращать отъ такова предпрїятїя; однакожъ я, обнадѣясь не менше на полезность моего вымысла какъ и на способствованїе всего мужескаго пола, о которомъ надежно думалось мнѣ, что онъ за общественное дѣло, горячо вступиться имѣетъ, ничемъ оставался непреклоненъ, такъ что всѣ увѣщанїя, предъ моимъ упорствомъ ослабѣли. И для того наконецъ по закону тамошняго народа, наложа на шею петлю, потащили меня на судъ. А тамъ собравшись сенатъ, по обьявленїи отъ каждаго изъ нихъ своего мнѣнїя, здѣланъ обо мнѣ приговоръ, которой будучи подтвержденъ отъ владѣтеля, биричемъ обьявленъ всему народу, въ слѣдующемъ содержанїи:

„ Учиня обстоятельной разборъ и из-
„ слѣдованїе, разсудили мы, что законъ

„ Г. *СКАББЫ*, перваго придворнаго ско-
„ рохода, объ отрѣшеніи отъ обществен-
„ ныхъ дѣлъ, женскаго пола представленной
„ безъ крайняго, всему обществу повре-
„ жденія, сносенъ быть не можетъ, для того
„ что цѣлая половина нашего народа, кото-
„ рая состоитъ изъ женскаго пола, новой сей
„ вымыселъ въ не стерпимое пріиметъ
„ себѣ огорченіе, и чрезъ то скучною, и
„ ненавистною обществу здѣлается Сверхъ
„ того, по нашему мнѣнію, беззаконно быть
„ разсуждается, достохвалными отъ при-
„ роды качествами одаренныя деревья, ли-
„ шать оныхъ честей, которыхъ они до-
„ стойны, а особливо, когда всѣмъ извѣ-
„ стно, что они отъ натуры, которая
„ ничего слѣпо не дѣлаетъ, толь изряд-
„ ными, дарованіями украшены не напра-
„ сно. Мы держимъ, что цѣлость обще-
„ ства, требуетъ въ производствѣ въ
„ чины, не объ именахъ, но объ умахъ раз-
„ бору. и какъ часто случается, въ го-
„ сударствѣ, достойныхъ людей недоста-
„ токъ, то безумное было бы дѣло, од-
„ нимъ уставомъ, или сенатскимъ при-
„ говоромъ, цѣлую половину народа, ради
„ одного въ рожденіи случая, признавать
„ неспособною. и къ отправленію дѣлъ не
„ достойною. Чего ради, по прилѣжному
„ разбирательству дѣла, предъпомянутаго

СКАББУ

„ *СКАББУ*, за его толь глупую и дерскую затѣйку, по обыкновенію предковъ нашихъ казнить опредѣляемъ.

Великой владѣтелю печали, причиною былъ сей случай, но какъ ему никогда, несбычно было уничтожать приговоръ сенатской, то онъ его подписавъ собственною рукою и укрѣпивъ своею печатью, приказалъ публиковать. Однакожъ съ приложеніемъ такова посредства, что по причинѣ моего инородства, то есть что я родился въ новомъ нѣкоторомъ, и незнаемомъ свѣтѣ, гдѣ скоропостижной умъ, за добродѣтель считается, отъ смертной казни могу быть уволенъ. А чтобъ чрезъ послабленіе казни, ненарушенъ былъ законъ, указалъ онъ держать меня въ тюрмѣ, даже до начала мѣсяца *БЕРЕЗЫ* въ ономъ же мѣсяцѣ съ протчими законопреступниками, сослать на твердь въ ссылку.

По обнародованіи означеннаго приговора, посадили меня въ тюрму. въ то время, нѣкоторые друзья мои, совѣтовали мнѣ, протестовать противъ онаго приговора, потой причинѣ, что между судьями моими, много было женщинъ и дѣвицъ, которые въ своемъ дѣлѣ были

судьями. Другіе же за безопаснѣйшее средство, разсуждали принесть мнѣ повинную и преступленіе мое, извинять природною и родовою глупостію. Однакожъ я совѣтъ сей, съ пренебреженіемъ отметнулъ наипаче въ разсужденіи людей сверхземныхъ, которыхъ честь, таковымъ признаніемъ не мало бы была замарана, потомъ тотчасъ услышалъ я, что владѣтель и самъ опредѣлилъ было отъ всякой казни освободить меня, ежели бы я просто только, просилъ у него милости, и винѣ моей отпущенія, хотя оному моему освобожденію, *РАБАГНА* верьховная казначея, всѣми силами и мѣрами препятствовала, толькожъ ежели правду сказать, вышепомянутой на меня приговоръ, не гораздо казался мнѣ тягостенъ, для того, что должность оная, которую я тамо несъ, была для меня горестнѣе смерти, и крайнѣ уже наскучило мнѣ, обращаться съ оными, непомѣрною мудростію кичащимися деревьями; притомъ же потѣшалъ я себя, и надеждою лучшаго моего щастія на тверди, гдѣ, какъ я слышалъ, всякихъ безъ разбору, пришлецовъ благосклонно принимали.

ГЛАВА IX

О ПУТЕШЕСТВІИ НА ТВЕРДЬ

До сихъ мѣстъ, ничего еще не говорилъ я, объ удивительной оной, на твердь ссылкѣ. И для того здѣсь, какъ въ весьма пристойномъ мѣстѣ, хочу представить, надлежащее къ ней путешествіе. Обыкновенно на шарѣ семъ, дважды всякаго году, слѣтаются нѣкакія, крылатыя животныя, величины чрезвычайной. Называютъ ихъ здѣсь *Кулаками или почтовыми птицами*, которыя по реченнымъ временамъ, прилѣтаютъ, и отлѣтаютъ. Объ изъясненіи, уреченныхъ таковыхъ, прилету и отлету ихъ причинъ, долговремянно трудились, и потѣли подземные Физики, нѣкоторые полагали, что прилѣтъ ихъ, дѣлается по приманкѣ, нѣкоторыхъ несѣкомыхъ, или знатной величины мухъ, которыхъ въ тѣ времена года, безмѣрное нарожается множество, и къ которымъ оные птицы крайнюю имѣютъ жадность. Въ чемъ и я съ ними согласиться безпрепятственно могу. Утверждаютъ они показанное свое мнѣніе тѣмъ, что какъ скоро оные мухи переведутся, то и показанныя крылатыя животныя, тотчасъ къ тверди подымаются,

маются, и что сїе въ нихъ происходитъ отъ нѣкотораго натуральнаго предводительства. Увѣриться можно изъ примѣра другихъ птицъ, которые по уреченнымъ временамъ, безъ сомнѣнїя для тѣхъ же самихъ причинъ, въ нѣкоторыхъ земляхъ являются. Другїе держатъ, что оные птицы, отъ жителей тверди такъ обучаемы, и къ привычкѣ приводимы бываютъ, что ихъ можно выпущать, вмѣсто соколовъ и другихъ ловчихъ птицъ, для приношенїя имъ изъ другихъ земель добычи. Мнѣнїе сїе утверждаютъ они, крайнею оною исправностїю и тщаливостїю, которую тѣ птицы по отправленїи сего путешествїя употребляютъ, когда добычу, или ѣздоковъ своихъ, съ себя ссаживаютъ. Притомъ доказываютъ они, и изъ другихъ обстоятельствъ что упоминаемые птицы, или умышленно обучаемы бываютъ, или нѣсколько разума въ себѣ имѣютъ для того, что когда наспѣетъ время ихъ отлету, то они становятся столько смирны и присвойчивы, что даютъ на себя, накладывать сѣти, или тенеты, подъ которыми, чрезъ нѣсколько дней сидятъ спокойно и неподвижно. Между, тѣмъ будтобы изъ рукъ тамошнихъ жителей кормятся несѣкомыии, которыхъ на тотъ конецъ, великое тамо собирается множе-

ство. Ибо ихъ, по необходимости таковою пищею, содержать должно, покамѣстъ приуготовится все то, что только въ ссылку отправляемымъ, потребно быть можетъ. А приуготовленїе къ дорогѣ сей обыкновенно дѣлается такимъ образомъ: На предьписанныхъ тенетахъ, которыми задерживаются оные птицы, прикрѣпляются веревками ящикъ, или коробъ, которой одно только дерево, или человѣка вмѣщать можетъ. Когда же наспѣетъ время отъѣзду, и не станетъ больше несѣкомыхъ, къ прокормленїю птицъ служащихъ, то они подымаются на крылья, и по пространству воздуха, продолжаютъ путь. Такова то была, удивительная оная поѣздка которою мнѣ съ другими колодниками я въ новой свѣтъ переселяться надлежало. Во время отправленїя нашего въ путь, стояли со мною два жителя Потуанскїя которые за другїя преступленїя, въ ссылку осуждены были. первой изъ нихъ былъ Метафизикъ, которой нарушалъ законъ, споруясь излишною тонкостїю и любопытствомъ о существѣ божїемъ, и о естествѣ духовъ. За сїю дерзость, перво пущена была ему изъ руки кровь; апотомъ какъ увѣдали, что онъ въ своемъ предпрїятїи безпеременно оставался, сосланъ былъ на твердь. Другой былъ

сумоз-

сумозбродной (* Інспиратъ, которой сомнѣваясь о дѣлахъ вѣры, и о правѣ гражданской власти, обоихъ основаній, былъ опровергателемъ. Онъ общественнымъ законамъ покаряться не хотѣлъ, поставляя причиною тому, что гражданское повиновеніе противилось его совѣсти. Покушались его пріятели, наикрѣпчайщими доказателствами побѣдить его сумозбродство, представляя, сколь многимъ лщеніямъ, ученіе совѣсти, и мечтателныя вдохновенія подвержены, выговаривали они ему, какъ весьма часто ревность, совѣсть и вдохновеніе, имѣютъ смѣшенность съ меланхоліею, или съ испорченными мокротами тѣла, доказывали еще, сколь безумное есть дѣло, уповать только на важность совѣсти, и сколь беззаконно требовать, чтобъ движеніе одного моего духа было для прочихъ правиломъ вѣры, которые и сами по тѣмъ же основаніямъ совѣсть совѣсти противо полагать могутъ, наконецъ утверждали они, что никто крайнимъ образомъ, сего основанія держащійся, и покрываломъ совѣсти, упрямство свое утаевающіи, не можетъ имѣть права гражданства, когда должность, честнаго гражданина велитъ, за проста всѣмъ общественнымъ законамъ повиноваться, такова же повиновенія

(* Накакому мечташелному вдохновенію вѣрующій человѣкъ.

имѣть, и нехочетъ и не можетъ Інспиратъ, которой однимъ въ гражданскихъ дѣлахъ правиломъ содержитъ ученіе своего духа. Но понеже въ сумозбродахъ, или Інспиратахъ мало дѣйствуютъ доказательства и доводы, для того и сей, какъ ожесточенной, и къ исправленію безнадежной, отъ общества исключенъ, и на твердь сосланъ. Такимъ образомъ въ одно время, трое мы были, къ помянутому путешествію опредѣленные а имянно новозатѣйщикъ, Метафизикъ, и Інспиратъ.

Около начала мѣсяца *Березы*, каждой изъ насъ выведенъ былъ изъ тюрмы въ особое мѣсто. Я не могу знать, что далѣ, съ моими товарищами дѣлалось; для того, что мнѣ надобно было думать только про себя самого, а не про другихъ. Когда вывели меня на опредѣленное мѣсто, тотчасъ посаженъ я былъ въ ящикъ, или коробъ, съ положеніемъ мнѣ туда пищи, сколько оной къ путешествію чрезъ нѣсколько дней, потребно было. Послѣ, не много времени спустя, когда птицамъ нашимъ, недоставало больше никакой пищи, будто по опредѣленію имъ отлету, поднялись они изъ шара, и непонятною скоростію, воздухъ разсѣкать начали. Разстоянія, отъ планеты Назара до тверди обыкновенно Потуанцы считаютъ около

ста

ста миль. Однакожъ, сколько времени, въ самомъ дѣлѣ на сіе путешествіе употребилъ я, сказать точно невозможно, а по видимому кажется, оно не болѣ двадцати четырехъ часовъ продолжалось. Послѣ долговремяннаго безмолвія, наконецъ сталъ трогать мои уши, нѣкоторой смятенной шумъ, изъ чего догадывался я, что недалеко отъ меня были земли. Тогда видѣлъ я, сколько тщательно обучены, и опривычены были предреченные птицы; ибо они, съ такою тщаливостію, и искуствомъ опустили на землю со мною ящикъ, что оной совсѣмъ цѣлъ остался. Вдругъ потомъ, окружило меня, великое множество обезьянъ, которыхъ взоръ, немалой во мнѣ причинилъ страхъ, для того что я отъ такихъ животныхъ, и на планетѣ *Назарѣ*, великое терпѣлъ безпокойство, но больше приумножалось мнѣ удивленіе, когда услышалъ я, что сіи обезьяны говорятъ и увидѣлъ, что они носятъ на себѣ, разноцвѣтное платье, и исправною поступкою ходятъ. Тогда догадался я, что они то были, оной земли жители. Но понеже въ такой вздорной, разныхъ вещей, къ которымъ ужѐ издавна привыкъ я, дикости, ничто мнѣ немогло казаться чрезвычайнымъ, то приободрился я опять, особливо видя, удивительно учтивые,

обе-

обезьянѣ оныхѣ, поступки, которыми они меня, новаго гостя, ласкаво изѣ короба выводили. Ибо, вѣ сравненіи онаго моего отѣ нихѣ пріему, насилу можно большихѣ церемоній ожидать во встрѣчахѣ, и самимѣ полномочнымѣ посламѣ нашего свѣта. Всякая обезьяна, порядочно подходя ко мнѣ, привѣтствовала сими словами Пулласерѣ, и когда такову, встрѣшную рѣчь, часто они комнѣ повторяли, и наконецѣ сталѣ и я имѣ, тѣхѣ же словѣ повтореніемѣ отвѣтствовать; непомѣрной они подымали хохотѣ, и игралищными дѣйствіями изображали, что имѣ, повтореніе оныхѣ словѣ, крайнѣ было забавно. Я тогожѣ времени узналѣ, что жители оные, были легкомысленны, кѣ новостямѣ жадны, и болтливы. Когда они говорили, надобно было думать, что вѣ трещетку бьютѣ, такою дроботливостію, и однимѣ духомѣ, будто шумящимѣ стремленіемѣ, слова переварачивали. Кратко сказать: были они поступками, обычаями, рѣчами, и образомѣ тѣла, діаметрально противны *Потуанцамѣ*. Сколько мнѣ казалось, крайнѣ дивились они сѣ перваго взгляду моему образу. Удивленію же оному, главною причиною состояло, неимѣніе у меня хвоста. Ибо какѣ изѣ между всѣхѣ, безразумныхѣ животныхѣ, ни одного нѣтѣ, которое могло бы

бы больше изъ себя, представлять подобіе человѣческаго образа, какъ обезьяна. то по причинѣ той, ежелибъ у меня былъ хвостъ, конечно бы они, почли меня, животнымъ своего рода, а особливо для того, что они всѣхъ жителей, которые по мое время, изъ планеты Назара, туда ни приносимы были, видѣли съ собою, крайнѣ разнообразными. Во время моего, въ сіи земли прїѣзду, великой вездѣ въ моряхъ, былъ приливъ, ради близости къ нимъ, планеты *Назара*. Ибо какъ у насъ, надыманїе окїана съ теченїемъ луны согласїе имѣетъ, такъ окїанъ тамошней тверди, будучи планетѣ *Назару*, будто бы спутникъ, вмѣстѣ съ нею, прирастаетъ и умаляется.

Послѣ того тотчасъ, повели меня, въ огромной каменной домъ, зеркалами, мармором, драгоцѣнною посудою, и обоями пребогата убранной. У воротъ онаго стоялъ караулъ; изъ чего можно было мнѣ догадаться, что то было, не простой обезьяны жилище, да и услышалъ я тотчасъ, что въ немъ живетъ консулъ. Онъ весьма желая говорить со мною, нанялъ нѣкоторыхъ учителей, для обученія меня ихъ языку. Тримѣсячное почти, употреблено было, къ обученїю оному

время, по прошествіи котораго, когда я гораздо твердо говорить научился, думалось мнѣ, что я ради остроты ума и твердости памяти моей, заслужилъ всѣхъ о себѣ удивленіе. Однакожъ учители мои, почитали меня, столько предъ другими тупѣйшимъ, и непонятнѣйшимъ, что отъ нетерпѣливости, и учить меня хотѣли было бросить. и потому, какъ на планетѣ *Назарѣ*, ради скоропостижности моего ума, называли меня, посмѣятельнымъ именемъ, *Скабба*, такъ сіи обезьяны, ради моей тупости, и непонятности, прозвали меня *Какидораномъ*, которое имя значитъ потупопятнаго или увальчиваго, ибо у нихъ тѣ только одни имѣютъ почтеніе, которые, скоро понимаютъ вещи, и которые затмѣвая разумъ, и переварачивая слова, много говорить умѣютъ. Когда я обучался обезьянскому языку, хозяинъ мой часто, проваживалъ меня по городу, которой видѣлъ я весь, во всякаго рода роскошахъ, и пышностяхъ погруженной. Ибо множество каретъ, цуговъ, лакѣевъ, и непомѣрныя кучи, совсѣхъ сторонъ стекающагося, и волнующагося народа, столько насъ по улицамъ утѣсняло, что мы принуждены были, силою промышлять себѣ дорогу. Однакожъ еще сіе ничто было, въ соравненіи

онѣхъ

оныхъ роскошностей, каковы у нихъ были въ столичномъ ихъ городѣ, гдѣ какъ бы въ центрѣ, можно видѣть все то, что только человѣческое тщеславіе въ свѣтѣ выдумать можетъ. Обучась языку, веденъ я былъ въ столичной городъ, отъ моего хозяина, которой новымъ симъ, и необыкновеннымъ подаркомъ, легко надѣялся, сыскать себѣ, у нѣкотораго сенатора милость; ибо видъ тамошняго правленія, есть *Аристохратической*, такъ что величество общества онаго, состоитъ при великомъ сенатѣ и сенаторы тамъ, всѣ до единаго изъ знатныхъ фамилій; ибо которые у нихъ не изъ дворянства въ службѣ, тѣ не больше какъ только капитанскаго, или земскаго судьи чина, ожидать себѣ могутъ. Производятся же они иногда и въ консулы, Однакожъ производство оное, не инако, какъ развѣ за нѣкоторое знатное достоинство, дѣлается. И такимъ то образомъ досталъ себѣ консульство, и хозяинъ мой. Ибо онъ, такую имѣлъ ума плодовитость, что во время одного мѣсяца, дватцать восемь новыхъ законовъ, или проэктовъ выдумывалъ, и хотя, таковые его затѣйки, съ пользою общества, и немогли соглашаться, однакожъ они, были доказательствами плодовитаго ума, которымъ

онъ себя прославилъ, ибо во всемъ подземномъ свѣтѣ, нигдѣ новозатѣйщики толь великаго неимѣютъ себѣ почтенія, какъ въ семъ обезьянскомъ обществѣ. Столичной сея земли городъ, называется Мартинія, откуду имя свое и вся сторона имѣетъ. Городъ оной, выгодою мѣсто-положенія, знатностію рукодѣлій, искуствомъ мореплаванія, и строеніемъ военныхъ судовъ, есть преславной, и такъ сказать, великостію и числомъ жителей ничемъ нехуже Парижа. Такимъ многолюдствомъ, загружены въ немъ были всѣ городскіе улицы, что мы имѣли необходимость, палками и кулачками, промежъ народа продираться, намѣревая итти въ ту сторону города, гдѣ жилъ главной прокуроръ великаго сената; Ибо онъ то былъ та особа, которой меня въ подарокъ, представить намѣревалъ Консулъ.

Когда мы стали подходить, къ прокурорскому дому, то хозяинъ мой, завернувшись въ вольной домъ, начасъ получше пріодѣваться для того, что ему надобно было, въ богатомъ и чиновномъ платьѣ, главному прокурору себя представить. Тутъ толпами набѣжало къ нему, нѣкакихъ наемщиковъ обыкновенно въ Мартиніи *МАРГАТТАМИ*,

или

или уборщиками называемыхъ, которыхъ услугою, всегда пользуются намѣревающіе входить въ сенаторскіе домы. Изъ нихъ одни чистили платье, другіе вытирали пятны, и всѣ досамомалѣйшей морщины, удивительнымъ искуствомъ, и тщаливостію выправляли. Первой изъ сихъ *Мареатовъ*, подхватя тотчасъ консулскую саблю, вытеръ и ясно вычистилъ, другой разноцвѣтные косники, прицепилъ къ хвосту его; ибо обезьяны сіи, ни о чемъ столь прилѣжно не стараются, какъ объ украшеніи хвостовъ своихъ. были у нихъ такіе сенаторы, а особливо сенаторскіе жены, которыхъ хвосты въ праздничные дни, насилу могли коштомъ, тысячи ефимковъ нашей монеты, быть убраны. Третій *Моргатъ*, или уборщикъ, обхаживалъ вкругъ его, съ геометрическимъ інструментомъ, которымъ дѣлалъ размѣръ платью, присматриваясь, все ли исправно, и все ли по симметріи было здѣлано; четвертой подбѣгалъ съ цвѣтною водою, которою лице ему подкрашивалъ, пятой осматривалъ ноги, и съ великою нѣжностію, обрѣзовалъ нанихъ ногти. Шестой подносилъ благовонную воду, которою накроплялъ консулу руки и ноги, и кратко сказываю: одинъ подносилъ ему полотенце для тѣренья, дру-

гой гребень для чесанья, иной зеркало для гляденья, а все то, съ неменшею тщаливостїю, рачительствомъ, и искуствомъ у нихъ производилось, какъ, съ какимъ унасъ, Географическїе карты, размѣрять и разцвѣчать, обычай имѣютъ Геометры. Тогда я говорилъ самъ съ собою. *Ежели для мужескаго убору, чистоты, прикрасъ, и щегольства, столько здѣсь труда требуется, то сколько уже, времени и кошту надобно полагать, на женскїя украшенїя!* Ибо и подлинно, *Мартинїанскїе* женщины, всѣ мѣры, своими убранствами преступаютъ; и такимъ притворствомъ, недостатки своего тѣла укрываютъ, что отъ безмѣрной намазки ихъ воняетъ, для того, что какъ только потъ, съ мазями смѣшается, тотчасъ производитъ противной духъ, на то подобїе, какъ когда поваръ, многїе похлебки вмѣстѣ перемѣшаетъ, то чемъ оная смѣсь воняетъ, знать не возможно, а то только чувствительно, что воняетъ худо.

Такимъ то образомъ, вытершись, накрасившись, и мазями надушившись, хозяинъ мой пошелъ въ прокурорскїе палаты, имѣя за собою трехъ только лакѣевъ. Какъ пришли мы въ переднїе сѣни, то

консулъ

консулъ, скинулъ съ ногъ башмаки, чтобъ ими марморнаго полу не опылить, либо не намарать грязью. Онъ принужденъ былъ почти цѣлой часъ стоять, пока о приходѣ его, доложили главному прокурору, да и докладу о себѣ, получить бы онъ не могъ, ежелибъ прежде, не задобрилъ подарками, караульныхъ, у которыхъ вѣсихъ сторонахъ, обыкновенно прежде всего, благосклонность закупается. Главной прокуроръ на высокомъ позлащенномъ креслѣ сидя, какъ скоро завидѣлъ меня, съ хозяиномъ моимъ къ нему входящаго, безмѣрно началъ смѣяться, и тотчасъ, столько мнѣ глупыхъ, и бѣшеныхъ предложилъ запросовъ, что меня даже до пятъ потъ пронялъ, и за всякимъ моимъ отвѣтомъ, раздувая ноздри свои помиралъ со смѣху. Я думалъ, что въ сторонахъ сихъ, комедіанство за добродѣтель почитается, когда столь забавнаго чаловѣка, главнымъ въ сенатѣ прокуроромъ тамошнее общество учредило. И оное мое мнѣніе обьявилъ моему хозяину, однакожъ онъ совѣстно доказывалъ, что оной господинъ, дарованіями духа, весьма славенъ. И величество говоритъ силы ума его, оказывается изъ множества, разнообразныхъ дѣлъ его, которые онъ отправлялъ, еще въ молодомъ своемъ

вѣкѣ

вѣкѣ, то есть: что такое де, въ понятїи его было пространство, что онъ вездѣ въ компанїи за рюмками сидя, преважныя дѣла отправлять могъ; и недовольно того нынѣ и при обѣдѣ, или при ужинѣ, за всякимъ кушаньемъ, новой законъ, либо проэктъ закона, выдумывать всегда обычай имѣетъ. Тутъ я спросилъ у него: сколь долговѣчны у нихъ оные законы, которые толь непомѣрною скоростїю, отъ него выдумываются? отвѣчалъ онъ: обыкновенно де они до тѣхъ поръ служатъ, пока угодно будетъ сенату, оные отрѣшить и уничтожить.

Главной прокуроръ, поговоря со мною, почти равною скоростїю языка, какъ говорятъ наши Эвропскїе барбиры съ полчаса, оборотился къ моему хозяину, и сказалъ, что я у него, въ число дворовыхъ слугъ принятъ быть могу, хотя, де, по его усмотренїю, ради тупости моего ума, кажусь ему не инако, какъ въ козлиномъ царствѣ, и подъ мглистымъ нѣкакимъ воздухомъ родившимся; и что для того ни къ какому знатному дѣлу, способности не имѣю. „ Да и я, государь, говорилъ хозяинъ, примѣтилъ въ умѣ его „ врожденную нѣкакую оторопь; однако,

ежели

„ ежели де, дастся ему подолѣ время, „ къ разбиранію дѣла, то онъ нехудыя „ объ немъ, можетъ имѣть разсужденія отвѣчалъ прокуроръ: но здѣсь требуются „ скоропостижные, и остролетные мини- „ стры, для того, что множество дѣлъ, „ никакой у насъ, медленности не терпитъ. и сказавъ сіе, началъ прилѣжно, свидѣтель- ствовать тѣла моего силы, приказывая мнѣ, на плеча вздымать, великую тягость, которую, когда я, безъ надсады поднялъ, сказалъ онъ,„ натура, твоя, которую въ „ дарованіи духа, имѣешъ ты мачехою, „ недостатокъ сей, тѣлесною крѣпостію, „ нѣсколько въ тебѣ наградила: Между тѣмъ, велѣлъ мнѣ итти отътуду, въ другое мѣсто, гдѣ, хотя я отъ слу- жителей и холопей, съ удивительною ла- скавостію принятъ, однакожъ вмѣстѣ, отъ ихъ безмѣрной болтливости, и пере- воротовъ, не малую имѣлъ и досаду. Они о нашемъ свѣтѣ, столько мнѣ дѣлали за- просовъ, что я не могъ знать, что имъ въ скорости и отвѣчать, и для того при- нужденъ былъ, большую часть имъ прилы- гать, однакожъ и тѣмъ, любопытства ихъ, удовольствовать не могъ.

Наконецъ, вышедъ оттуду хозяинъ мой обьявилъ мнѣ, что я ужѐ, въ число

дворовыхъ его превосходителства, принять, правду сказать; изъ прежде бывшихъ ко мнѣ, прокурорскихъ рѣчей, я и самъ могъ догадываться, что мнѣ у него, не важная въ службѣ, опредѣлена будетъ должность, и думалось мнѣ, что я конечно, въ должности, либо домоваго сторожа, либо ключника, служить буду. Однакожъ, какъ я спросилъ хозяина, какая на меня, въ службѣ той, положена должность, отвѣчалъ онъ: его, де, превосходителство, всеблагосклоннѣйше опредѣлилъ тебя, первѣйшимъ, своего портшеза, носителемъ или портеромъ, съ жалованьемъ въ годъ подвадцати по пяти *Штерхолатовъ*: (а всякой *Мартиніанской Штерхолатъ*, имѣетъ цѣну двухъ талеровъ нашей монеты:) сверхъ того, изволилъ де обнадежить, что я сею должностью, никому кромѣ, одной его самого, и превосходителнѣйшей его супруги особы, служить не обязанъ. Таковымъ отвѣтомъ, будто бы громомъ, будучи пораженъ, откровенно сталъ я ему выговаривать, сколь непристойна сія должность честному, и отъ честныхъ родителей, произшедшему человѣку. Однакожъ рѣчь оную перебили мнѣ, тамошніе дворовые служители, которые толпами ко мнѣ прибѣгая, болтливостію своею, смертно мнѣ досаждали: Ибо всѣ *МАРТИНІАЦЫ*, вѣтреные

ренные, бездѣльные, и прескучные болтуны никакого основательства не смотрятъ, только пустыми, и никчему годными расказами, забавляются. Наконецъ ввели меня, въ спальную комнату, гдѣ изготовленъ стоялъ ужинъ, а когда я мало нѣчто поужиналъ, отвели мнѣ кровать для наслѣгу.

Я, тотчасъ положась на постелю, но будучи, въ толикомъ мыслей моихъ волнованіи, ни какъ заснуть не могъ. Пышность оная, съ которою я отъ обезьянъ сихъ принимaнъ былъ, почти съ ума меня сводила, и подлинно, спартанское было надобно, тутъ имѣть терпѣніе, чтобъ преодолѣть, толь тягостное безчестіе. Тогда я, оплакивалъ свою долю, которую въ сей сторонѣ, видѣлъ гораздо злѣйшую, нежели имѣлъ я, на планете *НАЗАРѢ*, и вдругъ говорилъ самъ съ собою: о чтобы то было, ежели вы въ сіи стороны, попался великой, потуанскаго, княженія *КАДОКІИ*, мужъ важной и препочтенной! Совершенно бы его, почли тутъ ни къ чему годнымъ человѣкомъ, которому, для написанія какова ни есть мнѣнія, надобно было думать цѣлой мѣсяцъ! Какого бы выигрышу здѣсь, должна себѣ надѣяться *Палмка*, гдѣ сенаторы, между кушаньемъ выдумываютъ, и пред-

написываютъ уставы! И такъ по прилѣжному разсужденїю, признавалъ я себя, изъ земли мудрыхъ, въ жилище комедїантовъ пресселеннымъ. Наконецъ въ таковыхъ смущенїяхъ, одолѣлъ меня сонъ. Не можно было мнѣ знать, сколь долго тогда спалъ я; для того, что въ сторонахъ сихъ, дни съ начами, ни какой разности не имѣютъ. ибо и темноты тамо вовся нѣтъ кромѣ только той, которую, въ уреченнсе время, причиняетъ планета *Назаръ*. когда чрезъ междуположенїе оной, затмѣнїе дѣлается подземному солнцу. Великаго, достойно примѣчанїя, оное затмѣнїе, когда показанная, не далеко отъ тверди плавающая планета, тѣнью своею почти цѣлое солнце заслоняетъ, притомъ стороны сїи, ради всегдашняго надъ ними солнечнаго сїянїя и чрезъ весь годъ равную безъ всякой отмѣны имѣютъ погоду, и по той причинѣ подземные жители, различными вымыслами или изобрѣтенїями какъ то рощами, прохладными переходами и землянками наглость жару отвращать обычай имѣютъ.

Лишь только ото Сна я пробудился, въ другъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, одинъ фабїанъ, которой объявилъ себя моимъ товарищемъ, имѣя съ собою веревки, и поддѣльной хвостъ, для приставки онаго къ моему

ему заду, чрезъ что бы и я другихъ обезьянъ представлялъ фигуру. причемъ приказалъ мнѣ, быть готовымъ, потому, что намъ главнаго прокурора чрезъ часъ времяни, надлежало несть въ Гимназїю, куда онъ обще съ другими сенаторами публичною программою былъ прошенъ. А имѣло быть тогда въ четвертомънадесять часу, производство въ докторы. здѣсь примѣчать должно, что хотя въ сихъ сторонахъ для всегдашняго свѣта, дней съ ночами отличать и невозможно, однакожъ дни распредѣляются извѣстными часами, получасами, и четвертьми, что дѣлается посредствомъ часовыхъ машинъ и *Клепсидръ*, такъ что *Мартинїанскїе* сутки, содержатъ въ себѣ двантцать два часа ихъ, и для того ежели бы всѣ въ городѣ томъ часовые машины въ другъ испортились, то невозможно бы было гражданамъ безъ справки съ околичными сосѣдами ихъ исправить, ибо у нихъ солнечныхъ часовъ нѣтъ, да и быть оные немогутъ, по той причинѣ, что тамо тѣней никогда нѣтъ, и что солнце, на тамошнїя мѣста, всегда прямые, и неподвижною, надъ стоящими вещами чертою, лучи свои испущаетъ. и слѣдственно потому, гдѣ бы въ тамошнихъ мѣстахъ, ни копанъ былъ колодезь, вся яма освѣщается. что же касается до годоваго тамо круга, то оной,

по одному теченїю планеты *Назара*, тамо ограничивается и установляется, которая въ двое скорѣе, предъ подземною твердью, обарачиванїе свое отправляетъ.

Въ четвертомъ надесять часу, поднявши мы на плеча, вызолоченной ПОРТШЕЗЪ, понесли его Превосходителство въ гимназїю. Вошедъ въ зборную палату, увидѣли порядкомъ сидящихъ, докторовъ и магистровъ, изъ которыхъ каждой, предъ проходящимъ главнымъ Прокуроромъ вставая обарачивался хвостомъ. Почтенїя знакомъ, сїе обарачиванїе у нихъ было, для чего они и хвосты свои, великимъ прилѣжанїемъ и коштомъ украшали; мнѣ же оныя, чрезъ задъ оказываемыя привѣтствїя, весма глупыми, и смѣшными показались. ибо у насъ, обарачиваются задомъ только къ тѣмъ, которымъ хочетъ кто обьявить холодность и неудоволство; однакожъ всякой народъ, собственной себѣ вкусъ имѣетъ. Вышепомянутые доктторы и магистры сидѣли по обоимъ сторонамъ зборной палаты, къ поперечной же, оной, стѣнѣ, поставленъ былъ канцель, на которомъ стоялъ приготовленной къ производству въ доктторы. Прежде нежели началось дѣиствїе производства, держана была диспутацїя

слѣду-

слѣдующимъ именемъ названная. опредѣлительная фисическая рѣчь, въ которой дѣлается разбирательство и изъясненіе преважной оной проблемѣ: голосъ которой издаютъ мухи и другія несѣкомыя ртомъ ли, или заднимъ проходомъ отъ нихъ происходитъ? презесъ гимназіи, принялъ защищать первое мнѣніе, которое съ такою запальчивостью спорники опровергали, что надобно было опасаться, какъ бы спорьной въ кровопролитную драку не обратился даиподлинно то у нихъ наготовѣ было, ежели бы сенатъ, поднявшись съ своего мѣста, властію своею не утушилъ запальчивости оной. При происхожденіи диспута, играли тамъ на трубахъ, ибо у нихъ обывновенно въ школьныхъ спорахъ посредственникомъ употреблялся трубачъ, которой иногда тихимъ а иногда поспѣшнымъ голосомъ, либо вялую и ослабѣвающую рѣчь ободрять, либо свирѣпѣющую и бѣсящуюся усмирять былъ долженъ. однакожъ таковы средства часто никакова дѣйствія унихъ неимѣли понеже трудно удержать умѣренность когда нопреважныхъ вещахъ начнутся распри, что самое

не единожды

же единожды и въ нашемъ свѣтѣ искусство засвидѣтельствовало, гдѣ также иногда въ спорѣ о бездѣльно напутанной и обезьянской задачѣ, съ неменшею вспылчивостїю люди бѣсятся, толькожъ наконецъ помянутая ссора, которая по видимому убїйствомъ и кровопролитїемъ грозила, вдругъ сошла на взаимные похвалы и привѣтствїя нейнако какъ и въ академїяхъ нашего свѣта, гдѣ по принятому вездѣ обыкновенїю всегда изъ катедры побѣдителемъ сходитъ президентъ.

По окончанїи диспута началось дѣйствїе производства слѣдующими обрядами: къ кандидату посрединѣ зборной полаты поставленному, порядочною выступкою подошли два академическїя служителя, и цѣлое вѣдро холодной воды на голову ему вылили, потомъ подкуря его ладаномъ дали ему выпить прїемъ рвотнаго. Отправя съ высочайшимъ почтенїемъ и поклоненїемъ головѣ сїю службу, наконецъ огласили его законно произведеннымъ докторомъ.

Изумѣвшись я о толь чудныхъ истранныхъ церемонїяхъ, спрашивалъ у одного ученаго близъ меня стоящаго фабїана, чтобы они у нихъ значили? онъ сожалѣя о моемъ невѣжест вѣ

вѣжествѣ; началъ роскасывать мнѣ. „ „ чрезъ воду, говоритъ, ладанъ, и рвотное, „ внушается то, что въ произодимомъ, „ должны съ сего времяни, быть омыты, „ всѣ нечи тоты прежнихъ пороковъ, и „ что ему надлежитъ, уже новые, и совсѣмъ „ отъ простаго народа отличные, при„ нять въ себя. нравы. Сіе выслушавъ, самъ я осуждалъ свое безумїе, и въ великомъ оставаясь удивленіи, ниочемъ больше не сталъ спрашивать, чтобъ не оказаться, будтобы я никогда, между честными людьми не жилъ.

Напослѣдокъ, поднятъ сталъ, не обыкновенной громъ литавровъ, трубъ, и валторовъ, съ которымъ выходящаго, изъ зборной полаты новаго доктора, травяноцвѣтною епанчею одѣтаго, и поясомъ опоясаннаго, провожалъ, даже досамаго его дому, цѣлой *геликонъ*. но понеже былъ онъ подлаго роду то везли̃его не накреслѣ, но на одноколесной телѣжкѣ. А передъ нимъ шли, скороходы въ епанчахъ. Все сїе происхожденїе, какъ обыкновенно водится, кончилось послѣ, пребогатымъ столомъ, и пьянствомъ пирующихъ; ибо въ то время, столко тамъ вина употреблено, что многихъ пьяныхъ, надобно было подомамъ, таскать замертва, которые послѣ, на

силу лѣкарствами, чрезъ нѣсколько дней направиться могли, такъ что во всемъ показанномъ дѣйствіи, ни чего такова не было, чтобы отъ начала доконца, не торжественнымъ назваться могло, и я побожусь, что мнѣ никакова производства, сходственнѣйшаго съ именемъ Академіи, и ни одного кандидата, законнѣе въ докторы произведеннаго, никогда въ нашемъ свѣтѣ, видѣть неслучилось.

Въ приказахъ, судебныя дѣла, удивительною у нихъ скоростію отправляются такъ что, нельзя было мнѣ обойтись, чтобъ остропостижности ума, и скорости понятіи, единственно оному народу свойственной, не удивляться. Ибо еще не успѣвали адвокаты, оканчивать судную свою рѣчь, когда уже тамошніе судьи, вставая съ мѣстъ своихъ, съ неменшею скоростію, какъ и красотою, голосы одѣлѣ томъ часто подавали. Въ Приказы оные, многократно хаживалъ и я, желая слышать, какимъ образомъ, у *мартіанцовъ* суды происходятъ. Приговоры ихъ одѣлахъ сначала казались мнѣ твердыми, и на натуральной справедливости основанными, но послѣ, какъ я ихъ поприлѣжнѣе разобралъ, явились они мнѣ столько беззаконны, глупы, и противорѣчивы, что

я

я лучше бы согласился, повѣрить дѣло свое кабацкимъ костырамъ, и жели на оное просить приговора, отъ судей *Мортинганскихъ*. Озаконахъ сего народа, за весма частою перемѣнностію, которой они подвержены, ничего я сказать немогу, Ибо у нихъ законы и правы, подобіемъ платья, всякой годъ перемѣняются И для того, многіе тамъ казнятся затакіе вины, которые, несостояли винами въ то время, какъ кто вѣдалъ ъ оное; многіе также, обвиняются въ искахъ своихъ зато одно, что дѣла ихъ, которыя дотого были закономъ позволенныя, по состояніи новаго закона, здѣлались запрещенными. И въ такомъ назсужденіи, всѣ у нихъ изъ нижнихъ судовъ, въ вышніе, дѣла свои переносятъ, будучи въ надеждѣ, что когда дѣло продолжится, то между тѣмъ, прежніи законъ уничтожится. Такова превратность, происходитъ у нихъ, изъ скораго, чрезъ мѣру вымышленія законовъ, апритомъ и отъ того, что народъ оной будучи къ новостямъ безмѣрно жаденъ, и самыми, преполезными законами и обыкновеніями, за одну ихъ старинность, мерзился. неменшуюжъ примѣтилъ я у нихъ какъ въ тѣлесныхъ, такъ и въ платейныхъ приборахъ легкомысленность. Стряпчіе или адвокаты здѣсь, ради тончайшихъ ихъ въ

спорахъ вымысловъ, въ великомъ состоятъ почтенiи, и есть между ими нѣкоторые такiе, которые будучи, какъ говорятъ горшечнаго колеса вертлянѣе, небольше какъ одни только несправедливыя дѣла, защищать принимаются, въ показанiе того, коликою они въ спорахъ оборотливостiю, и какимъ искусствомъ, черное бѣлымъ здѣлать умѣютъ. И ради такой то ума тонкости, часто и самые судьи, несправедливаго дѣла защитнику вспомоществуютъ, почитая только себѣ зaудовольствiе то, когда по логикѣ и по порядочному расположенiю происходитъ приказная ссора. И для того, обычай они имѣютъ говорить. Хотя, де мы несправедливость дѣла, и явственно видимъ, однако понеже оно, толь чистымъ искуствомъ, и порядочнымъ расположенiемъ защищается, то мы неможемъ обойтись, чтобъ заисправность стряпчаго, нѣсколько правосудiя ненарушишь. Знанiю закона здѣсь обучаютъ докторы, поразличiю дѣлъ заразличную и цѣну. на примѣръ тѣ, которые учатъ слушателей своихъ, какъ защищать беззаконное, и несправедливое дѣло. берутъ подватцати *штерхолатовъ*, а которые: обучаютъ защищенiю справед-

ливаго

лишаго дѣла, тѣ и однѣмъ десяткомъ оныхъ довольствуются. Образцы правъ у нихъ находятся толь многіе, что въ безмѣрныхъ кучахъ, одного задругимъ состоявшихся законовъ, какъ въ морской глубинѣ, дна дощупаться не возможно. ибо какъ *Мартиніанцы*, имѣютъ природной свой умъ, весма тонкой, и понятіе чрезъ мѣру скорое, для того все то, что только ниесть простое и неприкрашенное, оказывается имъ мерско, а довольствуются и любуются они только тѣмъ однимъ, ежели что тонко, узловато, и запутанно гдѣ увидятъ.

Такойже равно видъ, у нихъ имѣетъ и вѣра ихъ, которую содержатъ они не въ дѣлахъ, нотолько въ однихъ пустыхъ мечтаніяхъ. Такъ о формѣ, какову по ихъ глупымъ мечтамъ должно причитать богу, находится у нихъ, двѣсти тритцать разныхъ мнѣнїевъ, а оестествѣ и окачествѣ душъ, триста девяносто шесть. въ Храмы или въ свои священныя училища, *Мартиніанцы* никогда неходятъ съ тѣмъ, чтобъ тамъ слышать что себѣ напользу, или чтобъ научиться, правилъ къ доброму житью, и благополучной смерти, но только ходятъ для единаго того, чтобъ выслушать, какимъ искусствомъ,

и какою тонкостію ума, рѣчи свои представляютъ проповѣдники, которые чемъ темняе у нихъ говорятъ, тѣмъ горячае ихъ зато хвалятъ, такъ что *Мартиніанцамъ*, все въ храмахъ ихъ слушать скучно кромѣ только того, чего они вовся неразумѣютъ. Обыкновенно всѣ, тамъ больше стараются о словахъ, нежели одѣлахъ, для того, что какъ проповѣдники, лучше любуются красимымъ сплетеніемъ словъ, и круглыми въ сочиненіяхъ *Періодами*, нежели основательною силою рѣчи, и порядочнымъ рассужденіи своихъ, къ настоящему концу управленіемъ, Такъ и слушатели ихъ равножъ ничего больше, нежадничаютъ слышать, какъ одни ласкательства, и одну пустыхъ словъ громкость. И посей причинѣ, ничего я неотважился тутъ упоминать, о Христіанской вѣрѣ, которая есть простая, и никакими хитро-сплетенными прикрасами неубрана, и которая, главную хвалу свою, имѣетъ отъ непритворной истинны. Нигдѣ во вселенной, большаго неимѣютъ новозатѣйщики себѣ почитанія, какъ въ *Мартиніанскомъ* обществѣ, гдѣ сколь сквернѣе, и нестерпимѣе отъ кого, вымышлена будетъ новая затѣйка, столь болшую она честь, у всѣхъ получаетъ. Когда я нѣкоторому, извѣстному фабіану, расказывалъ о природѣ

земно-

земноводнаго круга, и объявлялъ, что поверхность онаго, населяютъ жители, тотъ часъ онъ подалъ проэктъ, что надлежитъ прокопать земную корку, и чрезъ то открыть путь, къ сверхъземнымъ жителямъ. Затѣйка сія, въ одинъ мигъ безмѣрно всѣмъ полюбилась, и учреждено было собраніе, или СВЕРХЪ ЗЕМНОЙ КОММЕРЦІИ КОМПАНІЯ къ которой тогожъ времяни, толпами збѣгался народъ, и показывая писменныя осебѣ свидѣтелсшва, покупалъ унеей *Акціи*, Однакожъ. когда такимъ образомъ, возмутилась вся земля ихъ, и многіе домы, чрезъ означенные *Акціи*, въ послѣднее пришли обнищаніе, наконецъ увидя, явственное оной затѣйки безуміе, означенной замыселъ какъ бездѣльной, бросили. толькожъ затаково безуміе, хотя оно и толь дорого обществу стало, нозозатѣйщикъ, никакой бѣды не пострадалъ, и еще напротивъ того, за знатность дѣла, отъ всѣхъ имѣлъ похвалу себѣ, такъ что тогда, обыкновенно говаривали *Мартиніанцы*: *ХОТЯ, де, ПРЕДПРІЯТІЕ, ИСПОЛНЕНІЯ СВОЕГО И НЕПОЛУЧИЛО, НО ТО ДОВОЛНО, ЧТО ОНО СОДЕРЖАЛО, ВЫМЫСЕЛЪ ВЕЛИКАГО ДѢЛА.*

Я, развѣдавъ природную склонность сего народа, покушался было и себѣ, тѣмижъ

способами

способами, нѣкоторое, у *Мартиніанцовъ* промыслить почтеніе, и новою затѣйкою, нѣсколько поправить свое щастіе и тако, разобравъ въ подробность, состояніе сего общества, немало нашелъ въ немъ погрѣшностей. Видѣлъ я что художниковъ, тонкозамысловатыхъ унихъ вездѣ было полно, а въ рукодѣліяхъ, вся земля оная, великой терпѣла недостатокъ; чего ради, представилъ я проэктъ, чтобъ учредить, нѣкоторыя мастерства, которыми бы все общество, могло пользоватся. однакожъ вѣ таковы мои вымыслы, у онаго легкомысленнаго народа, были однимъ посмѣшищемъ. и для того уже я, оборотился ругать, собственную мою глупость сими словами: *Ахъ какъ я глупъ и несмысленъ! подлинно достоинъ я того, чтобъ въ безчестной, лошединой должности, мнѣ довѣку состарѣтся.* однакожъ притомъ, и еще не въ крайнемъ былъ я отчаяніи, разсуждая, что когда не удалось мнѣ, найти щастья полезными вымыслами, то можетъ быть удастся, когда покушусь затѣять, что ниесть глупое и сумозбродное. Съ намѣреніемъ симъ, открылся я одному, остроумному фабіану, которой, въ собственной моей отвагѣ, безмѣрно приободрилъ меня такими рѣчами: Ежели, говоритъ, хочешъ имѣть

„ имѣть здѣсь выигрышъ, отважся за-
„ тѣять такое дѣло, закоторое удругихъ
„ въ тюрмѣ морятъ, и въ ссылку ссылаютъ.
Причемъ, вычислялъ онъ мнѣ и образцы,
сколь много здѣся было такихъ, которые
одними враками, и робьячими игрушками,
въ великую пришли славу, А особливо,
ежели кто выдумалъ, какую ни есть,
новую моду платья, или обуви; и такъ
привелъ меня въ то, что я положился, и самъ
между бѣшеными сумозбродничать. и
сперва, сталъ я разчитать себѣ попалцамъ,
всѣ художества, разбирая прилѣжно, какіе
есть въ Эвропѣ, глупѣйшіе вымыслы, и
наконецъ, учиня изъ нихъ выборъ, опредѣ-
лилъ я представить здѣсь, къ употреб-
ленію головныя убранства, которыя у
насъ, перуками называютъ. Я видѣлъ
въ сторонѣ сей, великое множество
козъ, изъ которыхъ шерсти, перуки нѣ-
которымъ образомъ, дѣлать можно. Въ
дѣлѣ же оныхъ, я не совсѣмъ былъ незнающъ,
потому что мастерство сіе, долговре-
мянно производилъ покойной мой француз-
скаго языка учитель. И тако, промысля
козиной шерсти, здѣлалъ я перукъ по го-
ловѣ моей, и убравтись въ оной, вошелъ
предъ прокурора. Ужаснувшись онъ отъ но-
ваго, и необыкновеннаго сего явленія,
сталъ спрашивать, чтобы то была злади-

ковина; и тотчасъ, схватя съ головы моей перукъ. надѣлъ насебя, и бросился къ зеркалу смотрѣться. новая сія головная покрышка, такую красоту лица, глазамъ его представила, что онъ отъ радости, не утерпѣлъ закричать громкимъ голосомъ *Ахъ! теперь я, немного отъ Боговъ разнюсь!* И тогожъ времяни, призвалъ къ себѣ жену свою, для участія съ нимъ въ его радости, которая неменшежъ тѣмъ веселясь, обняла мужа, и божилась что она ничего увеселительнѣе, и приятнѣе для глазъ своихъ вѣкъ не имѣла. Какову рѣчь и всѣ домашніе ихъ подтверждали. Тогда оборотясь комнѣ прокуроръ сказалъ: „ежели де сей твой вымыселъ „ Какидоранъ! равно какъ намъ, понравится также и сенату, то великихъ тебѣ почестей, въ обществѣ нашемъ ожидать можно. Я противу того нижайшее мое изъявляя благодареніе, зразъ поднесъ его превосходительству прошеніе для представленія онага сенату. Въ томъ прошеніи, знатность моего вымысла уважевалъ я слѣдующими словами:

* *

*

ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНѢЙШІЕ, ВЫСОКОРОДНЫЕ, СІЯТЕЛЬНѢЙШІЕ ПРЕСЛОВУТЫЕ БЛАГОРАЗУМНѢЙШІЕ СЕНАТОРЫ!

Натуральная оная склонность, съ каковою я стремлюсь къ произвожденію общественной пользы, понудила меня, вымыслить и составить, новую сію, и посіе время незнаемую, головную покрышку, которую, присемъ же нижайше подношу, и великоважнаго вашего правительства, разсужденію подвергаю, нипочему несомнѣваясь чтобъ оная, неудостоилась милостиваго, вашего пріятія, особливо по тому обстоятельству, что вымыселъ сей, къ славѣ, и украшенію, асего народа слѣдуетъ и можетъ, цѣлому свѣту засвидѣтельствовать, что славная

Мартиніанская земля, сколько добродѣтелію и ума дарованіями, столько равножъ, и самимъ убором, и нарядомъ платья, которой по тѣлу, почитаніе, и великолѣпіе присвояетъ, всѣхъ людей превосходитъ. Я могу совѣстно утвердить, что изъ сего, нельщусь собственною моею корыстью, и слѣдственно, никакова затрудъ мой, нетребую награжденія. Адоволенъ буду только тѣмъ, когда помѣрѣ силъ моихъ послужу общественной пользѣ, и народной славѣ. Ежелиже, свѣтлѣйшій Сенатъ, заблаго разсудитъ удостоить трудъ мой, какова ни есть награжденія, то я сію милость, пріиму съ благодарнымъ Сердцемъ и радостію, натотъ только конецъ, чтобъ щедрота сего правительства,

всему

всему Свѣту была явна, и чтобъ по тому образцу, и другіе, къ такимъ же, или и большимъ дѣламъ, поощрялись. въ семъ одномъ разсужденіи, я щедротѣ Сената, и народа Мартиніанскаго, свидѣтелемъ быть необрекаюсь. въ прочемъ, милости превосходителнѣйшихъ вашихъ персонъ, себя препоручаю.

СВѢТЛѢЙШАГО СЕНАТА
въ Мартиніи

Нижайшій слуга
7. дня мѣсяца КАКИДО-
Астрала РАНЪ

Прокуроръ ѣдучи въ Сенатъ, вмѣстѣ съ перукомъ, взялъ и оное мое прошеніе. и слышалъ я, что въ тотъ день всѣ судебныя дѣла были отказаны, а только всѣхъ Сенаторовъ разсужденія, состояли въ разбирательствѣ, помянутаго новаго вымысла. Когда они начали объ ономъ

давать свои голосы, одобрили видъ дѣла, похвалили мастерство, заблагоприняли усердїе приносителя, и опредѣлили награжденїе. Три только, изъ между цѣлаго Сената, были члены, которые, противъ показаннаго приговора спорили, Однакожъ затотъ споръ, жестокой выговоръ себѣ получили, и непросвѣщенными, грубыми, и сенаторскаго имени недостойными, порицаемы были

Посостоянїи Сенаторского приговора, празвали меня въ судейскую полату, гдѣ инчалнѣйшїй фабїанъ, поднявшись съ своего мѣста, именемъ всей республики, благодарилъ меня, и обявилъ, что трудъ мой, подостоинству награжденъ будетъ. потомъ спрашивалъ, сколько мнѣ надобно времяни, нъ выготовленїю другаго, тако важъ головнаго украшенїя. На что я отвѣтствовалъ, что мнѣ, вмѣсто всякаго награжденїя, доволна одна, труда моего, иредъ толь знатными особами угодность, и всего сената одобренїе. другой же перукъ, выготовить я обѣщался чрезъ два дни, увѣряя притомъ, что ежелибъ толко, приданы мнѣ были, въ обученїе другїе, върукодѣлїи искусные обезьяны, то могъ бы я въ мѣсяцъ времяни, надѣлать столько перуковъ, сколько оныхъ, для всего

всего города потребно. Однакожъ таковымъ отвѣтомъ, недоволенъ будучи главной Прокуроръ, началъ говорить мнѣ: „ нѣтъ „ какидосанъ! не должно тому быть, „ чтобъ таково украшеніе, всему городу „ было общее. и чтобъ оно, чрезъ сплошное безъ разбору употребленіе, здѣлалось подлымъ, но надлежитъ де, „ чтобъ чрезъ оное, только знатность, „ отъ подлости различалась. насіе разсужденіе, толь важнаго человѣка, всѣ пристали. и тотчасъ отданъ приказъ, городскимъ сотскимъ и десятскимъ, о прилѣжномъ наблюданіи, чтобъ таково сенатское опредѣленіе, ненарушно было исполняемо, и чтобъ сплошнымъ, перуковъ употребленіемъ, шляхетство никакова, въ чести своей, не понесло ущербу, слѣдственноже, и толь знатное убранство, примѣсомъ простаго народа, неунизилось. однакожъ сіе узаконеніе, столькоже, имѣло дѣйствія, сколько имѣютъ всѣ, о щегольствахъ, съ разборомъ разныхъ чиновъ, полагаемые законы, для того, что оно по строгости своего положенія, толь большую, къ преступленію онаго, народу причиняло жадность. и какъ украшеніе сіе, удивительнымъ образомъ, всѣмъ полюбилось то богатѣйшіе, изъ народа жители, либо чрезъ представителство друзьевъ, либо чрезъ

деньги

денги, чины, и шляхетскїе *дипломы*, отъ сената себѣ доставали, такъ что въ скоромъ времяни, половина города, здѣлалась шляхетствомъ. наконецъ, когда и изъ провинцїи, начали отомъже присылать челобитные, принужденъ былъ сенатъ, узаконенїе свое отставить, и ношенїе паруковъ, всякому дозволить, такъ что я пока еще изъ *Мартинїи* невышелъ, съ великою забавою, весь тамошнїй народъ опарученной [:ежели вольно такъ сказати:] видѣлъ. И подлинно, вздумать нельзя увеселительнѣе позорища, какъ смотрѣть было на обезьянъ волосатыхъ. Такъ то вымыселъ сей облюбилъ весь тамошнїй народъ, что они новое отъ него лѣточисленїе учредили, и начался съ того времяни, ВОЛОСАТОЙ ВѢКЪ *въ Мартинїанскихъ* лѣтописцахъ.

Но, возвращаюсь къ описанїю моихъ похожденїй; я, будучи возвеличенъ похвалами, и одѣтъ пурпуровою епанчею, на прокурорскомъ портшезѣ, несенъ былъ домой, такъ что оной носильщикъ, которой вчера былъ мнѣ товарищемъ, севодни уже служилъ для меня вмѣсто лошади, съ тогожъ времяни, допущенъ я сталъ, и къ собственному столу прокурорскому. Когда такову, фортуна для меня проиграла

прелюдію, принялся я продолжать, начат е свое дѣло, и съ помощію, опредѣленныхъ мнѣ работниковъ, въ короткое время, столько выготовилъ перуковъ, сколько для всего сената было надобно, послѣ же, цѣломѣсячнаго моего, въ ономъ дѣлѣ труда, принесенъ мнѣ диплонъ нашляхетство, которой написанъ былъ слѣдующими словами:

За презнатное оное и всему „обществу полезное изобрѣтеніе, „ которымъ весь МАРТИНІАНСКОЙ народъ, здѣлалъ себѣ одолженнымъ какидоранъ, города Евъропы называемаго уроженецъ, „опредѣлили мы, почтить его шляхетскимъ достоинствомъ, такъ „ чтобъ съ сего времяни, какъ онъ „самъ, такъ и потомки его призонаваны были заистинныхъ, и природныхъ шляхтичей, и всѣми „бы привилегіями, правами, и „вольностями МАРТІНІАНСКОМУ „ шляхетству свойственными

„ пользовались. сверьхъ того, уза-
„ коняемъ ономуже изобрѣтателю,
„ иновое имѣть имя, чтобъ онъ
„ вмѣсто Кикидорана, нынѣ
„ назывался Кикидоріаномъ. на-
„ конецъ, понеже новое сіе со-
„ стояніе, необходимо требуетъ,
„ отличнаго вовсемъ убранства,
„ определяемъ ему, для со-
„ храненія новаго своего дос-
„ тоинства, получать ежегодно
„ жалованья, по 200 *латароиъ*.
„ данъ изъ сената въ мартиніи,
„ мѣсяца, меріана 4 дня съ при-
„ тисненіемъ большой сенатской
„ печати.

Такимъ образомъ, перемѣнясь я изъ подлаго носилщика, въ благороднаго человѣка, чрезъ нѣсколько времяни, жилъ въ превышнемъ почтеніи и благополучіи, и *Мартиніанцы*, видя меня, у главнаго прокурора, въ великой силѣ и милости, всѣ искали моего пріятства и дружбы. Ласкательство подлазовъ, до того про-

исходило

исходило, что они мнѣ, множество наподносили похвальныхъ одъ, и *панегириковъ*. приписывая вездѣ, не знаемые мнѣ добродѣтели; нѣкоторые изъ нихъ. хотя и знали, что я невѣдомаго имъ свѣта житель, - однако предковъ моихъ, великою выводили лѣствицею, и родословіе мое, отъ начальныхъ древности вѣковъ, выписывать несомнѣвались. мнѣже, негораздо пріятны были, таковы ихъ поколѣнные росписи, для того что я, непочиталъ славнымъ дѣломъ, отъ обезьянъ имѣть, свое происхожденіе. Сверьхъ того, какъ *Мартиніанцы*, общее имѣютъ обыкновеніе, знатныхъ персонъ хвосты выхваливать, почти тѣмъ же образомъ, какъ наши стихотворцы, величаютъ красоту дѣвицъ; то нѣкоторые *Мартиніанскіе* стихотворцы, подбиваясь въ мою милость, и моего хвоста красоту, хотя онаго совсѣмъ у меня небывало, стихами воспѣвать не оставили. Кратко говорю: ласкательство ихъ комнѣ, дотого было взросло, что нѣкоторой, непослѣдняго чина мужъ, котораго, ради знатности фамиліи, не упоминаю, жену свою, для моего употребленія подводить, и уступать мнѣ непостыдилая. прося только, заоную его щедрость, моего обнемъ у Г: главнаго прокурора, предстательства. Отъ

 скверпаго

скверннаго сего льстительства, въ которое пустилъ себя весь народъ оной, здѣлалось уних ъ, что насилу можно читать *Мартинiанскiе* лѣтописцы, по содержимой въ нихъ матерiи. Ибо оные, ничего больше не содержатъ, какъ одну только, безпутную смѣсь похвалъ, хотя при томъ слогъ рѣчей ихъ и весьма красенъ и изряденъ, и для того земля сiя, лучшихъ производитъ стихотворцовъ, нежели историковъ, и правду сказать, ни гдѣ нѣтъ стихотворцовъ замысловатѣе, предъ *Мартинiанскими*, что знатному ихъ мыслей пространству, приписывать должно

Я въ сей землѣ, изряднымъ долго здоровьемъ пользовался, хотя жаръ, отъ непрестаннаго солнечнаго сiянiя происходящiй, и немало для меня былъ скученъ, Правда, занемогъ было я однажды поносомъ, и припадкомъ горячки, толькожъ горячка оная, намалое время продолжалась. И могу побожится, что докторъ оной которой меня тогда пользовалъ, самой болѣзни былъ мнѣ тягостнѣе, ради своей болтливости которая *Мартинiанскому* народу, предъ всѣми есть собственна. Когда въ оной нуждѣ понадобился мнѣ лѣкарь, съ охотою назвался къ той услугѣ нѣкоторой докторъ, котораго

лишь

лишь я завидѣлъ, отъ смѣху немогъ удержаться, для того, что онъ былъ, тотъ же самой бородобрѣй, отъ котораго, бритья не давно предъ тѣмъ, борода моя скрипѣла. Какъ я унего спросилъ, какимъ образомъ онъ вдругъ, изъ бородобрѣя, здѣлался медицины докторомъ; то отвѣчалъ, что онъ изъ обѣихъ оныхъ должностей, достаетъ хлѣбъ свой: услыша сіе, пришелъ я въ сомнѣніе, надлежитъ ли такому многодѣльцу, повѣрять свое здоровье? И сказалъ ему, что я бы лучше хотѣлъ, имѣть такого доктора, которой только одно въ медицинѣ упражненіе имѣетъ. Но онъ, съ великою клятвою божился мнѣ, что такова доктора, вовсемъ городѣ сыскать невозможно. Итакъ принужденъ я былъ, отдаться въ его руки Прибавила еще мнѣ тогда удивленія, и скоропоспѣшность онаго доктора, которой какъ скоро далъ мнѣ, предписанную отъ него *Микстуру*, съ неописанною торопостію выходилъ отъ меня показывая, что онъ больше, уменя быть неможетъ, для того, что другія дѣла, которыми онъ, въ тожъ самое время обязанъ былъ, его недопускали. Когда я спросилъ его, какія бы то дѣла, толикой его торопости требовали? отвѣчалъ онъ: что пришелъ уже часъ, къ исправленію ему въ нижнемъ

городскомъ приказѣ, обыкновенной его должности; Ибо онъ вмѣстѣ, и докторъ и фершелъ и подьячей былъ. Такое многодѣлїе, примѣтилъ я и вовсей землѣ оной гдѣ никто неотговаривается, вдругъ многїя, и между собою противныя дѣла, насебя захватывать. А отъвагу сїю, причиняетъ имъ непонятная оная, оборотливость ума, которою они безмѣрно скоро, всѣ свои дѣла отправляютъ. однакожъ изъ многихъ ихъ погрѣшностей, иошибокъ вездѣ видимыхъ, примѣтилъ я, что таковы ихъ огненные умы, больше служатъ украшенїю, нежели пользѣ, общества.

Поживши я въ сторонѣ сей, какъ въ носильщичей службѣ, такъ и въ шляхетскомъ достоинствѣ, съ два года времяни, попалъ въ нечаянной одинъ случай, которой здѣлалъ было мнѣ, всеконечную погибель: Въ палатѣ его превосходительства, нажилъ было я, сверхъ обыкновенной, еще удивительную съ другой стороны Милость. Ибо супруга главнаго прокурора особенное имѣла, ко мнѣ благоволенїе, Такъ что я, первымъ изъ *фапоритовъ* еѣ, всѣмъ казался. Часто она, удостоивала меня, уединеннаго съ собою разговора, и всегда, присутствїе мое предъ нею, почитала крайнѣ себѣ милымъ и прїятнымъ.

Однакожъ всегда, разговаривала она сомною съ такою стыдливостію, что все еѣ обходительство, неинако, какъ честнымъ, и постояннымъ почитать было должно, и нипочему вовся, подозрѣнія мнѣ неоказывалось чтобъ оной еѣ комнѣ благосклоности, беззаконная любовь, поджегою состоять могла, а особливо въ такой госпожѣ, которая между обезьянами женска полу, неменше добродѣтелію, какъ и знатностію рода, гораздо была славна. Однакожъ современемъ, изъ равнословности рѣчей еѣ, нѣсколько родилось подозрѣнія которое притомъ умножали во мнѣ.

Блѣдной цвѣтъ лица еѣ. и слезисты взгляды.
Съ тяжкимъ вздохомъ, никакой, неимѣвъ досады.

Наконецъ всѣ сомнительства, рѣшились явнымъ дѣломъ, когда нѣкоторая дѣвица, принесла комнѣ писмо, слѣдующаго содержанія.

ВСЕЛЮ-

ВСЕЛЮБЕЗНѢЙШІЙ КИКИДОРІАНЪ!

Знатность рода, и врожденная полу нашему стыдливость, кроющихся долговремянно, въ сердцѣ моемъ искоръ любви, въ одкровенное пріити разгорѣніе, досего времяни не допускали. Но нынѣ, будучи уже крайнѣ, побѣждена любовію, насильству оной, болѣ никакъ противиться немогу.

Сжался о любовницѣ, отъ тебя плѣненной

И любовь ту объявлять, сильно принужденной. ПТАРНУЗА.

Никакими словами, не можно мнѣ изобразить здѣсь, въ какое меня волнованіе мыслей, привело нечаянное, сіе любви объявленіе! Однако одумавшись, заключилъ я лучше, подвергнуть себя мщенію бѣшеной женщины, нежели мерскимъ, съ инородною тварью смѣшеніемъ, превратить право

натуры

натуры. И такъ написалъ я ей въ отвѣтъ слѣдующее писмо.

МИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Всегдашнее оное благопріятство, которымъ жалуетъ меня, превосходительной главной Прокуроръ; великіе, явленные отъ него мнѣ, безъ всякихъ заслугъ моихъ, милости, крайняя прошенія вашего, по правиламъ нравоученія, невозможность, и безчисленные другіе причины, которые расчитать здѣсь, за излишно почитаю, требуютъ неотмѣнно, чтобъ я лучше подвергъ себя гнѣву и ненависти вашей, нежели бы согласился натакое дѣло, которое меня, всѣхъ двуногихъ животныхъ, беззаконнѣйшимъ, и непотребнѣйшимъ

шимЪ здѢлать можетЪ. Страшусь я отЪ такова предпрїятїя, которое для меня, самой смерти горестнѢе. Должность, нынѢ на меня налагаемую, я почитаю такою, которая безЪ обезчещенїя, преславной фамилїи, исполнена быть неможетЪ. Ибо сїя должность, особливо кЪ вреду, налагающаго еѢ, лица касается. И такЪ совѢстно признаюсь, что я сему вашему, милостивая Государыня желанїю, удовольства здѢлать отнюдь немогу, хотя вовсемЪ прочемЪ, слѢпымЪ послушанїемЪ себя одолжаю

КИКИДОРIАНЪ

при окончанїи писма, приложилЪ я и слѢдующее увѢщанїе.

Сама ты осмотрись, сколь дѢло беззаконно!
которое

Которое тебя, слѣпой любовью льститъ
Бѣги его; храня честь, правость, неуклонно
Такъ набожность твоя, злу похоть отвратитъ

Отвѣтъ сей, запечатавъ я своимъ перстнемъ, чрезъ туже самую дѣвицу, послалъ къ госпожѣ еѣ. Онъ тотчасъ, прещнареченное мною, дѣйствіе свое принялъ, то есть: что чрезъ него заразъ, вся любовь, въ прежестокую ненависть обратилась.

Госпожа моя, съ печали почти онѣмѣла, и ненашла словъ, которыми бы жалость, и досаду свою изобразить могла. И такъ ударившись въ слезы, съ превеликимъ смущеніемъ, въ постель слягла, одно только въ умѣ, имѣя то, какимъ бы образомъ, исполнить на мнѣ свою злобу. Однакожъ чрезъ нѣсколько времяни, отмщеніе свое, она продолжила, пока любовнаго письма, присланнаго ко мнѣ, назадъ неотобрала. А какъ я оное письмо ей отдалъ, то она подобрала нѣкоторыхъ свидѣтелей, которые присягою утвердили, будто бы я въ отлучку изъ дому, главнаго прокурора, хотѣлъ

 было

было чрезъ насилованіе ее обезчестить. басня сія, такою хитростію, и правдоподобностію производилась, что главной прокурорь, о истиннѣ дѣла, нимало несомнѣваясь, велѣлъ меня, посадить въ тюрму. Въ такомъ приключеніи, однимъ мнѣ, оставалось путемъ спасенія, ложной вины признаніе, и милосердія господскаго прощеніе, которымъ я, либо гнѣвъ умягчить, либо казнь послабить себѣ надѣялся. Ибо съ сильнымъ домомъ, вступать въ ссору, а особливо въ такой сторонѣ, гдѣ неважность дѣла, но одна только знатность особы, наблюдается, безумнымъ мнѣ казалось дѣломъ. И тако, оставя всякое оправданіе, сталъ я горько плакать, и всенижайше просить, чтобъ хотя не совсѣмъ, оставлена была казнь моя, но покрайней мѣрѣ, имѣла бы она, нѣкоторое милосердое облегченіе.

Такимъ образомъ, чрезъ признаніе и безъ того невѣдомой мнѣ вины, отъ смертной казни я получилъ увольненіе, но вмѣсто того, осужденъ въ вѣчную каторгу. Диплома мой шляхетской, тотчасъ отъ меня отнятъ, и катскими руками разодранъ а меня, какъ настоящаго каторжнаго, потащили на галеру, для употребленія тамо въ тяжкую работу. Галера оная, бы-

ла общественная, которая уже и совсѣмъ въ готовности стояла, итти въ *мезендоры*, или въ дикіе земли. Путешествіе оное, обыкновенно здѣсь принимается, въ уреченное время года, то есть въ мѣсяцѣ *радирѣ*. Изъ оныхъ земель, привозятся такіе товары, которыхъ *МАРТИНІА*, въ себѣ непроизводитъ. По чему означенные, *МЕЗЕНДОРИЧЕСКІЕ* земли *УМАРТИНІАНЦОВЪ* за нѣкоторые Індіи почитаемы быть могутъ. Компанію *мезендорическаго* торгу, составляетъ какъ шляхетное, такъ и подлое купечество, изъ котораго всякому, раздѣляются по возращеніи судовъ, товары почислу акцій. Галеры, усихъ ходятъ напарусахъ и навеслахъ, и къ каждому веслу опредѣляются подва каторжныхъ. Къ сей то работѣ, и я, въ предписанномъ путешествіи осужденъ былъ; акакимъ духомъ, принужденъ я былъ сносить сію тягость, особливо никакою винностію, незаслужа между злодѣями обращаться въ рабской работѣ подъ палками, всякому разсудить нетрудно. Осемъ случаѣ, разныя, поразности движеніи духа были разсужденія: одни, хотя казни достойнымъ меня и признавали, однако повинную мою, великимъ жестокости вины считали умягченіемъ. Другіе приговаривали, что надлежалобы нѣсколько, памя-

товать мою услугу, и по тому ежели несовсѣмъ простить, то конечно пообле гчить, мнѣ наказанїе должнобы. Самыеже совѣстнѣйшїе обезьяны, и то самое между собою пошептывали, что я и оклеветанъ, въ томъ дѣлѣ безвинно, толькожъ ни кто изъ нихъ, не осмѣлился явно защищать моей правости, сильныхъ клеветниковъ опасаясь. И тако, опредѣлилъ я самъ съ собою, оное мое бѣдствїе сносить терпѣливно, заглавное въ печали моей утѣшенїе, имѣя слѣдующее мореплаванїе, для того, что я, будучи безмѣрно къ новостямъ жаденъ, удивительные, и ужасные въ семъ путешествїи вещи видѣть надѣялся, хотя притомъ и невсему тому, что мнѣ отъ мореходцевъ было росказывано, увѣрялся, да и въ умъ себѣ вмѣстить я немогъ чтобъ столько, и такихъ непонятныхъ могло быть въ натурѣ чудовищъ. Насуднѣ нашемъ, различные были толмачи, которыхъ *МЕРЕНДОРИЧЕСКАЯ* компанїя, въ походѣ семъ употребляла. Ибо ихъ посредствомъ, всѣ какъ въ куплѣ, такъ и въ продажѣ контракты, заключаемы были.

ГЛАВА

ГЛАВА XI.

О мореплаваніи въ дикіе Земли.

Прежде, нежели начну, мореплаванію сему описаніе, напоминаю я строгихъ, и язвительныхъ преслѣдователей, чтобъ они негораздо насмѣхались, моей повѣсти отакихъ дѣлахъ, которыя натурѣ противными, и слѣдственно, всякое вѣроятіе превосходящими, для нихъ покажутся. Ибо нѣтъ моего злѣсь старанія, наполнить книжку сію красивыми враками, но все мое намѣреніе, въ ней то, чтобъ рѣчь мою уважить самою истинною. Я признаюсь и самъ, что обьявляемыя мною вещи, невѣроятны, однакожъ они истинные, и очевидно мною самимъ засвидѣтельствованные. Простаки, и неученые люди, которые за межу своего жилища, никуда невыхаживали, все то баснями почитаютъ къ чему они съ робячества непривыкли. Ноученые, аособливо физическихъ вещей знатели, которые искуствомъ научились, сколь въ разностяхъ, пладовита натура гораздо справедливѣе, объ описываемыхъ мною вещахъ разсужденіе свое имѣть будутъ. Такъ на примѣръ:

когда

Когда Ученой кто услышитъ разговоръ
О жителяхъ земель промежъ Альпїйскихъ горъ
Что съ глоткой тамъ они распухлою родятся
И отъ пухлины той въ здоровьѣ невредятся
Или когда притомъ онъ станетъ повѣсть честь
Что въ свѣтѣ женщины еще такїе есть,
И имянно живутъ на Островѣ Мерои,
Которыхъ титьки, ихъ младенцевъ болше вдвои
То можетъ ли осемъ, дивясь онъ торопѣть?
Или невѣрство вътомъ упрямое имѣть?
Чтобъ славяся въ своихъ дѣлахъ натура чудно
такихъ

Такихъ свойствъ немогла тѣмъ
людямъ дать безтрудно?
Такъ равножъ и естливъ отъ нашей стороны,
Услышалъ кто съ простыхъ,
Пигмейскіе Войны,
Какъ съ журавлями тѣ, вооружась дерутся;
И часто збиты впрахъ, отъптицъ
тѣхъ остаются:
Какъ вдругъ иной журавль, пигмея подхватя,
Съ ружьемъ тащитъ, и бьетъ,
повоздуху летя,
Всякъ право слыша то отъ смѣху бы катался,
Носамовидецъ вътомъ, немногобъ
насмѣхался,
Затѣмъ что въ той войнѣ, пигмейской гражданинъ,
всѣмъ возрастомъ своимъ, небудетъ и въ Аршинъ.

Изъ древле, найдены были въ *Скифіи* такіе люди, которые по одному только глазу, въ срединѣ-лба имѣли, и назывались *Аримаспы*. У другихъ въ той же самой сторонѣ, были ножные плюсны назадъ заворочены. въ *Албиніи* раживались люди, которые въ робячествѣ, какъ старики, сѣдыми становились. *Сарматы*, всегда черезъ день ѣдали, и изъ между трехъ, средній день обыкновенно былъ у нихъ постнымъ. въ *Африкѣ*, славились нѣкоторые семьи людей тѣмъ, что они голосомъ, и языкомъ своимъ, дѣлали обаянство. Въ *ИЛЛИРИКѢ* были люди, которые, ежели бывало на кого долго съ серьца смотрятъ, того зракомъ однимъ убивали, и укоторыхъ каждой глазъ, содержалъ по двѣ зрѣницы. На ИНДІИСКИХЪ горахъ попадались люди, съ собачьими головами, которые и лаяли пособачью, адругіе глаза въ плечахъ имѣли. На дальныхъ ІНДІИСКИХЪ границахъ, найдены были нѣкоторые люди, которые тѣла свои имѣли обростшіе шерстью, и перьемъ по примѣру птицъ, и которые никакой пищи непринимали, но однимъ только духомъ цвѣтовъ, чрезъ ноздры обоняемымъ кормились. Ктобы могъ повѣрить, чтобъ такіе, и подобные вещи насвѣтѣ бывали, ежели бы *Плиніи*, презнатной писатель

неувѣрялъ

неувѣрялъ совѣстно, что онъ объ ихъ, не наслышкою, ничтенїемъ книгъ, носамовиднымъ искусствомъ, удостовѣрился? равнымъ же образомъ, ктобы могъ повѣрить и тому что земля въ срединѣ есть впуклая, и что она во внутренности своей, содержитъ солнце и планеты, ежелибы не чрезъ КЛИМОВО засвидѣтельствованїе открылась сїя тайна? Кому бы пришло въ умъ и подумать чтобъ была земля ходячими и разумными деревьями населенная ежелибы тожъ самое искусство КЛИМА всякаго сомнѣнїя неотрѣшало? Однакожъ я, и заневѣрство сему ничакого битчеломъ нестану, ибо признаюсь, что мнѣ и самому, прежде моего путешествїя, тожъ самое случалось сомнительство, и что мнѣ карабельщики нирасказывали, я все то почиталъ, красивыми баснями, исущими враками.

Въ началѣ мѣсяца *Радира*, поднялись мы въ путь свой, размѣрять пространное море, и перьво чрезъ нѣсколько дней, способной служилъ намъ вѣтръ, чего ради мы безъ гребли праздновали, запарусами, не имѣя нужды въ веслахъ. Но въ четвертой съ походу нашего день, парусы наши дѣйствовать перестали, и такъ мы, принуждены были, работать веслами. Когда

 примѣтилъ

примѣтилъ командоръ нашъ, что работа сія, безмѣрно для меня была тягостна, сталъ меня заставлять, грести съ отъдыхомъ, а потомъ отъ каторжной сей должности, и совсѣмъ освободилъ. Для чегожъ онъ, такову милость мнѣ дѣлалъ, для того ли что признавалъ меня, невинно осужденнымъ или въ разсужденіи, что я ради славнаго, перуковъ изобрѣтенія, лучшаго состоянія былъ достоинъ; о томъ я точно, сказать немогу. Онъ везъ съ собою три перука, которые для росчески и подправки мнѣ и поручилъ, и такъ я вдругъ, изъ каторжнаго гребца, здѣлался перукмахеромъ. Отъ сей командоровой ко мнѣ милости, послѣдовало мнѣ и то, что гдѣ только мы, къ землямъ ниприставали я всегда былъ въ числѣ тѣхъ, которымъ изъ судна выходъ наберегъ былъ дозволенъ. А чрезъ то, былъ мнѣ всегда случай любопытство мое, вездѣ совершенно довольствовать.

Пловучи мы по морю, долго ничего, примѣчанія достойнаго, невидали. Но какъ изъ виду береговъ нашихъ вышли, начали изъ морской глубины, выныряшь къ намъ дикіе лицы. Они были *Сирены*, которые во время тихой погоды, приплывая къ судну, просили у насъ милостыни. Верхніи

унихъ

У нихъ побрюхо составъ, былъ человѣческой, и представлялъ видъ красной дѣвицы Но нижнїе части состояли изъ тѣла великой морской рыбы: языкъ они имѣли, съ *МАРТІНІАНСКИМЪ* сходной, и для того, нѣкоторые матрозы безъ толмача съ ними разговаривать могли. Одна изъ нихъ *Сирена*, когда я по прошенїю eѣ, кусокъ мяса далъ ей, прилѣжно наменя глядя закрычала.

От селѣ прослывешъ, великой ты Герой
И будешъ править всѣ страны твоей рукой.

Однакожъ я сему пророчеству, какъ пустому ласкательству смѣялся, хотя матрозы, и совѣстно мнѣ утверждали, что *сирены*, въ провозвѣстїяхъ своихъ рѣдко ошибаются. По продолженїи, чрезъ восемь дней нашего путешествїя, наконецъ увидѣли мы землю, которую мореходцы ПИКАРДАНІЕЮ называли. Какъ стали мы приставать къ пристани, облѣтывала кругомъ, около насъ сорока, которую наши, обьявляли главнымъ надзирателемъ порта, и называли весьма важнымъ человѣкомъ. Насилу я могъ отъсмѣху тутъ удержаться слыша что сорока, толь важной чинъ имѣетъ, и видя что казны наблюдате-

лемъ здѣсь птица, - И такъ изъ образа портоваго сего начальника разсуждалъ я, что здѣсь сторожами и Цолнерами порта, развѣ мухамъ быть слѣдуетъ

Когда сїя сорока, трижды судно наше вкругъ облетѣла, то возвратясь наберегъ, тотчасъ съ тремя меншими сороками, пришла къ намъ, и вскочила на корму судна. Животъ я себѣ съ хохоту подорвалъ, смотря, что одинъ изъ толмачей нашихъ съ почтенїемъ подошедъ къ симъ сорокамъ, долго съ ними разговаривалъ. Приходу ихъ насудно, причиною былъ пересмотръ товаровъ. Ибо они, по обыкновенїю своему, должны были обыскивать, нѣтъ ли съ нами, какихъ заповѣдныхъ товаровъ, А особливо травы *слакъ* называемой, ради которой они, всегда всѣ уголки, всуднѣ вылаживаютъ, и всѣ кипы и связки разбиваютъ. Ибо привозъ оной травы, отъ правительства ихъ, весма строго запрещается, по той причинѣ, что жители тамошнїе, на неѣ много изрядныхъ, и нужныхъ товаровъ, промѣнивать обычай имѣютъ, отъ чего происходитъ что пикарданскїе травы, которые къ такомужъ употребленїю служить могутъ, цѣну свою теряютъ, такъ что *ПИКАРДАНЦЫ*, въ семъ случай, совсѣмъ

совсѣмъ подобны нашимъ эвропѣйцамъ, которые многихъ вещей, за то одно жадничаютъ, что они изъ дальныхъ земель привозятся, и въ чужестранномъ воздухѣ родятся. Главной надзиратель порта, поговоря долго съ нашими толмачами, пошелъ съ товарищами, подъ палубу нашего судна, и возвратясь оттуду, яростно посмотрѣлъ нанасъ, означая что торгъ намъ съ пикарданцами, запрещенъ будетъ для того, что мы, противъ союзныхъ договоровъ поступили, вывозя книмъ, заповѣдные товары. Однакожъ Командоръ имѣя въ томъ долговремянное искуство какимъ образомъ, должно укрощать гнѣвъ портовыхъ надзирателей, тотчасъ нѣсколько фунтовъ *слаку*, щекочущему инспектору поднесъ въ подарокъ. Послѣ чего заразъ, какъ гнѣвъ его укротился, такъ и дозволеніе намъ, къ выгрузкѣ товаровъ нашихъ послѣдовало.

Послѣ того, прилетѣло къ намъ, великое стадо сорокъ, которые всѣ купцы были. Командоръ, выходя наберегъ, приказалъ и мнѣ, съ другими нѣкоторыми, итти засобою, такъ что четверо всѣхъ насъ было, которые изъ судна вышли, то есть. Командоръ, я, и еще двѣ другіе обезьяны, изъ которыхъ одна была,

советникъ

совѣтникъ Коммерціи, Адругая толмачь: Главной инспекторъ, или надзиратель звалъ насъ къ себѣ наобѣдъ, гдѣ никакова стола небыло, для того что Пикарданцы и стульевъ употреблять немогутъ. Чего ради у нихъ, посрединѣ полу, скатерти постилаются. Знатныя, и великолѣпныя намъ, представляемы были кушанія, но насамомалѣйшихъ блюдцахъ, и какъ поварня у него, состояла въ верхнемъ жилѣ то совсякимъ кушаньемъ, четверка сорокъ будто съ Кровли къ намъ слетывала.

По окончаніи обѣда, тотже начальникъ пошлинной повелъ насъ въ свою библіотеку. Великое въ ней оказывалось книгъ собраніе, только всѣ оные книги, столько были малы, что самые большіе влистъ томы, насилу величиною, съ календарями нашими сверстаться могутъ, я чрезъ великую мочь могъ отъ смѣху удержатся, видя какъ тамошніи библіотекарь, къ верхнимъ шкафовъ ярусамъ, для взятія отъ туду осьмушечныхъ и двенатцати дольныхъ книжекъ подлѣтывалъ. Въ прочемъ *Пикарданскіе*, домы, строеніемъ, и убранствомъ мало что отъ нашихъ домовъ разнятся. Кроватижъ ихъ, подъ самою кровлею какъ бы птичіе гнѣзды повѣшены. Не можетъ здѣсь спросить кто, какимъ образомъ

образомъ тому статься, чтобъ сороки, меншаго, предъ прочими птицами роду, могли столь огромныя производить строенія! однако явно было, изъ одного, въ то время, строеннаго дому, что тому статься возможно; ибо они работу свою, нѣсколькими тысячами работниковъ отправляли, и потому множество, и свойство летанія, нѣкакимъ образомъ, недостатокъ силъ, въ нихъ пополняло. И для сей то причины, почти такоюжъ, домы ихъ, скоростію строятся, съ какою и наши. Жена испекторская, къ намъ невыходила, будучи родами воспрепятствована. Ибо, унихъ роженицы, дотѣхъ поръ невыходятъ, пока дѣти ихъ необростутъ перьемъ. Однако мужъ еѣ объявилъ, что она въ скорости, по прорастанію уже, надѣтяхъ перья, на свѣтъ выходить имѣетъ.

Недолго мы въ сторонѣ сей пробыли, и длятого, я какъ состоянія земли, такъ и природныхъ свойствъ, и нравовъ тамошнихъ жителей, описать въ точность немогу. Въ мое время, великое унихъ было смятеніе, ради войны *УИКАРДАНЦОВЪ*, съ сосѣдями, ихъ *дроздами*, происходившей, а особливо, что натретіи день попріѣздѣ нашемъ, пришла вѣдомость, что пожестокомъ воздушномъ сраженіи,

ПИКАРДАНЦЫ дроздамъ мѣсто уступили чего ради проговорено было ѳелдьмаршалу ихъ, отсѣчь крылье, какова казнь, весьма жестокою у нихъ щитается, и малымъ нѣчимъ, отъ смертной казни разнится. Мы учиня размѣну товарамъ, пустились въ путь свой, и недалеко отъ берега, увидѣли перьемъ укрытое море, изъ чего можно было догадываться, что тутъ то было оное мѣсто, гдѣ война между *Пикарданцами*, и дроздами производилась.

Чрезъ три дни плывши мы, пристали къ берегу МУЗЫКАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ, и заякорясь, вышли наземлю, подъ предводительствомъ нашего толмача, съ музыкальнымъ инструментомъ которой унасъ обыкновенно, *Бассономъ* называется. Понезнанїю моему причины, для чего оной толмачъ обременилъ себя ношею помянутаго иструмента крайнѣ смѣшно было на то смотрѣть, но какъ мы, видѣли вездѣ пустоту, и ни гдѣ ни какова животныхъ слѣда непримѣчали, приказалъ нашъ командоръ, о прибытїи нашемъ, дать знать жителямъ чрезъ трубу, которую услыша, тотчасъ прибѣжало къ намъ, около тритцати музыкальныхъ инструментовъ, или одноногихъ *Басоновъ*. Истиннымъ, мнѣ сїе явленїе

явленїе, показывалось обаянствомъ, для того, что я вовсемъ моемъ путешествїи невидалъ ничего чуднѣе. бассоны оные, которыхъ я узналъ быть, оной земли жителей, составъ свой имѣли слѣдующїи: на верьху, шея была у нихъ длинная, съ малецкою головою, а самое тѣло, тонкое и сухое, сверху нѣжною, нѣкоторою коркою покрытое, такъ что между означенною коркою и тѣломъ, остальное мѣсто, все было пусто. Надъпупомъ брюха ихъ, отъ натуры положена кобылка, съ четырмя струнами, а весь оной составъ, опирался только наодну ногу, такъ что всѣ они, одною ногою перескакивая, великою скоростїю, хожденїе свое исправлять могли. Словомъ сказать: повсему виду, истинными инструментами, почитать ихъ должно, Кромѣ только, одной той отмѣны, что они имѣли плечи и руки, изъ которыхъ одною, держали смычекъ, а другою перебирали струны. Толмачь нашъ позывая въ разговоръ оныхъ жителей, наносимомъ съ собою инструментѣ, началъ изряднымъ искусствомъ играть, И тотчасъ такимъ же образомъ чрезъ голосъ струнъ, получилъ отвѣтъ, такъ что они, взаимнымъ образомъ, долговремянно переигрываясъ, должности чувствъ изображали. Съ начала играли

они, только одно *Ададжо*, весма гармонично, но послѣ тотчасъ, пошла у нихъ *разногласица*, которая для ушей была непріятна Нонаконецъ вся музыка, сошла на сладкогласное и пріятное *престо*. Что услышавъ товарищи мои, весьма обрадовались сказывая, что чрезъ то, оцѣнѣ товаровъ, учиненъ зговоръ, да и тотчасъ объявилось, что перьвое *ададжо*, ничего больше незначило, какъ одну прелюдію, и въ однихъ только, взаимныхъ привѣтствіяхъ состояло, когда же продолжалась *разногласица*, тогда шелъ торгъ оцѣнѣ, но наконецъ, сладкогласное *Престо* означало благополучную въ товарахъ размѣну Ибо погодя немного выгрузили наше судно. Изъ между товаровъ сюда привозимыхъ само-важнѣйшій есть калифонія, которымъ музыкальной земли жители, смычки, рѣчи своей орудія, натираютъ. Почему ежели кто у нихъ, въ какомъ преступленіи явится, обыкновенно отъ суда, казнимъ бываетъ отнятіемъ смычка, которое ежели зделается кому вѣчно, смертною казнію у нихъ считается. Когда я услышалъ что въ близкомъ отъ насъ приказѣ, производилось судное дѣло поѣхалъ нарочно, чтобъ послушать судебнаго музыкальнаго происхожденія: судящіяся стороны, вмѣсто рѣчей, постру-

рунамъ

рунамъ, въ доль побрюху у нихъ протянутымъ, водили смычками, издая чрезъ нихъ свой голосъ. Сколко тамъ нипродолжалось судебное дѣйствіе, ничего больше кромѣ однихъ *разногласицъ*, слышать было невозможно, такъ что въ проворствѣ, и оборотности рукъ ихъ, все у нихъ краснорѣчіе состояло. Но какъ окончались, взаимные ихъ по дѣлу споры, поднявшись судья, и взявъ свой смычекъ заигралъ *ададжо* которое у него означало объявленіе приговора для того, что тотчасъ затѣмъ, прибѣжали исполнители судейскому приговору и у осужденнаго смычекъ его отняли дѣти тамошніе, представляютъ видъ оныхъ инструментовъ, которые мы *Штокпіолами* называемъ. И онымъ по то время, недаются смычки, пока они непріидутъ, въ возрастъ трехъ лѣтъ, а какъ начетвертой годъ переступятъ, то посылаютъ ихъ въ школы, гдѣ бы они отъ учителей, могли быть наставлены, какъ имъ, проводомъ и отъводомъ смычка должно струнъ своихъ, издавать голосъ, то есть по нашему реченію, грамотѣ обучаться; и оные, подъ учительскимъ наказаніемъ, остаются дотѣхъ поръ, пока правильно играть, и безъ скрипѣнія струнъ, смычками взаимно проводить привыкнутъ. Отъ такихъ то ра-

бятокъ, съ игранїемъ занами бѣгающихъ крайнее мы имѣли безпокойство, которое толмачь нашъ, будучи въ музыкальномъ языкѣ искусенъ, толковалъ намъ отъ тѣхъ Симфоничныхъ робятъ, крошенїемъ Калифонїи. Они когда прошенїе свое продолжали, толстой производили голосъ, или *адиджо* когдаже просимое получали, то игра ихъ издавала, скорой и тонкой голосъ или *престо*: Ибо такимъ образомъ унихъ, обыкновенно изображается благодарность.

Отправя мы тутъ, дѣла свои благополучно, и понашему желанїю, около конца мѣсяца *Кузана*, съ музыкальною землею прощались, и пловучи чрезъ нѣсколько дней увидѣли новыя берега изъ которыхъ однаго смраднаго запаху, можно было догадыватся, что тобыла ПИГЛОССIА. Жители земли оной, подобїемъ отъ людей неразнились, только въ томъ несходны были; что они лишены будучи рта, чрезъ заднїи проходъ говорили. Первой къ нашему судну, выходецъ изъ нихъ былъ богатой купецъ. Онъ по обыкновенїю своего народа, заднимъ концемъ насъ поздравя, тотъ часъ оцѣнѣ товаровъ договариватьса началъ: Тутъ какъ нарочно, намою бѣду, занемогъ унасъ бородобрѣй нашъ, чего ради *я*, принужденъ былъ призывать къ себѣ, *пиглоссїйскаго*

барбира

барбира, а понеже тамошніе бородобрѣи, почти говорливѣе нашихъ эвропѣйскихъ, То онъ пока мнѣ брилъ бороду, столько каюту нашу, скверным смрадомъ наполнилъ, что мы повыходѣ его, насилу ладаномъ могли опкуриться. Я въ то время, къ удивителнымъ, и натурѣ противнымъ вещамъ, столько уже былъ привыченъ, что мнѣ ничто, больше дикимъ неказалось. Да и всѣ мы, за непріятнымъ, и досаднымъ по выше показанной причинѣ, съ *пиглоссіицоми* обхожденіемъ, путешествіе наше ускоряя, прежде уреченнаго времяни, съ якарей поднялись. А особливо побывавъ на обѣдѣ, унѣкотораго богатого *Пиглоссійца*. По зву оному, шли мы въ гости всякъ плечми пожимая, И никто инако нехотѣлъ туда итти, кромѣ съ заговоромъ безъперерывнаго, чрезъ весь обѣдъ молчанія. Когда мы отъ пристани отвалили, то *пиглоссійцы*, стоя наберегу, щастливаго намъ путешествія, задними проходами желали. И понеже вѣтръ тогда дулъ изъ берега, то мы всякимъ образомъ и маханіемъ рукъ, въ прекращеніе доброжелателствъ, ихъ унимали Ибо и излишняя учтивость скуку причинить можетъ Товары, привозимые туда *мартиніанцами* состоятъ въ розовой водѣ, въ балсамахъ,

и

и въ другихъ родахъ различныхъ душистыхъ араматовъ.

Путь, нашъ отъсюду, продолжали мы къ ЛЕДЯНОЙ ЗЕМЛѢ, столь негодной, и взгляду ужасной, что мнѣ нигдѣ, никакой стороны бѣднѣе, и сожалѣнія достойнѣе, неоказывалось. Ибо въ ней ничто, кромѣ однихъ горъ, всегдашнимъ снѣгомъ покрытыхъ, глазамъ непредставляется. Жители оной имѣютъ жилища свой промежъ верховъ горъ, куда солнце вовся недосягаетъ, и всѣ они, изо льду составлены Ибо что только, между вершинами горъ оныхъ нинаходится, то все, отъ безмѣрной стужи, и вѣчно нераставаемыхъ морозовъ, окаменѣваетъ. Чего ради, и непрестанная тамо, пребываетъ темнота. Ежели по кажется, какая либо свѣтлость, то оная есть не что болше, какъ одинъ, бѣлѣющійся иней. Но низкіе, подъ горами раздолы, великимъ жаромъ, и чрезъ происходящіе пары несноснымъ жженіемъ солнца стягсщаются. По сей причинѣ, жители тамошніе, кромѣ времяни мрачной, и пасмурной погоды, въ раздолы сходить опасаются, и ежели только, хотя малѣйшій лучь солнца завидятъ, тотчасъ либо назадъ бѣгутъ нагоры, либо въ разсѣлины, чрезъ голову мечутся

чутся. часто случается, что они низходя изъ горъ, напути либо разстаеваютъ либо въ другое какое бѣдствіе приходятъ, и для того, тамошніе преступники законовъ, въ пасмурное время, наплоскіе мѣста выводятся, и будучи привязаны къ сваѣ, для сожженія солнцу оставляются. Земля оная, всякаго рода производитъ минералы, кромѣ золота. И оные минералы безъ всякаго приготовленія, берутъ тамо чужестранные купцы, для того что жители тѣхъ мѣстъ, невъсостояніи будучи сносить теплоты, рудъ переплавливать немогутъ. И такъ держатъ тамо, что коммерція съ *ледяною землею* есть всѣхъ *мезендорическихъ* сторонъ невпримѣръ прибыльнѣе.

Всѣ оные земли, которые предъ симъ мною описаны, состоятъ въ подданствѣ повелителя *мезендорическихъ* сторонъ, собственно симъ именемъ незываемыхъ, и покоторымъ и прочія острова, отъ мореходцовъ обыкновенно имя *мезендорическихъ* острововъ имѣютъ, хотя собственными названіями, взаимно съ собою и раздѣляются, какъ отомъ, въ путешествіи семъ означено. И сія, неменше пространная, какъ и удивительная область, всего сего путешествія была концемъ и

центромъ. По осмидневномъ мореплаванiи прибыли мы въ Iмперской столичной городъ, въ которомъ нашли, самимъ дѣломъ все то, что только. о сообществахъ животныхъ, деревъ, и травъ, ни писали стихотворцы. Ибо МЕЗЕНДОРIА, какъ бы общее есть отечество, и животнымъ, и деревьямъ, и травамъ, разумомъ одареннымъ. Всякое тамъ животное, всякое дерево, право гражданства имѣетъ, толькобъ правительству. инароднымъ законамъ, въ повиновенiи состояло. Кажется. надобно бы думать, что смѣсь толь разнообразныхъ, и разной, и противной природы, животныхъ, должна бы причинять великую, въ сожитiи сумятицу, и несогласiе. Однако въ дѣлѣ, самая противность, преблагополучное, производитъ унихъ дѣйствiе, силою преразумныхъ, оныхъ законовъ и установленiй, которыя, смѣшеннымъ онымъ подданнымъ, помѣрѣ каждаго природы и ума, всякому свойственныя, и приличныя дѣла, идолжности опредѣляютъ. Такъ напримѣръ, изъ народа львовъ, поврожденному имъ великодушiю, выбираются унихъ владѣтельные лицы: Слоны, по остротѣ разсужденiя, производятся въ члены великаго сената, въ придворные чины, опредѣляются хамелеоны, потому что они перемѣнчивы, и повремянной превратности подвержены. Войско

сухопутное

сухопутное, составляютъ учихъ медвѣди, барсы, и другія такіяжъ, драчливыя животныя. Морское же войско, набирается изъ воловъ, ибо какъ мореходцы, бываютъ просты и важны, Априпомъ негораздо вѣжливы, Грубы и упрямы, и жизнь свою ведутъ, простой оной стихіи, подъ которой властію находятся, сообразную, для того и прилично, морская служба реченнымъ животнымъ налагается Они содержатъ такожъ, и училище для телятъ, которые, въ морское войско приготовляются, и оныхъ производятъ, въ главные, и прочіе морскіе начальники. Деревья у нихъ, по природной ихъ умѣренности, обыкновенно поставляются судьями. Гуси, въ вышнихъ судахъ, находятся адвокатами. а сороки, въ нижныхъ приказахъ стряпаютъ. Лисицы, употребляются въ полномочные послы, въ посланники, въ Консулы, въ агенты, и въ секретари посольства, вороны, обыкновенно поставляются, блюстителями наслѣдныхъ имѣніи, или добрѣ, для наслѣдниковъ зберегаемыхъ. Козлы у нихъ философы, особливоже грамматики, въ разсужденіи, съ одной стороны роговъ ихъ, которыми они соперниковъ, и засамомалѣйшую вещъ толкать, и бока имъ разминать обычай имѣютъ. Асъ другой, въ разсу-

жденіи почтенныхъ ихъ бородъ, которые ихъ надъ всѣ твари уваживаютъ. лошеди у нихъ, состоятъ Консулами, и градоначальниками. помѣщики унихъ, или пахатныхъ земель владѣлцы, и пахари, змѣи, кроты, крысы, имыши. Птицы отправляютъ должность гонцовъ, и скороходовъ. Соловьи несутъ должность пѣвчихъ и трубачей, Індѣйскіе пѣтухи содержатъ городсвой караулъ, собаки воротъ стерегутъ, волки казну собираютъ, и таможни смотрятъ, ястребы же въ таможенной службѣ помощниками находятся.

Отъ сего изряднаго разпорядка происходитъ, что всѣ у нихъ, общественные должности, въ наилучшемъ состоятъ отправленіи, и всѣ дѣла, скорое и добропорядочное имѣютъ теченіе. Ипотому оное правителство должно быть образцемъ, которому въ учрежденіи гражданскихъ дѣлъ, всѣ законодавцы послѣдовать обязаны. Ибо что въ другихъ мѣстахъ, столько находится бѣдныхъ, и въ должностяхъ своихъ недостойныхъ людей, то дѣлается нестолко отъ тупости подданныхъ, сколько отъ неправилнаго, и превращеннаго въ чины производства. Когдаже оное порядочно, и размотрително чинено будетъ, Истанутъ разумные, и достойные

людиь

люди, неповсякой сплошь услугѣ, но пособливой ихъ, къ пристойнымъ дѣламъ годности, получать себѣ производство, Тогда общественные должности, изрядно и справляемы, и каждое общество, вѣчно цвѣтущимъ быть имѣютъ Ополезности такова установленія, доказываетъ довольно вышепомянутое владѣніе. Лѣтописцы *Мезендорическіе* свидѣтелствуютъ, что за триста лѣтъ назадъ уничтожень было сталь показанной ихъ законъ отъ владѣтеля *Лилако*, и въ общественные должности, опредѣлялись всякіе безъ разбору граждане, только бы кто изъ нихъ знатное нѣчто здѣлалъ, или бы какою добродѣтелью прославился однакожъ послѣ, безъразборное такое въ должности опредѣленіе, столько, и столь великихъ, надѣлало сумятицъ, что общество близкимъ своего паденія, казалось. Напримѣръ Когда волкъ, оказавъ свою службу, въ исправномъ собраніи казны, добивался за оную себѣ, въ знатнѣйшій чинъ, какъ бы подолжности производства, и посвоему прошенію дѣлался сенаторомъ, дерево же, прославясь способностію судейства, за службу свою, въ казначей производилось, то чрезъ такое безрасудное ихъ производство, вдругъ двѣ исправные особы, дѣлались обществу безъ полезными. Сверхъ того, когда козелъ или

философѣ ихъ, которой ради постоянства въ крѣпкомъ защищенiи своихъ основанiй, отъ школниковъ похвалою донебесъ возносимъ былъ, надувшись оными похвалами, сланваго какова ниесть, искалъ достоинства, и по прошенiю своему, первое придворѣ получалъ мѣсто. Хамелонъ же, за учтивые свои поступки, и зазнанiе, какъ времяни угождать должно, производимъ былъ для награжденiя за службу, въ Академическую профессiю, то отъ сего слѣдовало, что какъ первой, столко негоднымъ бывалъ чиновникомъ придворѣ, сколько изряднымъ философомъ въ школѣ, такъ и послѣднiи. изъ преизряднаго придворнаго, въ преглупаго перемѣнялся философа, ибо оное въ защищенiи мнѣнiи постоянство, которые украшаетъ философа, обезъображаетъ придворнаго, для того, что придворахъ главными добродѣтелями считаются мягкодущiе и навсѣ стороны оборотносшь, и придворной, нестолько держится того, что истинно, сколько того что безъопасно, почему и различные надѣваетъ насебя образы. Нотожъ самое что есть порокомъ придворахъ, за добродѣтель содержится въ школахъ, гдѣ горячесть, къ сильной оборонѣ своего мнѣнiя, исправнаго и проворнаго человѣка есть знакомъ, кратко сказать: оною перемѣною

закона

закона, всѣ вдругъ подданные, въ томъ числѣ и самые тѣ, которые закакія либо ума дарованія, выше другихъ были славны, дѣлались бездѣльными и никчему не годными. А общество чрезъ то отъ часу колебаться стало. чего ради, видя таково, превращенное всѣхъ дѣлъ произхожденіе, преразумной нѣкоторой слонъ, или тамошній сенаторъ именемъ *бакаріи* безпристрастно отаковомъ вредѣ, представилъ владѣтелю, которой о истиннѣ дѣла удостовѣрясь, тотчасъ злу оному, опредѣлилъ пресѣченіе. Оное, съ поправкою прежняго заведенія, происходило такимъ образомъ: невдругъ унего всѣ, отъ должностей отставлялись для того, что чрезъ таковъ поступокъ, лѣкарство бы было хуже болѣзни. Нокогда стали быть порожжія мѣста, всякой оставляя ту должность, которая была ему непосилѣ, переводимъ былъ въ другую, которая больше поспособности его казалась. Засіе къ отечеству оказанное усердіе, котораго изрядное тотчасъ оказалось дѣйствіе, здѣлана была въ честь *бакарію* статуя, которую и понынѣ на *мезендорическомъ*, рынкѣ, видѣть можно. И отъ того времяни, древніе законы, свято унихъ содержаться стали.

Толмачь нашъ, посовѣсти объявилъ намъ, что ему Исторію сію, расказывалъ нѣко-

нѣкоторой гусь, которой великую, съним имѣлъ дружбу, имежду искуснѣйшими, всего города стряпчими почитался. Много въ сторонѣ сей чрезвычайныхъ, или лучше крайнѣ чудныхъ, вездѣ попадается явленій, которыя глаза чужестранцовъ и прохожихъ къ себѣ привлекать могутъ. Одно оное представленіе, различнаго рода животныхъ тоесть: медвѣдей, волковъ. гусей сорокъ, и протчихъ, по городскимъ площадямъ, и улицамъ прохаживающихъ, и разговоры между собою имѣющихъ, какъ удивленіе, такъ притомъ и забаву, необыкновеннымъ въ такихъ позорищахъ людямъ, причиняетъ. Первой изъ оныхъ, приходилъ къ намъ насудно, худощавой волкъ, или тамошней инспекторъ съ послѣдованіемъ занимъ четырехъ ястребовъ, или слугъ, которыхъ наши эвропѣйцы осмотрщиками называютъ. Они все то изъ товаровъ себѣ грабили, что только имъ понраву было, и чрезъ то довольно оказывали, сколь они въ своемъ званіи были искусны; что ничто и на волосъ отъ нихъ утаиться немогло. Командоръ нашъ, по обыкновенной своей ко мнѣ милости, сколько кратъ изъ судна нивыхаживалъ на берегъ, всегда меня биралъ съ собою. Мы вышедъ насухо, первую имѣли встрѣчу пѣтуха индейскаго которой спрося унасъ по обыкновенію, о

причинѣ пріѣзду, и объ отечествѣ нашемъ представилъ о томъ главному таможенному содержателю. Оной благосклонно насъ принялъ, и обѣдать у себя оставилъ. толькожъ жена его, которой красота, знатною между волчицами славилась, при Столѣ несидѣла, а причиною въ томъ, какъ другіе намъ расказывали, было ревнованіе ея мужа, которому за непристойно казалось толикой красоты женщину, показывать наглаза, прихожимъ людямъ, а особливо мореходцамъ, которые долго времянно воздерживаясь, и будучи голодны, когда пристанутъ къ землямъ, обыкновенно надѣвокъ и женщинъ съ горячестію зарятся. Однакожъ другіе, разные женщины, у Стола съ нами кушали, между которыми присутствовала, первая жена нѣкотораго корабельнаго командора, которая была чернопѣгая корова. *Возлѣ* оной сидѣла черная кошка, и та была жена придворнаго ловчаго, которая недавно предъ тѣмъ, изъ уѣзду прибыла въ городъ. Комнѣжъ ближе всѣхъ гостей сидѣла пестрая свинья жена отхожихъ мѣстъ инспектора; ибо которые у нихъ сію должность исправляютъ, обыкновенно выбираются изъ свиннаго народа. Правда; она была гадкая и немывши рукъ ѣла, что въ здѣшнемъ народѣ и часто случается, однакожъ притомъ

 весьма

весьма учтивою, для меня казалась, Ибо она мнѣ изъ всѣхъ блюдъ кушанье подносила. Всѣ удивлялись. необыкновенной той ея благосклонности, а особливо что свиньямъ учтивость по природѣ ихъ несвойственна, да и я бы оной нежелалъ отъ неѣ, для того что мнѣ изъ свиньиныхъ рукъ, кушанье получать негораздо было прïятно. Здѣсь примѣчать должно, что хотя жители, *Мезендорической* области, по образу тѣла своего, совсѣмъ скотамъ подобны однакожъ имѣютъ руки и пальцы, которые на переднихъ лапахъ отличаются, и тѣмъ то однимъ они, съ четвероногими нашими, имѣютъ разность, и какъ у нихъ тѣла, покрыты либо волосами, либо перьями, то они и ни въ какихъ одеждахъ нужды не имѣютъ. А только богатые отъ бѣдныхъ, различаютъ себя, нѣкоторыми украшенïями, напримѣръ, золотыми, или жемчужными ожерельями, либо лентами, которые разно связываемыми бандами около роговъ обвиваютъ. Таковыхъ лентъ связками, убрана была голова, командоровой жены, да толь многими что насилу и рога на ней примѣтить было можно. Она извиняла, за неприсутствïе тамъ, своего мужа объявляя, что онъ, по недавнослучившейся ему тяжбѣ, принужденъ остаться дома, для совѣта съ двумя сороками,

или

или стряпчими, которые, черезъ день имѣютъ занего, итти въ судъ повѣрелными.

По окончанiи стола, пестрая оная свинья, жена отхожихъ мѣстъ инспектора, тайной, съ нашимъ толмачемъ, имѣла разговоръ, въ которомъ обьявляла, что она въ меня влюбилась. Толмачь во утѣшенiе еѣ страсти, обѣщалъ ей, въ любвѣ удовольствiо, и меня къ ней, склонять началъ. Когдаже увидѣлъ, что слова его, никакова вомнѣ, успѣха неполучили, совѣтовалъ мнѣ, отътуду бѣжать, вѣдая, что оная госпожа, для удоволствiя своему желанiю, употреблять станетъ, всѣ способы. И такъ я, съ того времяни, заключился въ судьѣ безъвыходу; аособливо услыша, что прежнiй реченной госпожи любовникъ, нѣкоторой студентъ философiи, будучи поджигаемъ ревнованiемъ, умышлялъ наживотъ мой. Однакожъ и самая, судна нашего защита насилу могла, оборонить меня, отъ многократнаго тоя женщины нахальства; Ибо она, иногда черезъ переносщиковъ, а иногда чрезъ писмы и любовные пѣсни, твердость моего сердца, умягчать покушалась. Могъ бы я, представить здѣсь, поэзiи, оной госпожи, многiе образцы,

ежелибы, чрезъ послѣдовавшее въ морѣ, разбитїе нашего судна, непропали уменя еѣ писмы, наизусть же упомнить, ничего немогу, кромѣ только однихъ тѣхъ стиховъ, которыми она однажды, красоту свою, такимъ образомъ выхваляла:

Ты несчитай меня, тѣмъ гнусной животиной
Что тѣло все мое, такъ обросло щетиной,
Чемъ красно древо то, что голо безъ вѣтей?
Ичемъ пригожъ есть конь, лишенной гривы всей?
Краситъ ведь перье птицъ, пригожи овцы шерстью
Мужчины бородой; одналь я скверна щетью?

размѣна тутъ товарамъ нашимъ, съ такою учинена торопостїю, что мы, въ короткое время, пустились въ море. Однакожъ, какъ еще путешествїе наше, нѣсколько поостановилось, то вътожъ время, присобранїи уже нашемъ, совсѣмъ въ путь,

путь, здѣлалась между нашими матрозами, и нѣкоторыми, мезендорическими жителями, ссора. Причина оной, была такая: нѣкоторой Мартиніанской матрозъ, случаемъ шелъ чрезъ городъ, котораго нѣкоторая, мужескаго полу кокушка, напала бранить, и ругательно назвала *лерилономъ*, которое слово, понашему значитъ *Комедіанта*. Ибо въ оной землѣ, обыкновенно плясунами, и Комедіантами состоятъ, обезьяны. Почему и матроза о наго, кокушка почла за комедіанта. Матрозъ же, нестерпя обиды, ругателю отвѣтствовалъ палкою, и повторя отвѣтъ оной, совсѣмъ збилъ ево съ ногъ. Кокушка закричавъ караулъ, свидѣтелствовалась обступившимъ ихъ народомъ, и оныхъ свидѣтелей, надругой день представила къ допросу, послѣ которыхъ допроса, била она челомъ, въ городскомъ Магистратѣ, и такъ матрозъ, за незнаніемъ *Мезендорическаго* языка и права, принужденъ былъ нанять въ судъ для вспомоществованія дѣла, стряпчаго сороку. когда же въ Магистратѣ, произвелось дѣло, и окончались бывшіе. чрезъ часъ времяни споры, учиненъ приговоръ, такова содержанія, чтобъ кокушка, какъ затѣйщикъ ссоры, и безчестіе, и проторы съ убытками, обиженому заплатила. котораго, однако при-

 говора

говора, стряпчей чрезъ денги, какъ то обыкновенно водится, къ исполненiю недопустилъ. Присудствующiе, приразбиранiи онаго дѣла, были лошади, изъ которыхъ двѣ, назывались Консулами а четырѣ бургомистрами. Присудѣ было столькожъ числомъ и жеребятъ, которые только въ разсужденiи, а не въ опредѣленiи, голосъ имѣли, и къ такимъ дѣламъ допускаемы были неинако, только какъ ученики, знанiю правъ, навыкающiе. Яжъ слышалъ, что и въ другихъ приказахъ, учреждены такiяжъ училища, въ которыхъ, тамо обычай есть, выбирать искуснѣйшихъ учениковъ, на порожжiя мѣста судейскiя.

По благополучномъ отправленiи нашего торгу и понагруженiи, предорогими вещами, судна, приняли мы намѣренiе, возвратиться въ отечество. но когда выступили въ море, обняла насъ, нечаянная тихость воздуха, чего ради иные изъ насъ, саками а иные удицами, стали ловить рыбу. Послѣ тотчасъ, маленкой получа вѣтръ и подня въ парусы, пустились мы въ путь, и пловучи долго, подъ благополучнымъ воздухомъ, children испособнымъ вѣтромъ, вдругъ увидѣли новыхъ *сиренъ*, которые великiе пущая фонтаны, то выплывали, то опять

нырями

ныряли въ море, съ ужаснымъ, и смертоносным воемъ попеременамъ. Великой изъ того страхъ, обнялъ нашихъ матрозовъ; ибо они, чрезъ искусство затвердили, что плачевная, оная сиренъ музыка, обыкновенно предвещаетъ бури, и судовъ мореходныхъ разбіеніе. Чего ради они, тотчасъ большіе парусы опустили, и всякъ за свое дело принимался. Лишь только успели они, такъ расположиться, какъ вдругъ, небо заоблачилось, и море, отъ порывныхъ бурей, кипеть начало, такъ что командоръ нашъ, чрезъ сорокъ почти летъ, обращаясь наморяхъ подземныхъ, обьявлялъ съ клятвою, что онъ ужаснее погоды, векъ свой невидывалъ. Вся поклажа корабельная тогда стала уже унасъ плавать въ воде, которая частію отъ валовъ, а частію отъ сильныхъ дожжей, съ громомъ и молніею падающихъ, наполнила судно, такъ что казалось намъ, будто все стихіи, совокупно на погубленіе насъ, согласились. Намъ въономъ, понеизмеримому морю волнованіи затуманомъ, и мокротною темнотою, дневной светъ былъ незнаемъ, Небо, въ ушахъ нашихъ, чрезъ разрываніе облаковъ, непрестаннымъ, огненнымъ громомъ ревело, и мы, збившись съ прямого нашего пути, слепо, и себя самихъ непомня, по водамъ шатались. Потомъ тотчасъ, поломилась

у насъ

унасЪ, средняя мачта, послѣ которой и другïе, недолгожЪ постояли. Чего ради, увсѣхЪ вЪ глазахЪ одна смерть представлялась. Иной изЪ нашихЪ, вычиталЪ имена, жены и дѣтей, иной приглашалЪ друзей и родственниковЪ, и все наше судно, ничего, какЪ одинЪ только, плачевной вопль издавало. Посей причинѣ, шкиперЪ нашЪ, хотя и самЪ уже состоялЪ вЪ отчаянïи, принужденЪ былЪ воющихЪ, утѣшать словами, и увѣщевать, чтобЪ они голосить и безполезными вздохами, сердце свое крушить перестали. однакожЪ вЪ самой той рѣчи, подхватя его буря, бросила вЪ море, и повертѣвЪ нѣсколько кратЪ поволнамЪ, вЪ глубину утопила Такойже случай смерти здѣлался и другимЪ тремЪ человѣкамЪ, между которыми одинЪ былЪ совѣтникЪ коммерцïи и два матроза. ОдинЪ я только общее оное наше бѣдствïе сносилЪ терпѣливно, для того, что нерадЪ будучи своей жизни, никакова немогЪ я имѣть желанïя возвращаться вЪ *мартинïю*, гдѣ какЪ вольности, такЪ и почтенïя меня лишили. Почему и состоялЪ я вЪ числѣ тѣхЪ, которымЪ, ни нищета, ни тюрма, ни смерть нестрашна. Только жаль мнѣ было нашего командора, за оказыванную мнѣ во всемЪ ономЪ путешествïи отЪ него милость. ВЪ слѣдствïе чего, бывшее

вЪ

въ немъ малодушіе, самыми выборнѣйшими словами, ободрить я силился, однакожъ негодилось тутъ, все мое краснорѣчіе, когда онъ тяжкимъ вздохамъ иженскимъ воямъ, всего себя отдалъ, пока наконецъ, чрезъ ударъ десятаго вала, столкнутъ сталъ въ море. При большемъ, отчасу разсвирѣпѣніи погоды, ничего уже намъ, около судна нашего, дѣлать неоставалось. Мачты наnемъ, всѣ пропали, руль отшибло, небыло нигдѣ ни веревки, ни весла, и плавало оно заволнами, такъ какъ простая, и необдѣлыванная дерева куча, цѣлые три дни мы, отъ такихъ бурей, поволнамъ носились, отъ страха смерти иголоду вовся изнемогши, проскакивала, правда, попеременно ясность неба, толькожъ въ жестокости погоды, никакой отмѣны небыло. Наконецъ оставшимъ матрозамъ, нѣсколько подавала утѣшенія, показавшаяся издали земля, каменистыми стремнинами, и горами укрытая, и какъ тогда вѣтръ, дулъ прямо къ берегамъ оной, то была намъ надежда, что въ скорости тудаприбьемся. ихотя неможно было намъ, обоитись безъ разбитія нашего судна, по негладкости береговъ оныхъ, однакожъ сходно, съ дѣломъ, думать было можно, что ежели не всѣ, то конечно нѣкоторые изъ насъ, посредствомъ, разбитыхъ изъ судна досокъ,

отъ смерти довремяни спастись можемъ но между тѣмъ, какъ мы ласкали себя такою надеждою, судно наше, о крою щійся подъ водами камень, такимъ стремительствомъ ударилось, что оно все, почти настo частей разскочилось. Въ такомъ будучи смущеніи, ухватился я задоску, неразсуждая уже промоихъ товарищей. ибо мнѣ, особственномъ своемъ спасеніи, думать было нужно; и что съ ними, тамъ зделалось; я и понынѣ незнаю. Справедливо можно догадываться, что они всѣ пропали, для того, что неслышно было, чтобъ хотя одинъ изъ нихъ, напомянутую землю вышелъ. Такимъ образомъ я, чрезъ помощъ теченія, и волнованія водъ, великою скоростію, несенъ былъ къ берегу, что мнѣ весьма, было полезно для того, что ежели бы было, нѣсколько долговремяннѣе, мнѣ въономъ состояніи остаться, то безъсомнительно бы, отъ голоду и труда, пропасть было надобно: Занесенъ я будучи, въ нѣкоторое предъгоріе, увидѣлъ мѣлкую воду, и шумъ, волнующагося моря, слабо только, сталъ трогать мои уши. Вся оная сторона была гориста, и потому тамо, горные загибы, частые вершины, переломы, и глубокіе раздолы, неравно разсѣкая воздухъ, и голосы, чрезъ многократное оныхъ, повсюду разливаніе, повторя-

ли

жи. Когда я увидѣлъ, что уже недалеко, сталъ отъ меня берегъ, закричалъ изъ всей мочи, въ чаянїи, что на крикъ оной, прїидутъ ко мнѣ въ помочь, набережные жители. По первому крику, никакова небыло отзыву, но по повторенїи оного, слышенъ сталъ, на берегу шумъ, а потомъ увидѣлъ я, изъ лѣсной гущины выбѣгающихъ, и въ стрѣчу ко мнѣ, на нѣкоторомъ челнокѣ пловущихъ, земли оной обывателей. Челнокъ ихъ, сплетенъ былъ изъ прутьевъ, дикихъ яблоней, и изъ вѣтей дубовыхъ. Изъ чего довольно означалось, что показанной народъ, негораздо вѣжественъ, и просвѣщенъ былъ. Однако съ перваго ихъ вида, безмѣрно я обрадовался; ибо, что до образа тѣла ихъ касалось, то они ничемъ, отъ людей нашихъ неразнились, и прямые были человѣки, которыхъ мнѣ, во всемъ моемъ, подземномъ путешествїи, видѣть неслучилось. Они имѣли сходство, съ людьми нашего свѣта, въ жаркой сторонѣ живущими; ибо бороды, у нихъ были черные, и волоса кудрявые. Рыжїе же, и прямоволосые, между ими считались уродами. Наконецъ, подъѣхавъ они къ обломку, на которомъ я приплылъ, за подаемые имъ мною съ покорностїю руки, приняли меня, и ослабѣвшее мое отъ солоности воды, тѣло, положили на берегу для

стдыху, и тамо я посилившись пищею и питїемъ, хотя простымъ и подлымъ (ибо тогда, чрезъ цѣлые три дни, уменя съ голодомъ ижаждою, силная борба происходила;) чрезъ короткое время, оправился.

ГЛАВА XI

О пристатъѣ, къ берегамъ кпамскимъ

Между тѣмъ, какъ я вынесенъ сталъ наберегъ, великое здѣлалось, отъвсюду людей сходбище. Они многократно меня, въ разговоръ позывали. Но я, неразумѣя ихъ языка, незналъ что отвѣчать имъ. Слова, часто отъ нихъ повторяемыя, ДАНКЪ, ДАНКЪ, съ начала показались мнѣ нѣмецкими. И для того въ отвѣтъ, заговорилъ я къ нимъ, перво понѣмецку, потомъ по Дацку, наконецъ полатинѣ. Однако они, качанїемъ головы показывали, что тѣ языки, имъ незнакомы. Послѣ того, пытался я, изъяснить свои мысли, подъземными языками, то есть: *Назарскимъ*, и *Мартинїанскимъ*, но ипто по пустому. Изъ чего признавалъ я, оной народъ, недружелюбнымъ, и никакова союза въ обхожденїи, съ другими подземными жителями неимѣющимъ, слѣдственножъ за необходимость видѣлъ себѣ, и въ оной

сторонѣ

сторонѣ опять переробячиться, и съ изнова въ школѣ, азбуки учиться.

По долгомъ нашемъ, съ обоихъ сторонъ разговорѣ, котораго однако, ни которая изъ васъ сторона неразумѣла, повели меня, въ сплетенную изъ яблонныхъ прутьевъ, хижину. Въ оной небыло ни какова стула ни какой лавки, и никакова стола. Ибо жители тамошніе, на землѣ сидя всегда ѣдали, и по не имѣнію кроватей, подстилая только одну солому сплошь на землѣ сыпали. Изъ чего еще больше мнѣ причинилось удивленіе для того что сторона ихъ дремучими лѣсами, вся наполнена. Пища ихъ вся, состояла въ молокѣ, сырѣ ячменномъ хлѣбѣ, и въ мясѣ которое они, на угольяхъ прижаривать, имѣли обычай, поваренного дѣла, вовся неразумѣя. Кратко сказать: такъ они жили, какъ, первоначальные, всвѣтѣ люди которые, ни вѣжливости, ни другихъ гражданскихъ обрядовъ, незнали, и которые не разумѣя какъ скотомъ работать, какъ домъ собирать, и какъ собранной содержать, въ однихъ плетневыхъ, жили хлѣвинахъ, и одною питались, дикихъ животныхъ ловлею. Чего ради, долго я тамо, имѣлъ жизнь Циническихъ философовъ, пока столько ихъ языку обучился, что свободно съ тамошними жителями, говорить,

и въ незнанiи ихъ услуживать имъ могъ и подлинно, самыя простыя, каковы я подавалъ имъ мои наставленiя, у нихъ въ мѣсто *Оракулов* почитались. И потому всѣ, изъ ближнихъ деревень обыватели, побуждены будучи, слухомъ моего остроумiя, толпами ко мнѣ, какъ къ знатному наставнику, будто изъ неба къ нимъ присланному, собирались. И сказывано мнѣ что нѣкоторые изъ нихъ новое, отъ прибытiя моего завели лѣтопочисленiе. Сiе все, толь наибольше, для меня было прiятно, что я въ *Назарѣ*, за скоропостижной умъ и безрассудность, а въ *Мартинiи*, за тупость понятiя, всѣмъ былъ въ посмѣшище. Тогда то примѣтилъ я какъ справедлива, оная простонародная пословица, что ВЪ СЛѢПОМЪ ЦАРСТВѢ, И КРИВОЙ КОРОЛЕКЪ; ибо я, попалъ тогда въ такую землю, гдѣ площаднымъ наставленiемъ, и почти самыми бездѣльными дѣлами, прославиться, и въ вышнее достоинство произойти, мнѣ возможно былъ, да и пространной тутъ, вездѣ имѣлъ, я случай, оказывать ума моего силы; понеже, самая оная сторона, нескупо все къ употребленiю человѣческому надлежащее произносила. Ибо земля тамошняя, безъ дальныхъ трудовъ, весьма много вещей, проращаетъ, все ввѣряемое ей, исправно отдаетъ

даетъ и какъ роскоши, такъ и нуждѣ служитъ. Не непонятны, правда, къ наученію, и несовсѣмъ ума лишенны были жители земли оной; но небудучи прежде, ничему обучаемы, въ преглубокой темнотѣ жили. Когда я, расказывалъ имъ родъ мой, отечество, судна нашего наморѣ разбитіе, и прочія бывшія мнѣ, въ путешествіи приключенія; ни кто тому нехотѣлъ вѣрить, но больше почитали они меня жителемъ солнца, и выходцемъ изъ онаго свѣтила. Чего ради, и общественно проложили мнѣ имя, ПИКИЛЬ-СУ, то есть посланникъ солнца. бытіе, правда божеское, они признавали, но доказательствѣ онаго Догмата, ни какого попеченія неимѣли а довольно только для себя почитали, что предки ихъ такъ вѣровали. Въ семъ одномъ Догматѣ, вся ихъ богословія ограничивалась. Въ моральномъ ученіи содержалась у нихъ, одна сія заповѣдь ЧЕГО СЕБѢ НЕХОЧЕШЪ, ТОГО ДРУГИМЪ НЕДѢЛАЙ. ни какимъ, они неподчинены были законамъ, но одна владѣтелева воля весь законъ имъ составляла, и для того низакакія комнѣ касающихся общества преступленія, унихъ казни небыло. Ежелиже кромѣ того, иныя какія дѣлалъ кто беззаконства, онаго, присутствія, вездѣ всѣ бѣгивали. Каково презрѣніе, виноватымъ

стол

столь тяжестно, и несносно бывало, что многїе изъ нихъ, либо отъ печали умирали, либо сами насебя, отъ омерзѣнїя своей жизни, руки накладывали. Лѣточисленїе имъ, вовсе было незнакомо; а только расчитали они годы, отъ солнечнаго затмѣнїя, которое унихъ, отъ междуположенїя, планеты *Назара*, происходило. такъ что, ежели тамо спрашиванъ былъ кто о лѣтахъ, отвѣчалъ тѣмъ, сколько онъ, солнечныхъ затмѣнїи прожилъ. физика ихъ весма была бѣдная, и негодная; они, солнце почитали, листомъ золота, а планету *Назаръ* кружкомъ сыра. когда я спрашивалъ уихъ причины, для чего планета назаръ, возрастала и ущерблялась; то они, въ отвѣтъ мнѣ представляли, свое отомъ незнанїе. богатство и имѣнїе, у нихъ состояло, особливо въ свиньяхъ, которыхъ; распущая по лѣсамъ клеймы и примѣты, нанихъ клали, и каждого изъ нихъ богатство расчиталось почислу свиней. Неблагодарныя, и плода неприносящїя деревья, они обычай имѣли сѣчь кнутьемъ, для того что оное неплодоносїе, изъ древесной ненависти, и злобы происходящимъ, у нихъ безъумно почиталось.

Таково было состоянїе, бѣднаго онаго народа, которой я, и въ обряды человѣческїе, чрезъ художества и ученїе привесть, сперва никакой, неимѣлъ надежды однакожъ послѣ, вспомня слѣдующую рѣчь.

Чтобъ кто немогъ смягчиться,
Какъ склонность лишъ влечетъ,
Кого добру учиться,
Такого въ свѣтѣ нѣтъ.

Все мое попеченїе, употребилъ я къ просвѣщенїю, онаго варварскаго народа, и за тотъ трудъ, почитаемъ унихъ былъ, какъ бы божественнымъ человѣкомъ. И толь высокое они, опремудрости моей, взяли было мнѣнїе, что мнѣ ничего, невозможнымъ невѣрили. И для того:

Овечкили чїи гдѣ хищники покрали?

или кому въ садахъ худой
случался плодъ
съ заразыль у кого стада козины пали
или напашняхъ чьихъ былъ хлѣбу недородъ?

всѣ въ убыткахъ своихъ посередь ночи къ моему шалашу прибѣгали нижайше прося отъ мѣня во всемъ томъ помочи

Я видѣлъ, у порога дверей моихъ лежащаго, одного крестьянина. которой, съ великими слезами, и ломая жестоко руки свои, просилъ у меня милости. Когда спросилъ я его опричинѣ печали, жаловался онъ, на непреодолѣнное, садовыхъ деревъ неплодство, нижайше прося, чтобъ я, властїю моею, велѣлъ имъ, обыкновенные, издавать плоды ихъ. Чрезъ слухъ, извѣстно мнѣ было, что вся оная земля состояла въ подданствѣ Короля, котораго столичной городъ, отстоялъ въ то время отъдеревни нашей, путемъ осми дней только. Я говорю въ то время, для того, что оной городъ, былъ походной, и вмѣсто постоянного жила, состоялъ въ шатрахъ, или кибиткахъ, которые, по тамошнему обыкновенїю, съ королевскою фамилїею, и съ подданными съ мѣста намѣсто перенашивались. Король тогда владѣющїй, былъ человѣкъ престарѣлой, и назывался КАСБА, которое слово по нашему значитъ, повелителя. Сторона оная, подлинно достойна была, называться

зываться королевствомъ, въ разсужденіи земельточныхъ, которые она въ великомъ пространствѣ обнимаетъ. Однако, понесмысленности ея жителей, силъ своихъ употреблять не умѣющихъ маловажною почиталась. И для того, сосѣдовъ своихъ нападеніямъ, и ругательствамъ была подвержена. Частоже и дани, самимъ подлымъ народамъ, по принужденію плачивала.

Слава имени, и дарованіи моихъ, въ короткое время разглашена была повсѣмъ провинціямъ, и съ того времяни ничего тамошніе жители, безъ моего приговора какъ бы отъ *Оракула*, испрашиваемаго дѣлать незатѣвали. иежели когда, предпріятые ими, безъ того дѣла, случались неудачны, то всегда приписывали то моему неблаговоленію, и неугодности. Чего ради были между ими и такіе, которые жертвами, гнѣвъ мой умилостивлять покушались. большею подробностію, пребезумнаго того народа, всѣ шалости, вычислять оставляю довольно почитая, нѣсколько оныхъ, представить для примѣра по которомубы, и опрочихъ разсудить легко было можно. беременная тамо женщина, вѣривала, будто я, искуствомъ своимъ зделать силенъ, чтобъ дитя, въ утробѣ ея носимое. было мужеска полу

Другой спрашивалъ меня, чтобъ я престарѣлымъ родителямъ его, возвратилъ опять, молодые лѣты. третїй: чтобъ я его повоздуху взнесъ къ солнцу, изъ котораго нѣдръ, могъ бы онъ набрать, сколько ему надобно золота, и съ тѣмъ богатствомъ, от туду назадъ возвратиться. Сими, и многими симъ подобными прошенїями, будучи я бѣдственно безъпокоинъ, строгими рѣчами, часто принужденъ былъ, изобличать ихъ безумїе опасая ь чтобъ чрезъмѣрное оное, о могуществѣ и силахъ моихъ, мнѣнїе, наконецъ въ богопочитанїе у нихъ не обратилось. Напослѣдокъ, дошелъ слухъ и до Короля что явился у нихъ нѣкоторой страннаго образа человѣкъ которой объявляетъ себя, посланникомъ солнца, и которой премудрыми, и прочти божествеными ученїями наставляя нѣкоторыхъ *Квамицовъ* (:такъ назывались, жители тамошней стороны, которой именованїе было КВАМА) вышшимъ человѣчества себя, оказывалъ. Чего ради Король тотчасъ нарядилъ, ко мнѣ пословъ, съ порученїемъ имъ указа, которымъ бы они меня, въ королевской городъ пригласили. Пословъ оныхъ, было числомъ тритцать человѣкъ барсовыми кожами покрытыхъ, каковъ уборъ въ тѣхъ земляхъ, за самой знатной почитается, для того, что тамо оныхъ кожъ никому носить недозволяется, кромѣ

мѣ тѣхъ, которые храбростію, прославились въ войнахъ, противъ ТАНАХИТОВЪ, ТАНАХИТЫ же были, барсы разумные, и самые злые Квамцамъ непріятели. Между того времяни, въ деревнѣ оной гдѣ мое жилище было, построилъ я себѣ, каменной домъ о дву жилахъ, пообразцу Эвропейскому. На оной домъ, какъ на ужасную, и силы человѣческіе, превосходящую огромность, послы смотрѣли, и для того, съ благоговѣйнымъ, въ оной почтеніемъ, будто бы въ святилище какое входили, для поднесенія мнѣ, указа, ихъ владѣтеля. Употребляемой образецъ, онаго указа, состоялъ въ слѣдующихъ словахъ: Почеже великой повелитель *Касба*. Всемилостивѣйшій ихъ государь предковъ своихъ имѣлъ, и нынѣ колѣно ведетъ, отъ *шлинха* солнцева сына, которой, первой былъ обладатель *Кпамы* то онъ, ничего пріятнѣе, для себя почитать неможетъ сего моего посолства. а особливо, что оно, къ верховной владѣнія его, простирается ползѣ, и утверждаетъ надежду, что подъ толь славнымъ и небеснымъ наставникомъ тотчасъ все его королевство, получитъ себѣ иной видъ. Итако увѣряетъ онъ себя, что посланникъ, тѣмъ охотнѣе, къ Королевскому двору прибыть не отречется, чемъ большее, и пространѣй-

шее, въ столичномъ городѣ, находится мѣсто, оказать славныя дѣла его. Поокончанiи рѣчи, учиня я, всенижайшее благодарство, поѣхалъ въ столичной городъ съ послами. Послы, изъ онаго города ко мнѣ путь свой продолжали, двѣ недѣли, Но когда назадъ возвращались, и четырехъ дней, имъ было довольно. А то учинено было, моимъ искусствомъ, Ибо, когда я увидѣлъ, что въ оныхъ земляхъ, были великiя стада лошадей, которые, больше тягости, нежели пользы жителямъ приносили, наподобiе дикихъ звѣрей полѣсамъ шатаясь, показалъ, полезное оныхъ употребленiе. и открылъ способъ, какъ ихъ усмирять можно. Вскорости, обучили мы, нѣсколько лошадей, И когда прибыли комнѣ послы, столько уже я въ готовности обученыхъ, имѣлъ оныхъ, сколько всѣмъ намъ, къ путешествiю было надобно. Увидя лошадей, узумѣлись послы и садиться нанихъ, долго сомнѣвались. Но посмотря, что я съ другими, безъ страха и вреда, уздами ихъ правимъ, и чрезъ удилы, куда хотя ихъ поворачиваемъ, попытавшись перво слехка, взяли смѣлость, и наоныхъ посадились. Сiя то была причина, для чего возвращенiе ихъ, втрои скоряе здѣлалось предъ ихъ комнѣ шествiемъ. Подъѣхавъ мы близ-

ко

зко къ оному мѣсту, которое, столичнымъ Королевскимъ городомъ считалось, услышали, что уже въ другую провинцїю перенесенъ оной. и для того, опять пустились мы въ путь, и уже въ иную сторону правиться, принуждены были.

Невозможно почти, изобразить, съ какимъ ужасомъ нанасъ въ вномъ приборѣ ѣдущихъ, *Кпамцы* смотрѣли; нѣкоторые, такъ отъ того перепужались, что изъ столичнаго города, бѣжать было задумали, и самъ владѣтель, вънутри своей кибитки сидѣлъ съ трепетомъ. и дотѣхъ поръ, вытти вонъ неотважился, пока одинъ изъ пословъ его, сошедъ съ лошеди, необьявилъ ему, того таинства. Немного погодя, повели меня славно, и съ многонароднымъ провожанїемъ, во владѣтелскую кибитку. Я тамъ увидѣлъ, наковрѣ сѣдящаго *Касбу*, придверными чиновниками окруженнаго. Какъ я вошелъ въ нутрь кибитки, и всепокорнѣйшими словами, началъ выхвалять владѣтельскую милость, поднялся *Король*, спрашивая у меня, что дѣлаетъ, СОЛНЕЧНОЙ МОНАРХЪ *Кпамской* фамилїи, основатель, и первой праотецъ. Навопросъ сей чтобъ ненарушить, древняго *Кпамскаго* заблужденїя, отвѣчалъ я, что СОЛНЕЧНОЙ

чной Монархъ, послалъ меня за тѣмъ на землю чтобъ я, полезными ученїями, непросвѣщенныхъ *Квамцовъ*, въ ихъ обычаяхъ просвѣтилъ, и открылъ имъ такїе способы, которымибы они, нетолько суровости, порубежныхъ народовъ противиться, но играницы, своего королевства, разширять могли, и что, повелено мнѣ отънего, вѣчно жить въ *Квамѣ*. Такова моя рѣчь, гораздо прїятна была владѣтелю, ионъ тотъ часъ, приказалъ для меня, поставить кибитку, близко своей, и опредѣлить комнѣ, услужниковъ, пятнатцать человѣкъ; притомъ онъ, нивъкакомъ дѣлѣ, господственно себя, передомною не оказывалъ, но всегда дружеско, требовалъ отъ меня, во всемъ послушанїя.

ГЛАВА XII.

О начаткахъ Пятой Монархїи.

Съ того времяни, сталъ я всю возможность свою употреблять въ томъ, чтобъ въ новой привесть видъ оную землю, и юношество ихъ, обучить военному искуству. Чего ради, передъ городомъ, заведенъ былъ уменя лугъ, гдѣ повыбору, молодые люди, приобученїи своемъ верховой-ѣздѣ, иные изъ луковъ стрѣляли, а иные

копьями

копьями дѣйствовать, натверживали руки. Я отъ обученія къ военному, лошедей употребленію, здѣлалъ тамо начало, въ той надеждѣ, что пограничные ихъ сосѣди и одну тамошнюю, конницу увидя, прійдутъ въ страхъ, и усмирятся. И такъ чрезъ неусыпное мое попеченіе здѣлалось, что въ короткое время, шесть тысячь конниковъ, владѣтелю было представлено. Въ тожъ время случилось, что *танахиты*, новое на *кпамцовъ*, нападеніе учинить замышляли, занеплатежъ годовой дани, которой они напрасно, отънихъ домогались. Чего ради я, по прошенію владѣтеля, съ новою конницею, присовокупя къ ней нѣсколько и пѣхотнаго войска, пошелъ вьстрѣчу, противъ непріятеля. Пѣхотное, у меня войско, вооружено было, копьями и кистенями, которыми бы оно, издалека съ *танахитами*, сражаться могло; Ибо прежде того, *кпамцы* бивались на войнахъ, только короткими саблями, или кинжалами, и для того, сходясь всегда, близко съ свирѣпѣйшими непріятелями, которые тѣлесными силами, гораздо ихъ превосходили, никакой удачи неимѣли.

Такимъ образомъ, будучи я опредѣленъ полководцемъ, когда примѣтилъ, что *танахиты*, недалеко отъ границъ нашего

 королевства

королевства, вооруженные стояли, повелЪ противЪ ихЪ, свое войско. Они видомЪ, таковыхЪ нечаянныхЪ силЪ устрашась нѣсколько поостановились. Нашиже поступая вЪ передЪ какЪ скоро, на выпускЪ стрѣлы подошли кЪ нимЪ, копьями и кистенями, нанихЪ напустили; и такимЪ образомЪ сражаясь, великой непрїятелямЪ уронЪ причинили. ОднакожЪ еще не совсѣмЪ, отЪ того непрїятели оробѣли, но сЪ великимЪ нахальствомЪ, на нашу пѣхоту наступали. ТолькожЪ понеже сЪ фланговЪ ихЪ, нападенїе нанихЪ, чинила новая конница, то они смѣшавтись вЪ своемЪ строю, ударились вЪ бѣгЪ, такЪ что оное, конницы нападенїе, всему вЪ тогдашней войнѣ, щастїю нашему, состояло причиною. ВеликЪ тогда уронЪ, понесло непрїятельское войско. ПричемЪ, и *танахитской* фелдмаршалЪ, сЪ двашцатью знатнѣйшими барсами, вЪ полонЪ взятЪ, котораго послѣ, для побѣдоноснаго торжества, привели мы вЪ *кпаму*. Изобразить почти невозможно, какое обрадованїе, знатная сїя побѣда, во всемЪ ономЪ королевствѣ, причинила! Ибо вЪ прежнихЪ войнахЪ, всегда побѣждаемы бывали *кпамцы*, и неинако, какЪ развѣ на договорахЪ. ВЪ крайнюю ихЪ обиду, постановляемыхЪ, мирЪ у непрїятелей, нищетски выпрашивали. Король было тотчасЪ указалЪ поло-

полоняниковъ, по обычаю тамошнему казнить смертью, но я, оной обычай охуждая, усовѣтовалъ ихъ, только содержать подъ карауломъ, разсуждая что *танахиты* съ которыми тогда до времяни ни войны ни мира еще небыло, имѣютъ спокойно сидѣть до тѣхъ поръ, пока увидятъ, что съ ихъ полоняниками здѣлается; а сверхъ того примѣчалъ я, что и мнѣ самому, для исполненія другихъ, задуманныхъ мною предпріятій, перемирье было конечно надобно. Я зналъ чрезъ искусство, что земли тамошніе, весьма были изобильны селитрою, которой и до того еще, мною собрано было великое множество, и для того, принялъ намѣреніе дѣлать изъ нее, стрѣлятельной порохъ. Однакожъ сего намѣренія, никому необьявлялъ, кромѣ одного короля, и то для того, что мнѣ нужно было его повеленіе, къ заведенію оныхъ фабрикъ въ которыхъ бы ружье, пушки, и другіе къ тому надлежащіе снасти, выготовляться могли. И была мнѣ надежда, что таковыми, огненными орудіями, всѣ онаго королевства непріятели, въ короткое время побѣждены будутъ. Когда стараніемъ моимъ, нѣсколько сотъ ружьевъ и пушекъ съ потребнымъ числомъ пуль, и ядеръ здѣлано, обнародилъ я, дѣло моего вымысла съ крайнимъ всѣхъ

ужасомъ, потомъ тотчасъ, набравъ нѣкоторое число войска сталъ оное непрестанно обучать, ружейной стрѣльбѣ, и по представленiи, въ самомъ дѣйствiи пользы онаго моего изобрѣтенiя, когда оруженосное войско къ пальбѣ исправно обучено стало, обьявилъ меня король *Яхалемъ* или всей армiи фелдмаршаломъ, котораго бы повелѣнiю, всѣ дивизiонные, полковые, ипрочiе начальники, повиновались. Между такимъ обстоятельствъ моихъ происхожденiемъ, частые я, съ танахитскимъ фелдьмаршаломъ ТОМОПОЛОКОМЪ, котораго добросердечiе, привело меня съ нимъ, въ откровенную дружбу, имѣлъ разговоры, вывѣдывая, состоянiе, природу и обычай ихъ народа. И небезъ удивленiя примѣчалъ, что онъ былъ остроуменъ вѣжливъ, и довольно ученъ. Онъ вопервыхъ сказывалъ мнѣ, что науки, въ *танахитской* землѣ, съ великимъ тщанiемъ распространяются, притомъ обьявлялъ, что къ восточной, отъ нихъ сторонѣ, народъ живетъ весма военной, для котораго, неусыпные всегда караулы, принуждены содержать танахиты. Правда жители де оные, тѣломъ своимъ малы, и силами онаго, передъ танахитами, гораздо слабѣе, толькожъ знатнымъ одарены рузсужденiемъ, и великую имѣютъ

исправность

исправность въ стрелянѣ. И для того де часто они, танахитовъ, къ прошенію у нихъ мира, принуждали. Я тогдажъ отъ него увѣдомился, что оной народъ, состоялъ изъ кововъ, которые, между всея тверди жителями, остроуміемъ, политикою, и силою разсужденія, славными почитались. Сіе только, слышать мнѣ было, небезъ великой противности, что мудрость, науки, и учтивость нравовъ, во всѣхъ, подземнаго оного свѣта, тваряхъ находятся, А одни, изъ между всѣхъ люди, тоесть, Квамцы, живутъ въ варварствѣ, и невѣжествѣ, однакожъ, имѣлъ я надежду, что скоро таково безчестіе, отъ нихъ искоренится, и что Квамцы, оное обладательство, которое человѣку, надъ прочими животными, натура опредѣлила, конечно получатъ себѣ.

Послѣ послѣдней побѣды, Танахиты долго жили спокойно. Но когда, чрезъ шпіоновъ вывѣдали природу и состояніе новой нашей Конницы, то есть, что центавры оные, которые предъ тѣмъ ихъ, въ великой страхъ привели, состоятъ не въ чемъ другомъ, какъ въ однихъ уласканныхъ, иобученныхъ лошадяхъ, опять приободрились, и новое войску, учинили собраніе, которымъ уже командо-

валъ противъ квамцовъ самъ король Танахитской. Вся армія ихъ состояла изъ двадцати тысячей барсовъ, всѣхъ старыхъ, выключая только два полка, которые вновь были набраны. И тѣ, подлинно, новонабранные ихъ салдаты, больше несли насебѣ воинское имя, нежели приносили, въ войнѣ помощи. Всѣ танахиты, надуваясь надеждою побѣды, крайнѣ непріязненные знаки, противъ квамскаго королества, оказызать начали. Для встрѣчи онымъ отправлено было отъ насъ, пѣхотнаго войска двенатцать тысячь между которыми было, шесть сотъ мушкатеровъ, да конницы четырѣ тысячи. Я, оудаче войны Нашей нимало несомнѣваясь, просилъ стараго Нашего Короля, чтобъ онъ самъ, державъ команду надъ Арміею, чрезъ чтобъ должная, слава побѣды, могла быть ему самому приписана. Таковымъ, смиренности моей притворствомъ, никакова я, почтенію моему, нездѣлалъ ущербу, для того, что вся Армія, наменя, какъ на прямого своего предводителя, смотрѣла. Мнѣ тотчасъ заблаго разсудилось, припервомъ сраженіи, мушкатеровъ скрыть, вѣчаяніи, что можетъ быть, и безъ нихъ побѣду, получить можно будетъ Однакожъ таково предпріятіе, немало мнѣ было убыточно

ибо

Ибо тангхиты, съ такимъ свирѣпствомъ на нашу пѣхоту наступали, что она нимало неустоявъ, бѣжать принуждена была. Также и конница наша, будучи крѣпко, отъ нихъ атакована, долго равномѣрному, наобѣ стороны сраженію, быть допускала, такъ что войны тамо, жесточае никогда небывало. почему и совсѣхъ сторонъ.

Сомнительна была Войны удача сей
И что побѣда тутъ сославой размышляла?
Котора больше съ нихъ куда летѣть склоняла?
Немогъ въ ту мыслью цѣль, никто попасть своей

И тутъ уже я вывелъ въ передъ, нашихъ мушкатеровъ. Отъ перваго изъ ружьевъ выстрѣлу ужаснувшись танахиты остановились, ибо откуду оныя блистанія, и громы происходили, они понять немогли. толькожъ видя, смертоносное ихъ дѣйствіе, безмѣрнымъ поражены были страхомъ. Первымъ таковымъ привѣтст-

привѣтствіемъ, положено мертвыхъ, двѣсти барсовъ, между которыми были, и два попа полковые, въ самомъ ихъ, увѣщаніи войска къ храбрости, мушкетными пулями простреленные. Сіе ихъ приключеніе, крайнѣ было всѣмъ печально, для того что они у нихъ, между наилучшими и краснорѣчивѣйшими, проповѣдниками почитались. Я, увидя таковъ въ непріятеляхъ страхъ, еще приказалъ повторить стрѣльбу, которая и того большіи упадокъ въ непріятельскомъ войскѣ причинила. Ибо тогда весьма много, въ томъ числѣ и самого короля ихъ, убито. Чего ради неимѣя уже никакой надежды спасенія, ударились въ бѣгъ непріятели, за которыми, гналась наша конница, и столько въ побѣгѣ ихъ перебила, что отъ множества труповъ вездѣ пополю лежащихъ, и проѣхать далѣ было невозможно. По окончаніи войны когда наши, начали считать неприятельскія тѣла, нашли онъ ихъ числомъ до 13000 которые какъ намѣстѣ, такъ и въ побѣгѣ ихъ побиты. Такимъ образомъ, разбивъ, и прогнавъ непріятелей, вошло наше, побѣдоносное войско въ Танахитскую землю, и продолжая, чрезъ нѣсколько дней маршъ, осадило столичной ихъ городъ. Тогда, толикимъ трепетомъ, обняты были Танахитскія

скія сердца, что хотя городъ оной, преизрядно уนихъ стѣнами, и другими защитами укрѣпленъ былъ, и великое имѣлъ довольство сьѣстныхъ припасовъ, Однако правительство ихъ, тотчасъ съ нижайшимъ пакореніемъ, насъ встрѣтило, и приздачѣ города, ключи оного, намъ какъ побѣдителямъ, поручило. Городъ оной, какъ обширностію улицъ, такъ и красотою строеніи, весма былъ внятенъ. Почему, нельзя было мнѣ, обойтись безъ удивленія, что квамцы, окружены будучи, отовсюду сосѣдствомъ, толь просвѣщенныхъ народовъ, въ крайнѣй темнотѣ, такъ долговремянно пребывали. Толькожъ я, сей ихъ случай, почитаю равнымъ, съ случаемъ тѣхъ народовъ, которые, нерадя очужестранныхъ дѣлахъ, одни свои домашнія, за велико почитаютъ, и для того, содружества другихъ удалясь. всегда въ томъже, болотѣ валяются, что образцами, и нѣкоторыхъ Эвропѣйскихъ народовъ, легко доказать можно. ТАНАХИТЫ, отъ славной оной, нашей надъними побѣды, завели тогда, новое усебя, лѣточисленіе. И какъ оная. нещастливая для нихъ воина, по ихъ численію, происходила въ третіи день мѣсяца *торуля*, то они день той, въ печальные дни записали. Въ тоже время года, то есть въ мѣсицѣ *торулѣ*, весма

была отдалена, отъ сихъ сторонъ, и планета *назаръ*, которой, около подземнаго солнца теченіе, распредѣляетъ тамо времена, и различаетъ годовые части. А хотя, и вся тамошняя твердь, около солнца обращается жъ, но понеже планета Назаръ, скорѣйшее предънею, движеніе свое имѣетъ, то она, иногда прибывающею, а иногда убывающею кажется, потому, какъ она, къ одному, или другому полукружію, ближе бываетъ. Изъ растѣнія и ущербу оной планеты, и изъ затмѣніи солнца, происходятъ тамо, всѣ Астрономическія наблюденія. Я, однажды набездѣльѣ, разсматривалъ ТАНАХИТСКІЕ календари, и нашелъ оные, весьма исправно, и съ преизряднымъ разсужденіемъ, сочиненные.

По завоеваніи столичнаго города, послѣдовательно здалось, и все Танахитское королевство, такъ что презрѣніе оное которое до того времяни, претерпѣвали Квамцы, въ славу ихъ обратилось, и Квамская область, чрезъ присовокупленіе къ ней, оного побѣжденнаго, народа, въ двой силнѣе зделалась Чего ради, когда сіе благополучіе, всѣ моему остроумію, и искуству приписывали, почтеніе каково они изъпрежде комнѣ затвердили, почти въ идолопоклонство обратилось. Приведши

ши ТАНАХИТСКОЙ народъ въ подданство, и учредивъ вездѣ погородамъ, для содержанія онаго въ его должности караулы, старался я предъпріятое мое намѣреніе произвесть въ дѣло, и варварство, еще въ КВАМЦАХЪ гнѣздящееся, искоренить всеконечно. Однакожъ, ученія свободныхъ художествъ, въ другъ ввесть въ нихъ, было трудно; ибо, что я изучилъ въ Эвропѣ, тоесть Латинской языкъ, и нѣсколько центоновъ языка греческаго, оное все тамо вовся негодилось. Идля того, принужденъ я былъ, изъ непріятелской земли, вызвать двенадцать, самыхъ ученнѣшихъ баровъ. Они будучи отъ меня, произведены первыми професорами, одолжены были завесть университетъ, попримѣру школъ земли ихъ. Сверхъ того, приказалъ я перенесть въ КВАМУ, ИТАНАХИТСКУЮ королевскую библиотеку. Однакожъ притомъ, намѣреніе уменя, было такое, что какъ только КВАМЦЫ, получатъ въ ученіяхъ успѣхъ, такъ тотчасъ, учредя собственныхъ своихъ учителей, оныхъ пришлецовъ, назадъ выслать.

Притомъ я и самъ, жаденъ былъ пересмотрѣть, Королевскую танахитскую библіотеку, для того, что меня, плѣнной фелдмаршалъ ТОМОПОЛОКЪ увѣдо-

милъ, о содержанїи въ ней, въ числѣ рукописныхъ книгъ, одной книжки, сочиненной отъ такого человѣка, которой, въ нашемъ свѣтѣ обращался, и описалъ разные, онаго стороны, а особливо Эвропу. А оную де книжку, получили танакиты, когда въ отдаленной, нѣкакой сторонѣ, войну имѣли. Однакожъ де въ ней, утаено имя писателя, и посїе время, невозможно знать, чїего она изданїя, или кто занесенъ былъ, въ мѣста сверхъ земныя; разбирая книги, истиннымъ я нашелъ оное обьявленїе, которое мнѣ учинено, отъ ТОМОНОЛОКА, и для того, чистосердно открылся я ему, о моемъ родѣ и объ отечествѣ, увѣряя его, что съ начала моего прибытїя, тожъ самое мною обьявляемо было и квамцамъ, только они, какъ преглупой народъ, обьявленїю моему, вовся повѣрить нехотѣли, и больше стали, почитать меня посланникомъ солнца, въ какомъ заблужденїи, и понынѣ упрямо остаются. Сверхъ того, говорилъ я, понеже мнѣ занепристойно оказывается, толь пустое именованїе содержать долговремяннѣе, то я наконецъ опредѣлилъ съ собою, вѣмъ обьявить моего рожденїя тре..., разсуждая что чрезъ такое чистосердечное признанїе, никакова въ почтенїи моемъ, непонесу изьяну, аособливо

собливо имѣя надежду, что изъ чтенія помянутой книжки, всѣмъ будетъ извѣстно, количе, надъ другими людми, въ добродѣтели и остроуміи, содержатъ превосходство, Эвропѣйцы? Толькожъ, сіе мое намѣреніе, непонравилось оному преостроумѣйшему мужу, и онъ отомъ мысль свою, открылъ слѣдующими словами:

Надлежитъ де тебѣ, свѣтлѣйшіи Герой! первѣе разсмотрѣть оную книжку, Которой чтеніе, можетъ быть и само отъведетъ тебя, отъ твоего предпріятія, Ибо, или сочинитель ея былъ человѣкъ лживой или глупы, ибѣшены обычаями своими, состоятъ сверхъземные, и законамъ и установленіямъ послѣдуютъ больше смѣха, нежели почитанія достойнымъ. По прочтеніи же оной; поступай какъ изволишъ. Одно только тебѣ напоминаю, чтобъ ты без-

разсудно неотметалъ такова и менованія, которое, великое къ тебѣ почтеніе, въ сердца Квамцовъ вкоренило; Ибо къ содержанію, въ повиновеніи людей, ни чего нѣтъ дѣйствителнѣе, надъ то мнѣніе, которое о породѣ, и знатности фамиліи, народъ содержитъ.

Всякъ съ черни хочетъ быть тому порабощенъ.
кто родомъ славенъ есть и знатностью именъ.

Я последуя сему совѣту, положилъ на томъ, чтобъ попереводу томополока, прочесть оную книжку. названіе оной было. ПУТЕШЕСТВІЕ ТАНІАНОВО: (:каково имя почитается подложное:) ПОВЕРХУ ЗЕМЛИ, или ОПИСАНІЕ СТОРОНЪ, И ЗЕМЕЛЬ, А ОСОБЛИВО ЭВРОПЕЙСКИХЪ, и прочая. По причинѣ той, что означенная книжка, отъ долговремяннаго лежанія загнилася, и пообстоятельствамъ времянъ болшею частію была изорвана, неможно было

было мнѣ, въ ней добраться того, что я изъ нее, больше всего желалъ видѣть, тоесть: какимъ путемъ къ намъ всходилъ и какимъ образомъ обратно подъземлю попалъ, писатель оной?

Чтоже въ ней оставшимъ найти было можно, оное состояло въ слѣдующемъ:

ОТРИВКИ, ТАНІАНОВА ПУТЕШЕСТВІЯ ПОВЕРХЪ ЗЕМЛИ, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ ТАНАХИТСКИМЪ ѲЕЛДЬМАРШАЛОМЪ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНѢЙШИМЪ ХРАБРЫМЪ И БЛАГОРОДНЫМЪ ГОСПОДИНОМЪ ТОМОПОЛОКОМЪ.

* * * Сторона сія, (:то есть Германія:) Называется Імперія Римская, но одно только ее таково названіе, для того, что Римская Монархія, уже за нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, совсѣмъ искоренилась. Языкъ, Германцами употребляемой, съ трудомъ разумѣть можно, ради запутаннаго порядка въ ихъ штилѣ.

лѣ. Ибо что въ другихъ языкахъ полагается прежде, то уними послѣ, такъ что непрочетши, цѣлой страницы, нельзя изъ нея разумѣть ничего. Видъ правленія тамо весма удивителенъ: почитаютъ себя Германцы подъ Королемъ, а Короля никакова неимѣютъ. Сказывается Германія, быть одною Імперіею, а состоитъ разорвана на разныя удѣльныя княжества, которые всѣ, собственное свое имѣютъ право, такъ что одно другому, часто законную войну обьявляетъ. Королевствомъ называется всегда приращающимъ, хотя иногда, и весьма знатно его убываетъ, священное безъ всякой святости, непобѣдимое, хотя сосѣди и часто его пощипываютъ. Неменшежъ удивительны у нихъ и народные правы и привилегіи, ибо многіе

многіе у нихъ, такіе имѣютъ которые употреблять имъ запрещаетеся. безчисленные, въ изданіи находятся, противу состоянія германской Імперіи писанія, толькожъ въ толь запутанномъ дѣлѣ, по нынѣ писатели никакова чрезъ то успѣха не имѣютъ ибо. * * * * *

* * Сего королевства то есть франціи: столичной городъ которой весьма великъ, и называется Парижъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ, назваться главою всея Эвропы, для того, что онъ извѣстное поразнымъ обстоятельствамъ, надъ прочими народами, имѣетъ обладательство, напримѣръ, преднаписываетъ имъ правила какъ жить, и учреждаетъ образы, какое платье носить дол-

жно; такЪ что никакая одежда толь посмѣятельна, и невыгодна быть неможетЪ, которой вы, ежели только, угодно будетЪ парижскимЪ жителямЪ, не обязаны были носить, всѣ прочїе народы. КакимЪ же образомЪ, или когда, такое право обладательства, парижцы себѣ получили; неизвѣстно. однакошЪ я слышалЪ, что оная ихЪ власть додругихЪ дѣлЪ, непростирается, ибо другїе народы, сЪ французами часто и войны имѣютЪ, и нажестокихЪ договорахЪ, мириться сЪ собою, ихЪ принуждаютЪ; одно только рабство кЪ нимЪ всѣхЪ, по платью и по образцамЪ житья вѣчное есть, такЪ что каковЪ бы вЪ томЪ вымыселЪ нипоявился вЪ парижѣ, кЪ почитанїю онаго, вся Эвропа,

какЪ

какъ бы присягою обязывается. Скоростію понятія, жадностію къ новостямъ, и плодовитостію ума, парижцы, великое имѣютъ сходство, съ *мартинганцами*

* * * Побывавъ въ БОНОНІИ, поѣхали мы въ Римъ. Городомъ симъ, владѣетъ попъ, котораго хотя область и невелика, однако онъ, всѣхъ Европѣйскихъ королей, и владѣтелей, силнѣе почитается. Для того что другіе властители, господствуютъ только надъ тѣлами, и имѣніями своихъ подданныхъ, а онъ и души человѣческіе погублять, могущимъ себя обьявляетъ. Онъ доказываетъ себя главою всѣхъ людей христіанами именуемыхъ хотя большая часть оныхъ и безъ сей главы, совершенство сво-

его состава имѣя, считаютъ еѣ занепотребную, и небольше какъ развѣ къ составленїю чудовищнаго или уродливаго тѣла служащую. Но онъ на таковыхъ своихъ противниковъ, нѣкакимъ у подземныхъ не извѣстнымъ оружїемъ, Анаѳемою тамо называемымъ свирѣпѣетъ, и чрезъ своихъ стократною ему присягою обязанныхъ единодушниковъ, езуитами у него словущихъ, всему свѣту внушаетъ, будто онъ такую власть, одинъ имѣетъ надъ небомъ, что покаряющихся его волѣ, въ оное впускать, а непокоривыхъ и противящихся ему, отъ онаго со всѣмъ отъчуждать можетъ. безобразное истинно, и уму непонятное властительство! которое, чтобъ могло пристрастїямъ какого человѣка быть свойственно

ственно, ни одинЪ изЪ нашихЪ подземныхЪ, мнѣнія о семЪ неподпишетЪ. ОнЪ же славитЪ себя. и наслѣднымЪ отчичемЪ и обладателемЪ знатной части Італіи, по нѣкакой будто бы отЪ одного древняго греческаго Імператора Константина великаго, потомственно вЪ преемство данной ему грамотѣ, которую видѣть я сЪ великою жадностію во всемЪ римѣ добивался, однако пропалЪ мой трудЪ! ибо какой та грамота имѣетЪ видЪ, и какимЪ языкомЪ или образцемЪ написана? и по нынѣ невѣдаю. но вЪ Эвропѣ, немалая часть людей находится которыхЪ онЪ и такими баснями, о предписанной власти и святости своей увѣрять, и подЪ иго своего властительства, подвергать легко можетЪ; хотя вЪ про-

чемЪ они, однихЪ себя мудрыми бышь мечшаюшЪ, и оными мечшами надуваясь, всѢхЪ прочихЪ людей, кошорыхЪ обычаи, кажушся имЪ варварскими, гордымЪ, окомЪ презираюшЪ. Я нехочу здѣсь вЪпредпочшенїе защищашь обыкновенїя и усшавы подземныхЪ нашихЪ жишелей, а шолько предсшавлю нѣкошорые обычаи и поведенїя Эвропѣйскїя для шого, чшобЪ изЪоныхЪ было явно, сколь напрасно они порочашЪ, предЪсвоими другихЪ народовЪ усшановленїя.

ВЪ общее. вездѢ вЪ ЭвропѢ приняшо упошребленїе, волосы и плашье свое нашрушивашь хлѢбомЪ на муку перемолошымЪ, кошорой шолько для пищи людямЪ нашура производишЪ. Мука оная, обыкновенно называешся у нихЪ

пуд-

пудромъ, которой всякой вечеръ съ великимъ трудомъ и тщаніемъ щетками вычищаютъ, чтобъ послѣ опять тѣ мѣста, новою усыпать мукою. Другой обычай у нихъ которой неменшежъ смѣшнымъ мнѣ показался, былъ слѣдующій: употребляли они покрышки или шляпы, для защищенія оными головъ своихъ отъ жестокости стужи; однакожъ притомъ обыкновенно оные, и въ самое зимнѣе время нашивали подъ мышкою, что мнѣ равнаго посмѣянія достойнымъ разсуждалось, какъ ежели бъ кто, кафтанъ либо штаны, носилъ погороду въ рукахъ, а тѣло бы свое, для котораго оное одѣяніе дѣлается, нагое выставлялъ настужу.

Священные у Эвропейцовъ догматы весма изрядны; и съ истиннымъ

нымЪ разумомЪ согласны. Книги; вЪ которыхЪ вѣра, и заповѣди о жизни содержатся, повелѣваютЪ; чтобЪ всякЪ вѣрующій, дневнымЪ и нощнымЪ чтеніемЪ, оныe испытовалЪ, и истинное ихЪ, сыскивалЪ разумѣніе; сверхЪ того научаютЪ они терпѣнію, и снисходительству кЪ погрѣшающимЪ и немощнымЪ людямЪ. Однако вЪ нѣкоторыхЪ мѣстахЪ, а особливо вЪ Італіи, ежели кто, что либо кЪ вѣрѣ надлежащее; разумѣетЪ не такЪ, какЪ вышеописанной священной владѣтель Італіи узаконилЪ, то онаго, затакую разсужденія его слабость, наказываютЪ тюрмою, кнутьемЪ, а иногда и вЪ срубѣ сожигаютЪ. И сіе; помоему мнѣнію, есть тоже самое, какЪ косого; или подЪслѣповатого бить палочьемЪ

чьемъ зато одно, что ему тѣ вещи, кажутся круглыми, которые я вижу четыреугольными.

Во многихъ городахъ идеревняхъ, можно у нихъ видѣть такихъ людей, которые стоя навысокихъ мѣстахъ; тѣ самые грѣхи; въ другихъ жестоко обличаютъ, въ которыхъ они сами ежеденно упражняются. Что; я почиталъ равно затожъ; какъ ежели бы я видѣлъ пьяницу; ругающаго пьянство.

Кто тамо уродится горбатъ косоногъ; или храмъ, добивается себѣ имени изрядно рожденнаго или благороднаго; и кто въ низкомъ мѣстѣ родился; ищетъ называться; въ высокомъ мѣстѣ рожденнымъ или Высокороднымъ

чшо не менше; казалось мнѣ прошиву разума; какъ ежели бы Карла Великанонъ или сшарикъ молодцемъ именовашься шребовалъ.

Въ знашнѣйшихъ городахъ ихъ, вездѣ въвелся обычай, созывашь госшей; для пишья черной ухи изъ жженыхъ бобовъ пригошовляемой. Уха оная обыкновенно у нихъ называешся КОФЕМЪ. Кшо пишь уху оную приглашаешся, шошъ заключась въящикъ, на чешырехъ колесахъ поставленной шащишся въ уреченное мѣсшо, двумя пресильными звѣрями; ибо у Эѵропѣйцовъ, пѣшкомъ ходишь безчесшно почишаешся.

Въ первой день года, схватываешъ Эѵропѣйцовъ, нѣкошорая

рая болѣзнь которой наши Подземные, вовся незнаютъ. Припадки оной, состоятъ въ удивительныхъ смущеніяхъ, и волнованіяхъ ихъ духа. Ибо въ тотъ день, ни одинъ человѣкъ, долго на одномъ мѣстѣ, усидѣть неможетъ. Всѣ какъ бѣшеные изъ двора въ дворъ бѣгаютъ а для чего, и сами причины незнаютъ. болѣзнь сія, въ иныхъ даже до двухъ недѣлъ продолжается, нонаконецъ, утрудясь, иизнемогши, отъ непрестаннаго бѣганья, приходятъ они въ чувство, и выздаравливаютъ попрежнему.

Помножеству оныхъ душевныхъ болѣзней, которыми стражутъ Эвропѣйцы, Многіе у нихъ, изобрѣтены и лѣкарства. Нѣкоторымъ изъ нихъ, случае-

тся такой жестокой жаръ, что они ходя погороду, изъбоку на бокъ переваливаются. Сїю болѣзнь, тѣмъ силнѣйшую въ нихъ, примѣчать можно, чемъ ближе подойдешъ, къ сторонѣ сѣверной. Изъ чего явно, что оная въ нихъ, отъ неумѣренности воздуха происходитъ. Они излѣчиваютъ её, нѣкоторыми пестрыми листочками бумаги, на которыхъ извѣстные, изображаются знаки, и которые когда вмѣсти талисмановъ поносятъ у себя въ рукахъ больные, то помалу въ состоянїе приходить начинаютъ. Другїе заразы обычай они имѣютъ, отражать чрезъ колокольные звоны, ибо и отъ того звуку, смущенїе ихъ духа устанавливается, и волнованїе ума утишается. Толькожъ

таково

таково лѣкарство, недолго въ нихъ дѣйствуетъ, такъ что чрезъ два часа опять болѣзнь возвращается и усиливается.

Въ Італіи, Франціи и Гишпаніи въ зимнѣе время, неукротимое нѣкакое бѣшенство, налюдей находитъ, и излѣчивается только чрезъ притрушиваніе больныхъ головъ, пепеломъ. Однакожъ въ сѣверной части Эвропы, пепелъ оной, никакова дѣиствія неимѣетъ и для того одною только помощію натуры, больные отъ своего страданія свобождаюся.

Многіе изъ нихъ, когда исповѣдываютъ грѣхи свои, и бога омилосердіи умоляютъ, то обыкновенно, употребляютъ къ тому извѣстными падежами, располо-

женные рѣчи, и музыкалные голосы, иногда же флейты, трубы, и литавры, въ разсужденіи великости онаго грѣха, о котораго отпущеніи, съ музыкою молятся.

Всѣ почитай Эвропѣйскіе народы, обязаны быть, въ исповѣданіи онаго ученія, которое содержитъ у нихъ, нѣкоторая священная книга. однакожъ въ южныхъ сторонахъ, чтеніе оной книги, крайнѣ запрещается, такъ что тамо люди, одолжаются вѣровать тому, чего читать и видѣть, безъ тяжкаго грѣха не могутъ.

Въ тѣхъ же сторонахъ, запрещено бога почитать, и ему молиться инако, кромѣ что на-

незнаемомъ языкѣ, такъ что у нихъ тѣ только щитаются правилные, и богу пріятные молитвы, въ которыхъ молящіеся и сами неразумѣютъ, что говорятъ чрезъ оные.

Почти вездѣ тамо по большимъ городамъ, заражаетъ паралич всѣхъ тѣхъ, которые въ чести и достоинства производятся. Такъ что ихъ, будто разслабенныхъ, наносилкахъ подобіемъ ящиковъ здѣланныхъ, по улицамъ носятъ.

Многіе, Эвропѣйцы, волосы свои бритвами обриваютъ, а въ мѣсто того чужіе, и поддѣльные волосы, наплѣшивую свою голову, накладываютъ.

Споры

Споры, которые обыкновенно въ Эвропѣйскихъ училищахъ затѣваются, состоятъ о такихъ вещахъ, которыхъ природу слѣдовать и ненужно и невозможно человѣку. Самые же ученнѣйшїе, Эвропѣйскаго писанїя матерїи, считаются ежели опишетъ кто древнихъ иизмершихъ нѣкоторыхъ народовъ, туфли, башмаки, ожерелье, сапоги, или епанчи. Сверхъ того, многїе у нихъ онаукахъ, неразсуждаютъ сами но другихъ только разсужденїямъ послѣдуютъ. Ибо' къ какому только они ученїю будто вѣтромъ принесены будутъ, при ономъ будто при камнѣ, и держатся, что же они говорятъ, будто вовсемъ, должно вѣрить тому кого они мудрымъ разсуждаютъ, то конечно и я бы

могъ

могъ на то согласиться, ежелибъ объкомъ такъ разсуждали одни невѣжи и неученые люди, между учеными жъ опредѣлить кто есть мудрой человѣкъ, кажется гораздо, премудраго человѣка дѣло

Агличаны весьма любятъ вольность, а только однимъ женамъ своимъ охотно отдаются въ рабство. Они же и въ благочестіи своемъ толь тверды, что какую вѣру, сего дни держатъ, оную завтрѣ отмѣтаютъ, и какую сего дни, весь ихъ народъ броситъ, ту самую завтрѣ, весь принимаетъ. Таково волнованіе ихъ духа причиталъ я мѣстоположенію земли ихъ, для того что Англія состоитъ на острову, и вся окружена моремъ, почему не дивно; что и жители сѣ

 много

много отЪ природы волнующей-ся и непостоянной оной стихіи вЪсебя заимствуютЪ.

Агличаны, прилѣжно всѣхЪ встрѣшныхЪ сЪ ними людей спрашиваютЪ о здоровьѣ, такЪ что я причиталЪ ихЪ всѣхЪ докторами. ОднакожЪ вЪ самомЪ дѣлѣ оной ихЪ вопросЪ: *здорово ли живешЪ?* одно только у нихЪ пусторѣчіе, и голосЪ которой ничего незначитЪ.

ВЪ томЪ же островѣ, и умЪ человѣческой сЪ такимЪ тщаніемЪ чистятЪ и просвѣщаютЪ, что наконецЪ многіе отЪ туду безЪ ума выходятЪ.

КЪ сѣверной сторонѣ, находится республика, изЪ седми провинціи

винцїи составленная. И оныє провинцїи называются тамъ СОЕДИНЕННЫМИ хотя въ нихъ, самимъ дѣломъ, и слѣда единства исогласїя никогда небывало. Народъ тамошнїи хвастаетъ, будто онъ такъ силенъ, что все правительство республики, отъ него зависитъ, когда однако онъ, отъ публичныхъ дѣлъ тамо, отдаляется больше всѣхъ мѣстъ насвѣтѣ, и все ихъ верховное правительство, при немногихъ домахъ остается.

Жители оныхъ провинцїй, жадно и неусыпно, богатства собираютъ, которыми однако, они непользуются, такъ что карманы унихъ полные, а брюхи пустые. Ибо кажется, что они живутъ только однимъ дымомъ,

которой, чрезъ глиняные, курительные трубки, въ себя глотаютъ.

Народу сему, за собственное свойство, причесть надобно то, что они ведутъ усебя чистоту, большую всѣхъ людей въ свѣтѣ, Ибо они, всячину прилѣжно моютъ, кромѣ однихъ рукъ своихъ.

Каждая въ Эуропѣ сторона свои имѣетъ законы, и свои притомъ обыкновенія, часто законамъ діаметрально противныя, такъ напримѣръ: позаконамъ жена подвергается власти мужа, а пообыкновенію, надъ мужемъ господствуетъ.

больше всего, у Эvропѣйцовъ почитаются тѣ, которые весьма роскошно, и избыточно живутъ, иплоды земные пожираютъ, одни только земледѣльцы, и тѣ, которые помянутыхъ прожоръ кормятъ, въ презрѣніи остаются.

Омножествѣ, и качествѣ злыхъ въ Эvропѣйцахъ склонностей, можно увѣриться изъ колесъ, виселицъ, и лобныхъ мѣстъ вездѣ у нихъ видимыхъ. Каждой ихъ городъ, имѣетъ своего палача, выключая только Англію, въ которой, думаю, никакихъ палачей ненадобно, для того, что жители тамошніе, сами себя вѣшаютъ и умерщвляютъ.

Эvропѣйцы, имѣютъ обычай поутрамъ пить воду, для утоленія оною, въ желудкѣ жару, но неуспѣваетъ еще, помощію оной воды, прохладиться желудокъ ихъ, какъ они его, наполняютъ водкою, чтобъ опять разгорячить оной.

Прежніе Італіанцы, издревле всѣмъ свѣтомъ обладали, будучи только, въ подданствѣ женъ своихъ. Нынѣшніеже, свирѣпѣя надъ женами, у всего свѣта, безъчестными рабами находятся

Пища у Эvропѣйцовъ, есть тажъ какъ и унасъ, но гишпанцы однимъ воздухомъ питаются.

Вездѣ въ Эвропѣ процвѣтаетъ купечество, и много тамъ

тамъ въ продажѣ такихъ вещей которыхъ унасъ купить не возможно, такъ Римляны унихъ продаютъ небо, Швейцары себя самихъ, а въ * * * * и короны и Скипетры, и Королевское достоинство, все состоитъ на продажѣ.

Въ Гишпаніи, знакомъ честнаго человѣка, есть лѣность, и ничто больше тамъ, неможетъ доказать шляхетства, какъ долгой сонъ.

Между учеными людьми, наибольшее въ Эвропѣ имѣютъ почтеніе тѣ, которые натуральной словъ порядокъ, такъ превращаютъ, что рѣчь, которая сама въ себѣ, была ясна и вразумительна, отъ того здѣлается

ся

ся, темною и непонятною. Такіе люди тамъ называются стихотворцами, или поэтами, Апереклaдываніе, предписаннымъ образомъ словъ, Поэзіею. Однакожъ еще, нецѣлое свойство поэта состоитъ въодномъ превращеніи штиля, но къполному его совершенству, требуется, чтобъ онъ былъ притомъ и превеликой лжецъ, такъ у нихъ, почти божественною почитается честію древній стихотворецъ Гомеръ, для того, что онъ въ обоихъ оныхъ искусствахъ, былъ превосходнымъ. Его, въ порчѣ образцовъ рѣчей, и въ превращеніи правды, многіе унихъ подражаютъ, Однако въ равенство съ нимъ пріити никто неможетъ.

Эвро-

Эвропѣйцы, къ покупкѣ книгъ, великіе охотники, однако книги они покупаютъ, не столько поматеріи въ нихъ содержимой, сколько по виду и украшенію оныхъ. Чего ради книгопродавцы, примѣчая что ученые ихъ купцы, любуются одними робьячими игрушками, и тѣмъ только, что глаза, а нечто разумъ довольствуетъ, перепечатываютъ тѣже книги, въ иной видъ, иными литерами, и съ прибавленіемъ въ нихъ гридерованныхъ фигуръ и рисунковъ, и такъ въ сотеро большую съ нихъ получаютъ цѣну. Ибо тамо, въ коммерцію входятъ и свободныя художества, и между самими хитрѣйшими купцами, считаются философы, и книгъ сочинятели. Побольшей же части, книги пишутъ унихъ, глупые люди, какъ

бы нарочно стараясь, чтобЪ слава глупости, даже до потомковЪ ихЪ, могла распространиться.

Академіи Эуропѣйскіе, состоятЪ торжищемЪ, или лавками полезныхЪ художествЪ и честей, гдѣ повольною, и умѣренною цѣною, продаются степени, производства, многоразличной учености титулы, и другіе ученые товары, которые вЪ нашемЪ подЪ земномЪ свѣтѣ, великимЪ потомЪ, и многолѣтными, день и ночь, вЪ наукахЪ упражненіями, пріобрѣтаются. Докторами у нихЪ, называются тѣ, которые самаго вышняго, ученіи верха достигли или [какЪ говорятЪ Эуропѣйцы] которые взодрались, навершину горы парнасса, девятью дѣвицами населяемой. ВЪ близости за

оными

оными состоятъ магистры, которые нѣсколько поменше коштомъ, ученые достаютъ титулы, ислѣдовательно; несколько словутъ и учеными. Отъсюду явно, какая отъ сверхъземныхъ училищъ, на человѣческой родъ, истекаетъ щедрота, когда они, толь гладкую. и безътрудную къ наукѣ, показываютъ дорогу. Грубяе нѣсколько, въ томъ поступаютъ сѣверные школы, для того что они, не учиня прежде Эксамена, въ вышніе для своихъ земель чести докторства, никого непроизводятъ, но для чужихъ сторонъ, и они нестоятъ зато.

Ученые отъ неученыхъ различаются тамо, нравами и уборомъ, аособливо благочестіемъ; ибо неученые, одного только бога, ученые

же многихъ боговъ и богинь почитаютъ, Главные унихъ боги называются Аполлонъ, Минерва, идевять музъ, причемъ есть идругіе, менщихъ народовъ божки, которыхъ писатели, анаипаче стихотворцы; когда захотятъ бѣситься; въ помощъ призывать обычай имѣютъ. Самые ученые люди, поразности наукъ, на разные статьи раздѣляются: иные изъ нихъ, словутъ философы. иные поэты, иные грамматики; иные фисики иные метафизики и прочая

Философъ унихъ есть ученой купецъ, которой заурeченную цѣну, продаетъ о отверженіи себя о умѣренности, и онищетѣ правила, и которой богатства, дотѣхъ поръ рѣчами, и писаніями хулитъ,

хулитъ, пока самъ обогатится. Отецъ философовъ былъ, нѣкоторой Сенека, которой такъ поступая, почти царскія собралъ себѣ сокровища.

Поэтъ или стихотворецъ есть тотъ, которой лжею и бѣшенствомъ славенъ. Чего ради, бѣшенство, есть такое прилагательное, что оное только самимъ знатнѣйшимъ, стихописателямъ присвояется. Ибо всѣ тѣ, которые просто и ясно, мысль свою изображаютъ, лавровыхъ вѣнцовъ, недостойными щитаются.

Грамматики, составляютъ у нихъ, извѣстной родъ войска, общественой покой, возмущающаго, а разнятся они, отъ другихъ воиновъ тѣмъ только, что вмѣ-

сто мундира, носятЪ епанчи, а вЪмѢсто меча, употребляютЪ, перо они столь жестоко, воюютЪ за литеры ислоги какЪ прочїе солдаты, завѢру иотечество. Я думаю, что сихЪ грамматиковЪ, владѢтели нарочно для того содержатЪ, чтобЪ вЪ мирное время, родЪ человѢческой, неразслабѢвалЪ вЪ излишномЪ спокойствѢ. ОднакожЪ иногда, и то случается, что когда предпомянутые ихЪ войны, доходятЪ досмертнаго убїйства, правительство властїю своею, оные разнимаетЪ, какЪ то негораздо давно, сказываютЪ дѢлалось вЪ парижѢ, гдѢ попричинѢ, разсвирѢпѢвшихЪ между докторами, олитерахЪ Q ку и K ка споровЪ, обѢ оные литеры употреблять благоразумнѢйшїй парижской сенатЪ дозволилЪ.

ФизикЪ

ФизикЪ есть такой человѢкЪ, которой изЪслѢдываетЪ внутренность земли, природу двуногихЪ четыреногихЪ, ползающихЪ. инесѢкомыхЪ животныхЪ; и которой все вЪ свѢтѢ знаетЪ, кромѢ самаго себя.

МетафисикЪ есть тотЪ; которому одному, все то явно и открыто, что для другихЪ тайно, и сокровенно, и которой какЪ бытіе духовЪ, душЪ, такЪ и все, сущее и не сущее знаетЪ описываетЪ, и ограничиваетЪ. Но только притомЪ; за безмѢрною глазЪ своихЪ остротою; того, что унего передЪ ногами; видѢть неможетЪ.

Такое то вЪ ЭвропѢ, ученаго общества состояніе. Еще бы больше

больше могъ я онемъ представить; однако довольно почитаю показать то, что познатнѣе. Ибо и изъ сего одного, легко разсудитъ читатель, справедливоли, или несправедливо, Эвропѣйцы, однихъ себя мудрыми въ свѣтѣ почитаютъ.

Однакожъ той похвалы, отъ Эвропскихъ докторовъ и магистровъ отнять нельзя, что они въ обученіи юношества, гораздо тщательнѣе поступаютъ, нежели наши подземные. Ибо есть у нихъ такіе, въ художествахъ и языкахъ учители, которые не только тому другихъ обучаютъ чему сами учились, но еще и то толкуютъ, чего сами вовся неразумѣютъ. Великой есть тягости дѣло, съ ясностію представлять

ставлять учащимся тѣ одни правила; которыя мы сами знаемъ, но невпримѣръ тягостнѣе есть, обучать тому, что намъ самимъ неизвѣстно,

Еще есть, между Эвропѣйскими учеными и такіе, которые богословіи и философіи, въ равномѣрной горячести рачителями находятся. И они какъ философы, о всѣхъ вещахъ сомнѣваются, а какъ богословы, ни противъ чего спорить нетерпятъ.

Къ наукамъ Эvропѣйцы, равную съ нашими подземными, охоту имѣютъ. Толькожъ они невпримѣръ скорѣе нашихъ выучиваются, чрезъ знатной, и почти волшебной нѣкоторой вымыселъ, *Эфемеридами* называемой,

чрезъ которой дѣлается, что они въ одинъ день, цѣлую сотню книгъ прочитать могутъ.

Когда я прїѣхалъ въ Iталїю, то мнѣ казалось, что я тамъ былъ всея земли господиномъ, для того, что всякъ, кто только со мною нивстрѣчался, обьявлялъ себя шьявомъ или рабомъ моимъ. но какъ я хотѣлъ рабскаго ихъ мнѣ повиновенїя видѣть опытъ ивелѣлъ въ одну ночь хозяину моему, чтобъ онъ привелъ ко мнѣ жену свою, то онъ разъярясь на меня, тотчасъ приказалъ мнѣ вонъ убираться, и по случаю въ томъ моей медленности, столькалъ меня, изъ своего дому насильно.

Въ сѣверныхъ сторонахъ, люди жадно добиваются себѣ,

имено

именованіи отъ такихъ вещей, которыми они невладѣютъ, и съ великой прилѣжности, къ красивому хожденію почти сумозбродничаютъ. Сверхъ того. * * *.

Досихъ мѣстъ я, оное описаніе терпеливо слушалъ. Въ прочемъ, великимъ распалившись негодованіемъ, перебилъ чтецу рѣчь обьявляя, что все оное описаніе, есть одни враки, ненавистнаго и злобнаго писателя, но когда установилось вомнѣ, нѣсколько первое стремителство страсти, снисходителнѣе повелъ я судъ о путешествіи ономъ, видя, что писатель его, сколько во многихъ вещахъ ни лживъ и ни несправедливъ былъ однако невовсемъ отбился отъ правды, нонѣкоторыя дѣла великою изобразилъ точностію. И такъ съ тѣхъ поръ сталъ я держаться ГОМОПОДОКОВА совѣта, чтобъ сколько возможно, утверждать глупое, КВАМЦОВЪ обьотечествѣ моемъ мнѣніе для того, что я полезнѣе, къ продолженію моего благополучія, разсуждалъ, называться чрезвычайнымъ посланникомъ солнца, нежели жителемъ Эвропѣйскимъ.

Когда сосѣди наши, чрезъ долгое время спокойно себя содержали, и я чрезъ посредство вождел ѣннаго мира, распоряжалъ общество помоей угодности, наконецъ получена вѣдомость, что три весьма силные народы, заключили союзъ противъ КВАМЦОВЪ. Оные народы поимянно были: АРКТОНІИНЦЫ КИСПУЦІАНЫ и АЛЕКТОРИАНЫ. АРКТОНІЙСКОЙ народъ состоялъ изъ медведей рѣчью иразумомъ одаренныхъ, которой весьма свирѣпымъ и военнымъ славился. КИСПУЦІАНЫ были чрезвычайной величины коты ради остроты и силы разсужденія велико между подъземными почитаемой народъ, чего ради они, нестолько тѣлесными силами, сколько искусствомъ и военными вымыслами и самыхъ силнѣйшихъ непріятелей побѣждали. АЛЕКТОРІАНЫ же потой причинѣ, что они нетолько наземлѣ но инавоздухѣ воевать могли, весьма тяжелы бывали своимъ непріятелямъ. Они были индейскіе пѣтухи, вооруженные луками и копьями ядомъ натертыми, которыми они съ удивительною исправностію дѣйствуя, смертные раны противникамъ своимъ причиняли.

Сія народовъ тройка, раздражена будучи съ одной стороны чрезвычайнымъ квамцовъ щастіемъ, а съ другой заразою тавахицкой

нахитской, войны заключа съсобою договоръ, опредѣлили союзными силами возрастающую квамскую власть, пока еще оная далѣ неразширится, какъ возможно сократить, но прежде обьявленія войны, прислали они въ кваму пословъ съ требованіемъ возвращенія ТАНАХИТАМЪ ихъ волности, и съобьявленіемъ квамскому владѣтелю, ежели онъ въ требованіи ихъ отъкажетъ, торжественной войны. Сіе повелѣніе послы оные исполнили, ново отвѣтъ на свое требованіе, по моему совѣту получили слѣдующіи.:

Что танахиты будучи мира, и союзовъ нарушителями, въ нынѣшную свою попали бѣдность, сіе они собственной своей глупости игордости причитать должны. Владѣтель же, занепремѣнно опредѣлилъ, оное свое наслѣдіе; которое ему : по праву войны досталось; противу всѣхъ наступателей охранять всѣми силами, въ чемъ онъ, и никакихъ союзныхъ народовъ, насебя угрозъ отнюдь неопасается,

Таковъ учиня отвѣтъ, пословъ мы отъправили, а сами, опроизводствѣ наступающей войны, думать начали. Я въ короткое время, набралъ войска 40000 въ которомъ конницы, числилось восѣмь тысячь, и мушкатеровъ двѣ тысячи. Владѣтель, какъ нибылъ, попрестарѣлости своей дряхлъ, самъ однако принялъ намѣреніе, на сей войнѣ присутствовать, и такимъ распаленъ былъ славолюбіемъ, что его ни я ниево супруга, нидѣти, которые всѣ согласно, оную его отъвагу, отъвратить всею возможностію силились, отъ намѣренія отъвесть немогли. Въ такомъ состояніи дѣлъ, ежели что для меня хлопотно, и печально казалось, то особливо подозрѣніе оневѣрности ТАНАХИТОВЪ. Ибо опасался я, чтобъ они, нестерпя новаго рабства, приспособномъ случаѣ, несвергли съ себя нашего ига, икъ непріятелямъ бы неприсовокупились. Да и необманулся я, въ сномъ моемъ мнѣніи, для того, что спустя нѣсколько послѣ обьявленія войны, получено было унасъ извѣстіе, что 12000 ТАНАХИТОВЪ, вооружась, перешли къ непріятелямъ. И тако уже видѣлъ я, что намъ тогда съ четырмя, пресильными неприятелями, военное дѣло предлежало,

войско

Войску нашему, по снабдѣніи онаго, всѣми потребностьми, дано повелѣніе, въ началѣ мѣсяца *килгика*, выступить въ стрѣчу противъ непріятеля, чтобъ чрезъ то предупредить онаго въ начинаніи слѣдующей войны. Въ самомъ онаго походѣ, получено чрезъ шпіоновъ извѣстіе, что уже союзные войска, вступившы въ *танахитскую* сторону, крѣпость *сибалъ*, на *кислуціанской* границѣ состоящую, осадили Они съ такою силою, и нахалствомъ, къ помянутой крѣпости приступали, что Комендантъ тамошній, намѣренъ уже былъ здаваться, однакожъ непріятели, услышавъ о нашемъ приходѣ, осаду оставили, и пошли прямо нанасъ. Война унасъ съ ними, происходила наплоскости, недалеко означенной, осажденной ими крѣпости, откуду она и прозвана, *Сиболенскаго пойного.* Арктонійцы, которые въ арміи лѣвое крыло держали, нападая жестоко на нашу конницу, великой оной вредъ причиняли и какъ еще они въ той жестокости подкрѣпляемы стали бунтующими ТАНАХИТАМИ, то намъ уже почти никакой, и надежды спасенія неоставалось: Однакожъ совсѣмъ тѣмъ, чрезъ посредство бывшихъ унасъ мушкатеровъ, которые двукратнымъ залпомъ, въ смятеніе привели непріятеля, тотчасъ

войны

войны нашей видъ неремѣнился, такъ что тѣ, которыя будто уже побѣдители, нашу конницу жестоко притѣсняли, сами будучи въ притѣсненiи, уступать, и наконецъ тылъ показывать начали. При такомъ происхожденiи, сильно навалились на нашу пѣхоту *Кислуцiаны*, которые съ такимъ искуствомъ, и успѣхомъ стрѣлами, и копьями дѣйствовали, что въ короткое время, шесть сотъ человѣкъ КВАМЦОВЪ, какъ раненыхъ, такъ и въ смерть прострѣленыхъ отъ нихъ пало. Но какъ въ помочь пѣхотѣ, подбѣжала съ мушкатерами наша конница, принуждены и они были къ бѣгу обратиться. Толькожь такъ, что безъ всякаго нарушенiя порядка, больше отступать, нежели бѣжать казались, что происходило у нихъ отъ остроумiя, и прозорливости КИСПУЦIАНСКАГО фелдмаршала МОНСОНА, которой въ то время, военными художествами, всѣхъ подземныхъ фелдмаршаловъ, легко въ сомнительство побѣды, приводить умѣющимъ, отъ всѣхъ почитался. Остались еще въ сраженiи съ нами, АЛЕКТОРIАНЫ, которыхъ побѣдить весма было трудно, для того, что сколько кратно наши, изъ ружья понихъ ни стрѣляли, они всегда, на крыльяхъ въ верхъ подымались, и оттуду прямо на верхъ головъ нашихъ стрѣлами напу-

щали

щали, съ такою исправностію, что рѣдко которая стрѣла, безъдѣйствія наземлю падала. Такова ихъ, въ стрѣляньѣ мѣткость происходила отъ того, что обыкновенно, всякой вещи метаніе, склоннѣе и легче дѣлается съ верху нанизъ, нежели съ низу наверхъ нашиже, ради подълѣтыванія, и непрестаннаго движенія непріятелей, часто въ мѣтѣ своейошибались. Въсамомъ жару онаго сраженія, король нашъ съ великою храбростію стрѣляя изъ лука, выѣхалъ предъ знамена наши, и въ самой срединѣ, ужаснаго онаго сраженія находяся, въдругъ въ шею, ядовитою стрѣлою сталъ прострѣленъ и такъ съвалившись сълошади, отъ мѣста баталіи отънесенъ въ ставку, гдѣ малое время полежавъ, отъ раны умеръ. Въ такомъ колеблемомъ состояніи, заблаго изобрѣлъ я, всѣмъ тѣмъ, которые, смертное оное, видѣли приключеніе, приказать молчать, чтобъ попричинѣ королевской смерти, воюющіе, въ жару своемъ ослабѣть немогли, апрочихъ увѣщевалъ, чтобъ они нимало несомнѣвались, обьявляя имъ, что король отъ нечаяннаго удару заснулъ, что желѣзо негораздо глубоко прошло въ тѣло что рана, пообмытіи крови, была неопасна, ичто наконецъ, есть надежда, что король вскорости къ нимъ опять выидетъ.

Такимъ образомъ, понезнанїю многихъ о королевскомъ приключенїи, война унасъ даже доночи продолжалась. Акакъ АЛЕКТОРIАНЫ отъ труда и ранъ ослабѣвши, пошли къ своимъ лагерямъ, здѣлалъ я нанѣсколко дней, сколько оныхъ, къ погребенїю убитыхъ тѣлъ было потребно, съ непрїятельми перемирье; амежду тѣмъ примѣтя, что къ завоеванїю АЛЕКТОРIАНОВЪ, надобно было иной употребить вымыселъ, велѣлъ я руженныя пули, перелить надробь. Сей мой вымыселъ, такои имѣлъ успѣхъ, что АЛЕКТОРIАНЫ, въ бывшемъ послѣ того съ нами сраженїи, подобїемъ мухъ, изъ воздуха наземлю стремглавъ падали, и цѣлая половина ихъ войска, бѣдственно пропала. Чего ради, оставшїе изъ нихъ, положа ружье, нижайше просили унасъ мира, а ихъ примѣру послѣдуя, и Арктонїйцы съ Киспуцїанами, и себя и ружье, и укрѣпленные городы свои, отдали въ наше защищенїе. Сїи дѣла окончавъ благополучно.

Я главному тотчасъ, велѣлъ совѣту быть,

И въ оной всѣхъ собравъ, какъ полководцевъ знатныхъ,

Такъ и начальниковъ, въ урядахъ нижнихъ ратныхъ,

при

при всѣхъ молчаньѣ ихъ, къ нимъ началъ говорить.

Я несомнѣваюсь высокопочтеннѣйшіе благороднѣйшіе и храбрѣйшіе господа! чтобъ многіе изъ васъ невѣдали, сколь прилѣжно инеотступно мною совѣтовано было, августѣйшему нашему повелителю, чтобъ онъ въ войнѣ сей своею персоною присутствовать неизволилъ. однакожъ врожденная ему храбрость, и неустрашимое сердце, въ томъ случаѣ, когда мы противъ непріятеля грудь свою выставливали, недопустила его лѣностно въ домѣ покоиться, и можно сказать что одно только въ семъ было мое къ его величеству такое прошеніе, въ которомъ я отъ него получилъ отказъ. Но желалъ бы я, чтобъ его августѣйшее

величество, въ другихъ вещахъ для меня оказался было упрямѣе, а въ сей благосклоннѣе! Ибо такимъ образомъ непопали бы мы въ таково бѣдство, каково нынѣ смерть его намъ приключила, но было бы наше, въ царственной городъ возвращенїе. подлинно торжественное, и утѣхи наши, отъ толь славныхъ дѣлъ, приисходилибы намъ безъ всякаго отъ печалей смущенїя. Я немогу, да и должность невелитъ, долговремяннѣе скрывать отъ васъ, смертнаго онаго приключенїя, которое столько сердце наше уязвляетъ! И тако вѣдайте нынѣ всѣ, что владѣтель нашъ, храбро воюя противъ непрїятелей, стрѣлою присраженїи прострѣленъ, и немного погодя преставился. Какого плача! какого въ дѣлахъ смущенїя-

щенія неможетъ причинствовать толикаго монарха лишеніе! изъ собственной моей печали, могу я признавать, каково нынѣ вашему сердцу. Однакожъ несовсѣмъ себя порабощайте малодушію; не есть то смерть, которою толикаго героя больше смертность нежели жизнь прекратилась! не умеръ у васъ владѣтель, которой двухъ вамъ по себѣ возрастныхъ оставилъ принцовъ, живой всегда образъ, прехвалнѣйшаго своего родителя, представляющихъ, и неменше отеческихъ добродѣтелей, какъ и владѣнія его наслѣдниковъ. И для того вы нестолько теперь короля какъ развѣ одно только онаго имя перемѣните. и понеже перворордной принцъ ТИМУЗО, по праву рожденія, долженъ нынѣ

отеческой воспріять скипетрЪ, то я сЪ сего времяни, подЪ его покровительствомЪ, войскомЪ командовать буду, онЪ то есть одинЪ, накотораго повелѣнія присягать, и которому единственно, вѣрность и повиновеніе наше оказывать всѣ мы должны.

ГЛАВА XIII.

О произведеніи Клима вЪ Подземныя Монархи

По окончаніи вышепоказанной моей рѣчи, всѣ изЪвсей мочи закричали: ПОВЕЛИТЕЛЯ ХОТИМЪ ИМѢТЬ ПИКЕЛЬСУ! что услыша я, ужаснулся, и ударившись вЪ слезы прилѣжно сталЪ всѣхЪ просить, чтобЪ они напамятовали присягу свою, которою кЪ королевскому дому обязаны, и оные милости, которыми какЪ всѣхЪ ихЪ обще, такЪ и каждаго особенно, одолжилЪ кЪ себѣ, покойной владѣтель ихЪ, и которыхЪ забвеніе, можетЪ имЪ принесть, вѣкЪ незагладимое безЪчестіе, кЪ чему приговаривалЪ имЪ и то, что ежели

я, гожусь имъ въ какую услугу, то конечно оную могу оказать, и въ приватнымъ моемъ состояніи. Однакожъ, всѣ мои рѣчи, никакова дѣйства неимѣли, и чемъ больше, употреблялъ я словъ, тѣмъ сильнѣе, опредѣленіе обомнѣ всей знатности, утверждалось. Имежду тѣмъ оное уже, и вовсѣхъ полкахъ, съ такимъ усердіемъ повторяемо было, что все войско, будто одного человѣка голосомъ, оное произносило. Чего ради я, обвертѣвъ себѣ голову, скрылся въ судебную полатку, и приказалъ караульнымъ, чтобъ отнюдъ никого, комнѣ недопущали, ибо я уповалъ, что поуспокоеніи, перваго стремительства мыслей, опамятуется войско. Однакожъ полководцы, собрався съ рядовыми солдатами, силою, въ оную палатку водрались, и несмотря на мое сопротивленіе, насильно убрали меня, въ імператорской нарядъ, и выведши изъ судебной полатки, съ звукомъ трубъ и литавровъ огласили: ІМПЕРАТОРОМЪ КЕАМСКИМЪ, КОРОЛЕМЪ ТАНАХИЦКИМЪ, АРКТОНІИСКИМЪ, АЛЕКТОРІИСКИМЪ, И ВЕЛИКИМЪ ГЕРЦОГОМЪ КИСПУЦІАНСКИМЪ. Тутъ я видя, что уже дѣло инако быть неможетъ, оставя дальнѣйшую, съ фортуною борбу, отдался въ ея волю, нопритомъже признаюсь что я и несовсѣмъ неволею, на сію

степень

степень мою, возводимъ былъ. Ибо Имперiя, съ тремя королевствами, и великимъ Герцогствомъ, есть такiе вещи, которые всякому, прелестны быть могутъ, Правда, тотъ часъ послѣ того, отправилъ я къ принцу пословъ, какъ съ извѣстiемъ стаковомъ произшествiи, такъ и съ увѣщанiемъ, чтобъ онъ въ защищенiе, природнаго своего, къ владѣнiю права, новое мое, въ престолъ избранiе, какъ законамъ противное, опровергнулъ, и обьявилъ недѣйствительнымъ. Однакожъ себѣ на умѣ содержалъ я, чтобъ доброволъно, отъ народа порученнаго мнѣ владѣнiя, неоставлять сплоха такъ что посольство оное, больше учинено было мною натотъ конецъ., чтобъ вывѣдать, принцово отомъ мнѣнiе. Принцъ, какъ былъ изрядной природы, ипреостраго разсужденiя молодецъ, вѣдая довольно сколько скрытности, и глубокосердечiя содержитъ въ себѣ жизнь человѣческая; узналъ притворное мое великодушiе, и разумно необходимости уступая, въ послѣдованiе всего войска приговору, и самъ меня въ царственномъ городѣ, обьявилъ императоромъ. Послѣ чего, немедленно въ оной, веденъ былъ я съ торжествомъ, и съ восклицаннiемъ всего народа, окруженъ будучи, всѣми полководцами, и всеначалниками. и нѣсколько

дней

дней спустя, съ великимъ празденствомъ получилъ Корону. Такимъ образомъ изъ бѣднаго, и моремъ разбитаго матроза, здѣлавшись я Монархомъ, въ наибольшее ко мнѣ обязательтво КВАМЦОВЪ, въ которыхъ я примѣчалъ, великое къ старинному королевскому колѣну почитаніе, и любовь, и чтобъ притомъ, благополучіе мое, не на одной общественной, но и на частной еще, утвержено быть могло пріязни, старался я, имѣть себѣ въ супружествѣ, умершаго владѣтеля дочь, которая называлась РАЛАКЪ, и была уже тогда, совершенныхъ къ замужству лѣтъ. И то все, понамѣренію благополучно отправя началъ а, еще новые, придумывать способы, какъ бы оную Імперію, въ наивышшую, и всему подземному свѣту страшную, возвесть степень. Все мое тотъ часъ, крайнее попеченіе, въ томъ было, чтобъ завоеванные, недавно предъ тѣмъ народы, состояли у меня, всегда въ вѣрности и послушаніи; и для того, исправя какъ наилучше вездѣ крѣпости, сильные въ оныхъ, учредилъ я гарнизоны; а плѣнныхъ, сталъ содержать милостиво, и нѣкоторыхъ изъ нихъ въ знатные произвелъ чины, въ самомъ столичномъ городѣ, особливоже фелдмаршаловъ Томополока и Менсона, въ такую принялъ повѣренность, что чрез то, въ нѣкоторыхъ

рыхЪ КВАМЦАХЪ, здѢлалась наменя ненависть, хотя они довремяни, еѣ вЪ себѣ и скрывали, пока наконецЪ, долговремянно вЪ пепелѢ утаенная искра, жестокой, какЪ отомЪ послѢ объявлено будетЪ, пожарЪ причинила. Чтоже додомашнихЪ надлежитЪ учрежденїи, всѢ я свободныя ученїя, и военныя художества, вЪ верховной тамо степени, завесть силился. И какЪ сторона оная, непроходными наполнена была лѢсами, то я кЪ строенїю флота, и военныхЪ, по ЭвропѢйскому образцу, кораблей ,-- толь горячее взялЪ предпрїятїе что хотя и кромѢ того, тягостїю дѢлЪ крайнѢ обремененЪ былЪ, однакожЪ передЪ симЪ дѢломЪ, казались мнѢ, всѢ другїя дѢла бездѢлицами. ВЪ приготовленїи моего флота, наибольше пользовался я, работою КИСПУЦІАНОВЪ, для того что они, вЪ морскихЪ дѢлахЪ, немалое искусство имѢли. Аглавнымъ надЪ флотомЪ адмираломЪ, здѢлалЪ я фелдмаршала МОНСОНА.

ТотчасЪ по оному моему предпрїятїю нарублено было уменя лѢсу, наковано плотничихЪ инструментовЪ, и сЪ такою прилѢжностїю, принялся я за оное дѢло, что около шестидесяти дней, сЪ того времяни, какЪ лѢсЪ вырубленЪ, флотЪ вЪ двадцати корабляхЪ, на якари уменя поставленЪ

тавленъ былъ. Все сіе исправивъ по желанію самъ я себя почиталъ тогда вторымъ, подземнымъ Александромъ, когда и я, такіяже точно подъ землею затѣвалъ безъ покойства, какія тотъ, причинялъ въ нашемъ свѣтѣ. бѣшеная старсть властолюбія, сама себя въ безъконечность распространяетъ, и не находитъ такова мѣста, гдѣ бы ей остановиться можно За нѣсколько назадъ лѣтъ, всѣхъ желаніи моихъ верхомъ состояло то, чтобъ мнѣ сыскать гдѣ, пасторское мѣсто, либо опредѣлиться въ бѣдную подьяческую, или діячковскую должность, больше того желать, мнѣ и въ умъ неприходило, тогдаже, четырѣ или пять королевствъ, безмѣрно для меня тѣсны казались, такъ что въ разсужденіи, оной жадности, которая вомнѣ съ богатствами, и властію моею умножалась, никогда я небывалъ бѣднѣе, и большей не терпливалъ скудости какъ тогда здѣлавшись, пребогатымъ владѣтелемъ.

Увѣдавъ я отъ киспуціанскихъ мореходцовъ, состояніе. и природу, какъ морей, такъ и земель къ нимъ прилежащихъ. и увѣрясь, что благополучною погодою, чрезъ восемь дней, къ берегамъ Мезендорической імперіи поспѣть можно,

в отътуду уже, понавѣстчымъ мнѣ, и недавно переплытымъ мною морямъ, и въ Мартинїю перебраться, нетрудножъ будетъ, велѣлъ я поскоряе, въ походъ приготовляться. Главною сего похода мѣтою состояла у меня Мартинїя, ибо вопервыхъ льстился я, какъ неизмѣримыми онаго народа богатствами и имѣнїями, такъ и художествами, и наукою мореплаванїя, которыми Мартинїанцы, всѣхъ другихъ превосходили, амнѣ въ затѣйкѣ толь важныхъ наморѣ дѣлъ, необходимо надобны были учители. Другое, такожъ льстило меня, и желанїе отъмщенїя, которое я внутрь имѣлъ, нанародъ оной. Изъ двухъ королевскихъ принцовъ, взялъ я большаго, для сего походу къ себѣ въ товарищи -- притворяя, будто я беру его свѣтлость для прославленїя его въ семъ военномъ случаѣ, храбрости и искуства, но прямой умыселъ мой, состоялъ въ томъ, чтобъ онъ у меня былъ вмѣсто аманата, и залоги квомакой комнѣ вѣрности. Меньшей же Принцъ, хотя тогда и въ домѣ оставался, однако правленїе, вовремя моего отъсутствїя, їмперїи, поручено была отъ меня императрицѣ, которая уже была беременна. Весь военной флотъ мой, состоялъ изъ двацати. большихъ и малыхъ кораблей, и оные всѣ строены были, образцемъ

разцемъ кораблей Мартиніанскихъ, по совѣту и наставленію Кисгуціанскаго фелдмаршала Монсона, которому порученъ былъ, всѣхъ морскихъ дѣлъ распорядокъ и которой, чертежи имъ дѣлалъ, своими руками. Ибо Мартиніанцы, такими между подземными жителями почиталисъ какими унасъ тиряны и сидонцы, или въ наши времена, Аглічаны и Голанцы, власть надъ морями, единственно усебя содержащими, считаюшся. Однакожъ, какъ мы пришли въ Мартинію, видѣлъ я, сколько въ нашихъ корабляхъ, погрѣшено противъ подлинника.

Пустилисъ мы въ море, подъ то самое время года, когда планета Назаръ, въ средственной величинѣ находилась. Пловучи чрезъ три дни, видѣнъ былъ намъ островъ, котораго жителей, ради бывшаго между ими несогласія, легко было можно намъ поработить. Они никакова у себя неимѣли оружія, да притомъ испособа владѣть онымъ вовся незнали, а только вмѣсто всего оружія, однѣми ручательствами и клятвами воевали. Въ томъ у нихъ вся казнь, и все военное сердце состояли, ежели между ими, являлись какіе законопреступники, то они обыкновенно, подержавъ ихъ до разсмот-

рѣнія, поважности вины въ тюрмѣ, послѣ вываживали нарынокъ, и различными ругательствами, и проклятіями казнили. Къ сей должности, опредѣляемы были у нихъ, извѣстные служители, называемые *Сабуты* тоесть ругатели, которые тожъ значили, что у насъ палачи или каты. Что до образа тѣлъ, оныхъ жителей касается, то они тѣмъ только отъ людей разнились, что женщины у нихъ, были съ бородами, амужчины безъ бородые; Сверхъ того, ножные плюсны, имѣли они назадъ пальцами обороченные, а не къ переду, по примѣру другихъ людей, протяженные. Когда мы, изъ кораблей на оную землю выгрузились, вышли къ намъ въ стрѣчу, около трехъ сотъ Каналисцовъ [: такъ назывались острова онаго поселяны:] которые, непріятельски нанасъ наступая, обыкновенное свое употребляли оружіе, то есть: проклятія, и лай нанасъ произносили, оные ихъ лаи [: пообъявленію нѣкотораго Алекторіанца, въ Каналисскомъ языкѣ искуснаго:] въ такой же токости словъ, были вымышлены, что они нарочно чрезъ оные показывали, сколь великое ихъ въ такомъ военномъ искусствѣ, было совершенство; которымъ бы они и грамматикамъ нашего свѣта, неуступили, однако я вѣдая довольно, что

Какъ

Какъ птичей летъ, никакъ неможетъ быть безъ крылъ
Такъ человѣчіи гнѣвъ, всегда пустой безъ силъ

безъоружнаго того народа, насильствовать невелѣлъ, атолько для нѣкоторой имъ пострaски, приказалъ выпалить изъ одной пушки, отъ чего они тотчасъ падая на колѣны, просили милосердія. Немедленножъ вышли къ намъ, и знатнѣйшіе того острова владѣльцы, которые съ нижайшимъ покореніемъ, себя иподданныхъ своихъ, во власть мою поручая, весь островъ въ дань мнѣ обложили, представляя первѣе рѣчью, что нестыдно быть отъ того побѣжденнымъ, котораго побѣждать, есть беззаконно, и нѣтъ никакова безчестія, когда кто покаряется тому; кого выше всѣхъ, превознесла фортуна. Такимъ образомъ островъ оной, котораго здачею, хотя обладательство мое, приращеніе и получило, но ради слабости жителей онаго, ничего мнѣ славы неприбыло, приведши въ данничество, отъ береговъ его мы отъвалили, и наконецъ понѣсколько дневномъ щасливомъ мореплаваніи, къ Мезендорическимъ берегамъ пристали. Тогда я, собралъ начальнѣйшихъ

полко-

полководцовъ къ себѣ, въ совѣтъ для разсужденія, что наилучше намъ дѣлать должно? тотчасъ ли поступать непріятельскимъ образомъ или прежде, чрезъ посольство вывѣдать мысль, владѣтелеву, къ миру или къ здачѣ, или къ войнѣ приступить онъ захочетъ? Многимъ тутъ безъопаснѣе, и честнѣе показалось, послать посольство, и для того въ оное, наряжено было отъ меня, пять человѣкъ А имянно: *Кпамецъ*, *Арктоніецъ*, *Алекторіанецъ*, *Танахитъ*, и *Кислуціанъ*. Сіе посольство, впустя въ царственной городъ, Комендантъ онаго, именемъ своего владѣтеля спросилъ.

Что хочете отъ насъ? и что
вашъ къ намъ приходъ
Чрезъ столько здѣлало, до
мезендоровъ водъ?

Которому отвѣтсвовали послы:

Ни страшной штурмъ прибилъ,
ни зимней стужи часъ,
Ни сшибка къ вамъ спусти,
пристать пригнала насъ

Умыш-

Умышленнымъ мы всѣ путемъ пришли сюда,

Иволѣ нашей въ томъ работала вода.

Изаразъ послѣ того, поднесли отъ меня владѣтелю тамошнему, грамоту слѣдующаго содержанія:

НИКОЛАЙ КЛИМЪ, посланникъ солнца, Імператоръ квамской, Король танахитской, арктонійской, Алекторійской, великой Герцогъ Киспуціанской, и государь Каналисской, Мезендорическому Імператору Миклополату здравія! Извѣстно тебѣ дабудетъ что непремѣнною божества судбою опредѣлено есть, дабы всѣ въ свѣтѣ, Імперіи и королевства подвержены были, Квамскому обладанію, и понеже божественная судба, измѣнною быть неможетъ

то надлежитъ и твоему владѣнїю, въ томъ же жребїи, имѣть участїе; чего ради увѣщеваемъ тебя, къ добровольной намъ здачѣ и напоминаемъ, чтобъ ты, области твоей, чрезъ безразсудное, побѣдительному нашему оружїю сопротивленїе, военному неповѣрялъ щастїю. Заблаговремяннымъ повиновенїемъ, пощади кровь неповинныхъ, да вмѣстѣжъ промышляй, и олучшествѣ твоего собственаго состоянїя. дано во флотѣ нашемъ, въ третїи день мѣсяца димата

Попрошествїи нѣсколькихъдней, возвратилось наше посольство, съ свирѣпымъ и гордымъ отъвѣтомъ чего ради, отъложа мысль о мирѣ, выгрузились мы изъ кораблей наберегъ, ираспоряля, совсѣмъ военнымъ приуготовленїемъ полки наши, отправили мы шпионовъ, для провѣданїя осостоянїи непрїятельскаго войска, которые тотчасъ возвратяся объявили, что непрїятельское

ятелское войско приближается къ намъ въ 60000 львовъ, барсовъ, слоновъ, медвѣдей, излыхъ, ихищныхъ птицъ. И для того мы; ожидая, неприятелскаго къ намъ подходу, въ полезномъ для насъ мѣстѣ остановились. Какъ все подлежащее, учинено приготовленіе, иданъ былъ сигналъ для сраженія, прислалъ къ намъ непріятель, четырехъ лисицъ или пословъ осоюзѣ и мирѣ съ нами договариваться. но оные поговоря нѣсколько часовъ съ нашими полководцами безъ всякаго утвержденія дѣла, отошли назадъ, и тотъчасъ объявилось, что они больше для шпионства, нежели для посольства приходили, да инатотъ самой конецъ были подсыланы, чтобъ только состояніе нашего войска высмотрѣть. Поманывали они, правда, будто имѣютъ немедленно съ точнѣишимъ повелѣніемъ быть къ намъ обратно, однако когда немного времяни спустя, увидѣли мы, что неприятельское воиско съ поспѣшеніемъ ближе, къ намъ подваливаться стало, непримѣчая никакой къмиру надежды, свернули мы, наши знамены исъ приускореніемъ пошли, противу неприятелей. Чрезъ долгое время, жестокое унасъ тамо, происходило сраженіе, съ удивительною съ обѣихъ сторонъ храбростію Ибо хотя отъ мушкатеровъ нашихъ съ самаго начала, великой причиненъ былъ

непрїятелю уронъ, однако порядокъ военной постоянно удерживали слоны, накоторыхъ пули, ради твердости ихъ тѣла, ничего недѣйствовали, но какъ только, начато отъ насъ стрѣлять изъ пушекъ, и слоны увидѣли отъ нихъ, великую себѣ гибель, то и тѣ въ чрезмѣрную пришли робость, ивездѣ безпорядочно разсыпались. анаконецъ бесчестнымъ бѣгомъ, и воину иславу свою, въ полѣ оставили. Въ семъ сраженїи, убито МЕЗЕНДОРЦОВЪ 33000, ѧполонено нами живыхъ 2000 поголовьевъ. убѣжавшїеже зажива отъ воины, убрались въ столичной свой, весьма укрѣпленной городъ съ велилимъ всѣхъ жителей ужасомъ. мыже, довершивая побѣду тремя ставками, дошли достоличного города, ионой, какъ сухопутнымъ, такъ и морскимъ войскомъ осадили. Вовремя нашего, къ оному приближенїя встрѣтило насъ новое посольство, съ нѣсколько полезнѣйшими договорами. Чрезъ оное, просилъ меня Імператоръ, чтобъ я унего дочь, которая красотою всѣхъ дѣвицъ превосходила, взялъ къ себѣ въ супружество, обѣщая занею, приданого дать, цѣлую половину своей Імперїи. Непонравился мнѣ таковъ договоръ, аособливо въ томъ пунктѣ, которой досупружества съ его дочерью, касался. Ибо опасно, и скверно мнѣ казалось, изгнавъ отъ себя Імпе-

пераприцу, которую я уже беременную оставилъ, содружиться со лзицею И для того оному посолству, дано повеленіе, безъ всякаго отвѣта, назадъ возвратиться. Потомъ, навели мы на городскіе стѣны, еще большіе пушки, которыми, хотя въ городѣ стѣны, и каменные были, вездѣ разбивались, и разламывались. И понеже городъ оной, наполненъ былъ различнаго рода животными, то чудной въ немъ, вездѣ слышенъ былъ голосъ, иныхъ мычащихъ, иныхъ воющихъ, иныхъ ревущихъ, иныхъ кричащихъ, иныхъ блеющихъ, а иныхъ сипящихъ. Змѣи прятались въ земные разсѣлины, птицы поднявшись накрылья лѣталиповоздуху, и оставя наконецъ въ осадѣ городъ, въ каменные стремнины, инавысокіе верхи горъ, улетѣли, тряслись деревья, и отпадающимъ своимъ листомъ, всѣ улицы укрывали. причемъ сказывано намъ, что тамо, около двадцати придворныхъ дѣвицъ, которые всѣ были розы и лилѣй, отъ перваго пушечнаго выстрѣла, испужавшись померло. Великое зборище, всякаго рода животныхъ, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ жителей, въ тѣсныя жила собранныхъ, чрезъ жаръ и безсонницу, всѣхъ изнуряло, домашніе же исправленія, и заразителные уже болѣзни, въ народѣ произ-

водили. Правда слоны, въ тѣхъ бѣдствїяхъ, больше всѣхъ крѣпились, однако наконецъ и тѣ, ужаснувшись отъ грому большихъ пушекъ, домы свои оставлять принуждены были. Чего ради, и самъ МЕЗЕНДОРИЧЕСКОЙ Імператоръ, отчаявся тогда живота своего, велѣлъ быть усебя, главному собранїю для совѣта, а какъ собрались, началъ онъ говорить ко всѣмъ.

Безумна наша есть, о граждане! война.
Съ людьми, которымъ вся, богами власть дана,
Какъ побѣдить такихъ, которыхъ все боится?
И коихъ духъ въ бѣдѣ крѣпчае становится?
Нелучшель намъ для всѣхъ, такой совѣтъ принять
Чтобъ покоряся тѣмъ, спокойно жить опять?

Противу чего всѣ, одногласно закричали.

Нѣтъ пользы намъ въ войнѣ, то правда, никакой

пусть

Пусть всѣмъ намъ будетъ
миръ желанной и покой.

И тако заразъ затѣмъ, императоръ, совсѣми его владѣнїю подлежащими землями, добровольно мнѣ покорился, такъ что я въ одинъ день тогда преогромную Імперїю, почти съ десятью королевствами; получилъ въ мою область; ибо примѣру Императора, послѣдуя и разные меншїе владѣтели, и провинцїалные властелины, всѣ совокупно, въ наше защищенїе отъ далися.

Потомъ удивительной удачѣ, учредя я въ столичномъ городѣ, изъ шести сотъ мушкатеровъ нашихъ гарнизонъ, плѣннаго Императора, приказалъ отвесть во флотъ нашъ. Онъ отъ меня, во всемъ ономъ путешествїи, содержанъ былъ, вовсегдашнемъ почтенїи, и какъ мы возвратились въ КВАМУ, пожалованъ былъ, цѣлою такою провинцїею которой доходы къ содержанїю плѣннаго владѣтеля, могли быть довольны. Отваля отъ пристани, плыли мы около береговъ Мезендорическихъ, и отъ многихъ народовъ, подлежавшихъ Императору *Миклополату*, брали аманатовъ. Такъ что всякой городокъ, устрашая войною, въ

въ короткое время, приведены въ мое подданство, всѣ тѣ народы, которые только, подъ Мезендорическимъ именемъ состояли. Народы, оные, побольшей части, были тѣжъ самые, которые уже описалъ я, въ Мартиніанскомъ моемъ путешествіи. Наконецъ, оставя Мезендорическіе земли, правили мы путь свой, прямо къ Мартиніи, которой напослѣдокъ береги, по благополучномъ, недолговремянномъ мореплаваніи, мы увидѣли. Никакой земли видъ, пріятнѣе для меня никогда небылъ, какъ тогда видъ Мартиніи. и когда я, въ умѣ моемъ разсуждалъ, что я уже императоромъ, и многихъ народовъ побѣдителемъ, возвращаюсь въ оную землю, въ которой предъ тѣмъ, въ числѣ колодниковъ, осужденъ былъ на галеру, великой радости, духъ мой наполнялся. И съ начала, намѣрялъ было я, обьявить всѣмъ откровенно мое, предътѣмъ бывшее состояніе, чрезъ чтобы больше, Мартиніянцы устрашены быть могли, однакожъ потомъ, отмѣнилъ намѣреніе, полезнѣе для меня разсуждая, принятое изъ прежде, и побѣжденныхъ уже народахъ, разсѣянное, о родинѣ моей утверждать заблужденіе, и посланникомъ солнца увсѣхъ почитаться, нежели чрезъ обьявленіе прежняго состоянія изобличить рядовой, да притомъ и подлой мой жребій.

хотя

Хотія я вЪ короткое время, и безЪ дальняго труда *Мартинганцов*Ъ, вѣдая довольно нѣжность ихЪ, покорить себѣ надѣялся, для того, что народЪ оной, склоненЪ будучи кЪ роскошамЪ, весь почти умЪ свой, погрузилЪ вЪ богатствахЪ, и вЪ наслажденіи долговремяннымЪ, какЪ вЪ земныхЪ, такЪ и вЪ морскихЪ веселостяхЪ, благополучіемЪ и успѣхами, однако искусство мнѣ, напротивЪ того, немалой тягости, имѣть сЪ ними дѣло оказало, ибо, вЪ разсужденіи оныхЪ торговЪ, которые они, вЪ весьма далекомЪ, и обширномЪ разстояніи, по подземному свѣту производили, безчисленные имѣли богатства, чрезЪ богатство же всегда, и такЪ скоро, какЪ бы только ни захотѣли, могли себѣ имѣть, готовую помочь, отЪ всѣхЪ самихЪ военнѣйшихЪ народовЪ. ПритомЪ же они, и вЪ искусствѣ мореплаванія, никакому подземному народу не уступали, когда противнымЪ образомЪ, наши, передЪ ихЪ кораблями, были совсѣмЪ бездѣльные, и ходЪ имѣли, гораздо тупяе и мешкотнѣе, ибо всякому легко понять, такого состоянія, могли быть корабли, строенные отЪ философіи бакалавра, чрезЪ зборное, всякихЪ народовЪ вспомогательство? И какЪ бы они оцѣнены были, ежели бы вЪ разбирательство

Голланцамъ, Агличанамъ и Датчанамъ достались? Толькожъ недостатокъ въ нихъ искусства довольно пополняли пушки, которые Мартиніанцамъ, дотого времяни были незнаемы.

Не оказывая еще, никакова непріятельскаго поступка, первѣе всего, отправилъ я къ сенату тамошнему пословъ, почти съ такими самими о мирѣ договорами, каковы отъ меня, и Мезендорическому Імператору были предлагаемы. Но пока мы, чрезъ пословъ оныхъ дожидались отвѣта, вдругъ явился намъ, весьма сильно вооруженной, и къ намъ прямо, стремящейся флотъ, какова мы, и воображать себѣ не могли. Чего ради, распорядя, сколько въ такой торопости было возможно флотъ нашъ, здѣлали мы къ морской войнѣ сигналъ. Долго тутъ съ обѣихъ сторонъ, равномѣрно храброе, и постоянное у насъ, происходило сраженіе. Мартиніанцы, вмѣсто пушекъ имѣли у себя, каменометные машины, которыми немалой, кораблямъ нашимъ вредъ причиняли; сверхъ того, были у нихъ и зажигательные суда, смолою, нефтью, сѣрою, и другими, огнепитательными матеріями нагруженные, отъ которыхъ у насъ, самой большой корабль сожженъ, и такъ, долго Марсъ нашъ, состоялъ въ сомнительствѣ, и

наши

наши, между намѣреніемъ войны, и бѣгу, втрепетѣ находились. Однакожъ наконецъ, ужасныя пушекъ нашихъ блистанія, сломали, и Мартиніанскаго духа постоянство, такъ что они, оставя войну, принуждены были, на берегъ убираться, но притомъ намъ, ни одного не удалось, поймать непріятельскаго судна, для того что они, будучи скоростію не въ примѣръ превосходнѣе нашихъ, въ одинъ мигъ у насъ, изъ глазъ убѣгали. Окончавъ сіе сраженіе, выгрузили мы пѣхотное войско на берегъ, и съ поспѣшеніемъ въ столичному Мартиніанскому городу, маршировали. Въ семъ походѣ, встрѣтились съ нами, послы наши, которые отъ тамошняго сената, весьма гордо приняты, и отпущены были, съ такимъ отвѣтомъ:

Бѣгите скоро прочь, отъ нашихъ вы сторонъ
И обьявите, пусть вашъ, знаетъ то владѣтель
Что жребіи намъ въ моряхъ, однимъ вручилъ содѣтель
Надъ камнямижъ одинъ, имѣетъ область онъ

Ибо Мартиніанцы, область надъ морями, себѣ однимъ присвояя, требованіе оное, отъ меня, горнаго владѣтеля, имъ предложенное, спесиво презирали. Однакожъ притомъ съ великимъ старательствомъ, начали они собирать войско. Ибо кромѣ наемныхъ салдатовъ, и всякъ у нихъ, кто только имя Мартиніанца носилъ, и по возрасту своему, въ службу годиться могъ, за оружіе, противу насъ принимался.

Насилу только мы, нѣсколько верстъ прошли, какъ вдругъ, весьма многочисленное войско, изъ разныхъ народовъ собранное въ стрѣчу къ намъ выступившее увидѣли. Такая отважность непріятелей уже и послѣ неудачной ихъ съ нами на морѣ войны оказавшаяся, немало насъ обезпокоивала, однакожъ послѣ явилось, что все оное войско, было одна воздушная *Метеора* которая какъ является, такъ вдругъ и изчезаетъ. Ибо оно, еще военнаго знаку невидя робѣло, а какъ лишь первой, изъ пушки отъ насъ учиненъ выстрѣлъ, тотчасъ съ великимъ смятеніемъ все въ бѣгъ обратилось, мы же слѣдуя за нимъ, въ побѣгѣ, превеликое салдатовъ тѣхъ множество, перебили, какъ то означилось изъ множества оныхъ перуковъ, которые нами, послѣ баталіи были собраны; ибо

ибо по числу оныхъ, около пяти тысячь, Мартиніанцовъ убитыхъ, насчитать было можно. Они по отъѣздѣ моемъ отъ туду, образцы паруковъ своихъ, отмѣнные уже имѣли; ибо я оныхъ, разныхъ фигуръ счелъ, болѣе двацати, потому какъ оной народъ, будучи весьма умной, изобрѣтенія свои, распространять могъ въ безконечность.

Послѣ благополучной оной войны, или лучше сказать побоища, безъ всякаго уже препятствія осадили мы и столичной городъ МАРТИНІЮ. Но какъ только у насъ изготовлены были всѣ принадлежности къ приступу, и разведены стали кругомъ пушки, пришли, въ нашъ лагерь съ покорностію, сами сенаторы, для здачи намъ какъ города, такъ и всей ихъ республики. Чего ради тотъ часъ, заключивъ съ ними миръ, по обыкновенію торжествующихъ побѣдителей, вошли мы, въ великолѣпнѣйшій оной городъ, и вошедъ внутрь увидѣли, что жители онаго, никакого между собою возмущенія, и торопости не имѣли, не такъ какъ оные обыкновенно, въ завоеванныхъ народахъ бываютъ, но только въ такомъ печальномъ молчаніи, и въ молчаливой прискорбности находились, что отъ страху сами не знали,

что оставить, и что съ собою брать, и будто въ забвенiи, одинъ съ другимъ, о томъ спрашивались, и иные на порогахъ дверей своихъ стояли, а иные внутри по домамъ будто въ послѣднiе съ ними прощаясь, шатались. Однакожъ мы, добровольно здавшiйся городъ безъ обидъ, во всякой цѣлости оставили. И для того вся, жителей тамошнихъ печаль обратилась въ радость. Я вшедъ въ казенные, республики полаты, ужаснулся съ виду необъятныхъ сокровищъ, и изъ оныхъ, знатную часть роздалъ салдатамъ, а оставшее все, велѣлъ причесть къ казнѣ моей. Потомъ, учредя и въ Мартинiи также гарнизонъ, взяли мы во флотъ нашъ, нѣсколько изъ числа сенаторовъ въ аманаты, между которыми былъ, и главной сенатской прокуроръ съ женою, которая на меня вину, бывшую ссылки моей причиною, ложно всклепала. Однакожъ я, не отмщевалъ имъ онаго своего безчестiя, за непристойно почитая, толь знатному монарху, отмщевать обиду, портшеза носильщику оказанную.

По завоеванiи Мартинiанцовъ, намѣренъ былъ я воевать еще, и на сосѣдные къ оной республикѣ народы. Однакожъ, въ самое то время, какъ только флотъ нашъ отъ берега хотѣлъ отпускаться, пришли

изъ

изъ четырехъ королевствъ послы, съ порученіемъ всѣхъ оныхъ королевствъ, въ мою область; и такъ столькими уже тогда, сталъ я обладать землями, что и объ имѣнахъ оныхъ королевствъ, спрашивать нужды мнѣ не было. Доволствуясь всѣ оныя считать, подъ однимъ званіемъ, королевствъ Мартиніанскихъ.

ГЛАВА XIV

Объ окончаніи игралища фортуны.

Окончавъ толь ужасныя дѣла, и умножа знатно флотъ нашъ присовокупленіемъ къ нему кораблей Мартиніанскихъ, отпустились мы съ намѣреніемъ возвращенія въ свое отечество, и возвратясь въ оное, съ превышнимъ великолѣпіемъ, здѣлали мы такое торжество, которому равнаго римляны, вѣкъ у себя не видали. И подлинно: въ разсужденіи самаго, толь славныхъ дѣлъ величества, никакое великолѣпіе, и никакая пышность, не могла тутъ быть лишнею? Ибо что героичнаго имени достойнѣе? какъ народъ, недавно предъ тѣмъ презрѣнной, и всѣхъ нападеніямъ подверженной, въ короткое время, перемѣнить было въ царя, и обладателя всего подземнаго свѣта? Что же и для меня самаго, человѣка

между

между толь многими, инородными тварями живущаго, могло большую, причинить честь и прославленіе, какъ открытіе, человѣческому роду онаго владычества, которое ему натура, надъ прочими животными поручила? Великолѣпность торжества сего, съ какою встрѣчею, и съ какою искренностію, всѣ люди, всѣ возрасты и всѣ чины въ то время меня тамо принимали, ни въ нарочномъ пространномъ описаніи, не только въ сихъ короткихъ листкахъ, по достоинству изображена быть не можетъ. Съ того времяни, новое можно учредить, въ исторіи лѣточисленіе, и числить уже пять а не четырѣ Монархіи, то есть: Ассирійскую, Персидскую, Греческую, Римскую, и Квамскую подземную, изъ которыхъ послѣдняя, кажется, великостію и силою, и всѣ первые превосходитъ. Тогда къ титулу моему прибавилось еще званіе, Обладателя КОРОЛЕВСТВЪ МАРТИНІАНСКИХЪ, и ГОСУДАРЯ МАРТИНІИ.

Столь область, стала быть, обширна ужъ моя
И крайнѣ зваться могъ, чрезъ ссылку щасливъ я

Одинъ

Одинъ конецъ въ житьѣ,
всѣмъ щастьямъ есть печать.
безъ щастлива конца, все
щастье наплевать.

Ибо, когда пришелъ я, въ такую власть и благополучіе, которое насилу, во всемъ желаніи человѣческомъ, вмѣщено быть можетъ, приключилось мнѣ тожъ самое, что приключается людямъ, изъ подлаго и негоднаго рожденія, въ верховныя на свѣтѣ достоинства произходящимъ. Для того, что я не памятуя, о прежнемъ моемъ состояніи, непомѣрную взялъ себѣ гордость, и вмѣсто того, чтобъ мнѣ всѣхъ почитать, и отъ всего народа, искать любви и пріятства, жестокимъ и свирѣпымъ на всѣ чины здѣлался нападчикомъ, всѣхъ тѣхъ моихъ подданныхъ, которые до того, всегдаласканы были моею благосклонностію, и повѣренностію, будто плѣнныхъ рабовъ презирая, такъ что никто со мною въ разговоръ, безъ нѣкоторой благоподобной ко мнѣ раболѣпности допускаемъ не былъ. А и кто допущенъ бывалъ, весьма гордой, и свирѣпой отъ меня пріемъ видѣлъ, чрезъ что въ короткое время, всѣхъ сердца отъ меня отвратились, и любовь народа, перешла въ страхъ и по-

стылость. О чемъ довольно увѣрился я, изъ поступка ихъ съ моимъ указомъ, которымъ отъ меня, нижеслѣдующее предложено было Квамцамъ: Императрица, которую я оставилъ беременную, родила безъ меня принца. Я сего принца унаслѣдить по себѣ желая, указалъ всеобщему быть собранїю и для торжественнаго, оному принцу, наслѣдникомъ моимъ нареченїя, приглашалъ къ себѣ какъ Квамцовъ, такъ и знатнѣйшихъ особъ, изъ завоеванныхъ народовъ. Никто правда, сему указу моему, попротивиться не смѣлъ, почему и нареченїе оное, съ великою пышностїю отправилось. Однако притомъ, не трудно было мнѣ примѣчать, какъ подданныхъ видъ, весь состоялъ въ притворствѣ, и какъ вся та радость, которую они на себѣ показывали, была лицемѣрна. Утверждали ктомужъ во мнѣ подозрѣнїе и разсѣянные, въ то время, отъ неизвѣстныхъ сочинителей, пасквили, въ которыхъ обида, принцу Темузу, онымъ избранїемъ учиненная, остроумно была описана. Сїи пасквили, такую печаль и смущенїе духа во мнѣ возбудили, что я, до тѣхъ поръ не могъ успокоиться, пока преизряднаго онаго принца, не лишилъ жизни. Явно я его, какъ королевскаго сына, и ничемъ мнѣ невиноватаго убить, за безразсудное почиталъ

читалъ дѣло, и для того умыслилъ, прибирать такихъ людей, которыя бы на него измѣну противъ меня, доказать могли, и какъ знатныхъ людей погрѣшности, никогда не бываютъ безъ услужниковъ и вспомогателей, то не трудно и для меня; пріискались такіе, которые присягою утвердили, будто оной принцъ, намѣрялъ учинить бунтъ, и на животъ мой, злой имѣлъ умыселъ. Чего ради онъ, посаженъ былъ въ тюрьму, и отъ судей, которыхъ большая часть, мною была подкуплена, приговоренъ къ смерти. Однакожъ, исполненіе того приговора, въ разсужденіи, чтобъ не возмутить народа, учинено надъ нимъ потаенно.

Что же касается, до меншаго принца, то убійство онаго, по причинѣ его малолѣтства, мною отсрочено было до времени. И тако онъ, не имѣя никакой надежды, защищенія своего въ правѣ, по одному лѣтъ своихъ несовершенству, нѣсколько спасся. Я, осквернившись таковымъ человѣкоубійствомъ, весьма строгое, и малодушное началъ имѣть правленіе, и наконецъ свирѣпость моя, дотого дошла, что я всѣхъ какъ Квамцовъ, такъ и другихъ, о которыхъ только вѣрности, хотя малое, могло приходить мнѣ подозрѣніе, предавалъ

смерти, и ниодинъ почти у меня день не проходилъ безъ кровопролитія, или чьего ниесть погубленія, чрезъ что бунтъ оной, которой давно уже учинить, знатность тамошняя намѣряла, отъ часу противъ меня пріускорялся.

Того ради признаю и самъ, что всѣ оныя бѣдствія, которыя послѣ претерпѣлъ я, дѣльно и по достоинству мнѣ приключились. Славнѣе подлинно, и сходнѣе съ именемъ Христіанскаго владѣтеля было бы для меня то, ежели бы я не мысленной, и идолопоклоннической оной народъ, къ истинному, привелъ познанію бога, нежели что я войну за войною затѣвая, неповиннаго народа кровію, переполнилъ свои руки. Особливо же, что мнѣ оной народъ, богознаніемъ просвѣтить, ни как й и трудности не было, для того что онъ всѣ мои установленія, принималъ съ жадностію, и сколько я ему словъ ни выпустилъ, столько онъ почиталъ у себя оракуловъ. Однако я, забывъ бога, и себя самаго, ни очемъ больше и думать не хотѣлъ, какъ объ одномъ, тщеславія и власти моей, расширеніи.

Убійство, бѣдныхъ кровь, война, огонь и мечь.

Всегда во снѣ и въ явъ, мечтались мнѣ въ глазахъ,

Не могъ отъ злобы я, тиранску мысль отвлечь,

Пока очнулся весь, въ погибельныхъ бѣдахъ.

Сверхъ того, принялъ я еще, всего злѣйшее намѣреніе, больше умножить, нежели прекратить, народнаго раздраженія причины, будто бы то, въ чемъ я погрѣшилъ противъ справедливости, могло свирѣпостію, быть исправлено. И такъ я, имѣлъ тогда обычай, противъ дружескихъ увѣщаній отвѣтствовать, якобы таковы, мои жестокіе поступки, по важности дѣлъ, и по новости моего владѣнія, принужденно происходить должны. Чего ради, отъ одного злаго корени, безчисленные, возрасли плоды злые, и въ толь крайнее, врынулся я бѣдствіе, что изъ моего примѣра, можетъ всякъ научится, каково есть въ свѣтѣ человѣческихъ дѣлъ взаимство и какъ слабо, и недолговѣчно свирѣпое, и насильственное властительство.

Противу жестокости, моего владѣнія, равномѣрно возрастала ко мнѣ, холодность моихъ подданныхъ, какъ Квамцовъ, такъ и завоезанныхъ народовъ. Они примѣчая, что пороки оные, которымъ я себя поработилъ, вовсе несогласны были, съ вѣрою божественнаго произхожденія, и небесному человѣку, или посланнику солнца ни почему несвойствовались, начали все разбирать по обстоятельнѣе, а особливо, о причинѣ моего къ нимъ приходу, и о состояніиономъ, въ какомъ первоначально, тамошніе жители меня видѣли, наиприлѣжнѣе слѣдовать. Видѣли они, что удивительныя оныя дѣла, которыя мною тамо оказаны, больше удивительными были, по невѣжеству Квамцовъ, нежели по моему искусству, а наипаче, когда они, отъ прежняго невѣжества просвѣтившись, во многихъ дѣлахъ погрѣшность, или ошибку мою находили. Строжае всѣхъ другихъ, переслѣдованіе о дѣлахъ моихъ имѣли Киспуціаны, народъ остроэрительной, и разсужденіемъ сильной. Они примѣчали, что между публикованными, въ народъ моими указами, столько было вещей негодныхъ и дурацкихъ, что по онымъ меня, въ политическихъ вещахъ несмысленнымъ, явственно всѣмъ признавать было можно. Да и не безъ справедливости, таково ихъ было переслѣдываніе, для того, что какъ правителямъ моего житія и

ученія,

ученія, престолъ и скипетръ, никогда и во снѣ не грѣживался, то они и меня обучали такимъ только наукамъ, которые больше пасторства, или клиричества кандидату, нежели къ обладанію народа, приготовляемому принцу приличествовали, и оное мое знаніе, которое сверхъ нѣкоторой, богословской системы, и сверхъ нѣкоторыхъ, метафисическихъ терминовъ, не простиралось, очень мало имѣло сходства, съ тогдашнымъ состояніемъ, гдѣ мнѣ правленіе двухъ имперіи и около дватцати королевствъ предлежало. Сверьхъ того примѣчали и Мартиніанцы, что состроенные мною корабли военные, столько были неправильны, что къ сраженію, съ порядочными флотами, вовсе не годятся, и для того корабельную мою надъ ними побѣду, причитали они одному пушечному вымыслу. Такія и тѣмъ подобныя располагая они надо мною преслѣдыванія, воспоминали и оной способъ, какимъ я изъ моря на берегъ былъ вынесенъ, то есть: что я принесенъ туда, на разбитой отъ морскаго судна доскѣ, въ обсрваномъ платье, и почти отъ голода и жажды умирающимъ, каково состояніе, посланнику солнца, не могло сходствовать, притомъ оныежъ Мартиніанцы, будучи великіе, небесной физики

сики

сики знатели, и нѣкоторыя астрономическія основанія, Квамцамъ толковали, обьявляя, что солнце, есть тѣло бездушное, и отъ всемогущаго бога на тотъ одинъ конецъ въ центрѣ неба положенное, чтобъ оно прочіе вещи освѣщало, и теплотою животныхъ грѣло, и понеже оно есть огненныя натуры, то земнымъ животнымъ никакъ жилищемъ быть не можетъ.

Такими, и тому подобными непріязнеными погудками, ежедневно состояніе мое пересужаемо было. Однакожъ, все то еще состояло въ однихъ пошептахъ для того, что никто за страхъ власти моей, явно о томъ говорить и откровенно мысли свои, обьявлять не отважился и по сей причинѣ чрезъ долгое время, неизвѣстно мнѣ было, что недоброжелательство ко мнѣ, въ подданныхъ моихъ столько усилилось, что мнѣ по оному, самому уже до себя, дѣло доходило, пока наконецъ, все мое сомнѣніе крайнѣ рѣшила книжечка, Канаискимъ языкомъ сочиненная, подъ симъ именемъ ЩАСТЛИВОЕ КОРАБЛЕРАЗБІЕНІЕ, ибо я предъ симъ еще упомянулъ, что Канаисцы, въ составленіи язвительныхъ рѣчей безмѣрно искусны и привычны были, почему, и главные у нихъ

войны

войны однѣми ругательствами отправлялись; книжка оная, содержала въ себѣ, всѣ оные противъ меня улики, которые я обьявилъ выше сего, и написана была острымъ, и угрызательнымъ штилемъ по природной свойственности Каналисцовъ, которые въ семъ писанія родѣ надъ всѣми имѣютъ превосходство.

Однакожъ я, въ такомъ тогда малодушіи, и въ надеждѣ на свою силу оставался, что ни какихъ увѣщаній слушать и ни чрезъ что опамятоваться, и въ лучшее пріити чувство не могъ, и не хотѣлъ, ибо какія ни предлагаемы мнѣ были, отъ пріятелей совѣты, всѣ оные, больше поджигали, нежели утушали, мое свирѣпство. Чего ради, добираясь я узнать, издателя помянутой книжки, нѣсколько человѣкъ, на которыхъ мнѣ было подозрѣніе, велѣлъ схватить, и прежестокими пытками мучить. Однакожъ они, всѣ муки, съ удивительнымъ постоянствомъ, терпѣли, такъ что по оному моему свирѣпству ничего больше не послѣдовало, кромѣ что гнѣвъ, перешелъ во мнѣ въ бѣшенство. И такъ судьба, преодолѣвала всѣ умыслы человѣчества, и я съ неудержнымъ стремленіемъ, спѣшилъ къ погибѣли.

При такомъ состоянїи дѣлъ моихъ, принялъ я намѣренїе схватить и оставшаго принца ГИКСОУ, и съ тѣмъ открылся великому канцлеру КАЛАКУ, которой у меня вѣрнее всѣхъ считался. Посулился, правда онъ все для меня употребить старательство и послушанїе, и тотчасъ, будто бы для исполненїя моей воли, пошелъ однакожъ въ самомъ дѣлѣ оное мое намѣренїе, тайнымъ образомъ проклиная, весь мой умыселъ, объявилъ принцу; и такъ оба они, въ бывшую при городѣ, весьма утвержденную крѣпость заперлися, гдѣ канцлеръ оной, собравъ тѣлохранительное войско, довольною рѣчью настоящее имъ состоянїе изъяснилъ откровенно; и какъ притомъ слезы и воздыханїя бѣдствующаго принца, не малую его рѣчи присовокупляли важность, то тотчасъ всѣ, принялись за оружїе, обѣщаясь, за цѣлость принцова здравїя, положить свои души. Чего ради, остроумнѣйшїй, упоминаемой канцлеръ, згоряча употребляя въ свою пользу салдатскїя сердца, всѣхъ принудилъ присягнуть, на вѣрность принцу. Потомъ, разослалъ потаенно вѣсти, и къ другимъ, которыхъ мнѣ, недоброжелательными вѣдалъ, поощряя и ихъ, къ принятїю оружїя, противъ такова тирана, которой умышлялъ, въ конецъ искоренить,

старинное королевское колѣно. И тако вооружась, сбѣгались толпами всѣ тѣ, которыхъ либо ненависть, либо страхъ моего мучительства, противъ меня ожесточали, и всѣ они, съ тѣлосохранительнымъ войскомъ соединились. Тутъ я, въ то время, когда ожидалъ къ себѣ Канцлерова возвращенія,

Въ палатахъ вдругъ моихъ, услышалъ страшну вѣсть,
Что городъ весь тогда, противъ меня взмутился
И презря всю мою, верховну царску честь,
Свирѣпо всякъ убить, какъ звѣрь, меня стремился.

Тогда совѣтовалъ мнѣ ТОМОПОЛОКЪ, за благовремянно къ Танахитамъ убираться. Не мешкай, говоритъ, осталось намъ только, въ отечествѣ моемъ собрать войско, и чрезъ оное одно, тушить сей, столько разгорѣвшійся, бунтующихъ пламень. Сіи его рѣчи, смущенной духъ мой, принимая въ сомнительствѣ, долго со страхомъ, и съ надеждою перебарывался, однако наконецъ, склонясь на его совѣтъ, выбѣжалъ я изъ

КВАМЫ безъ всякаго препятствїя, а какъ еще тогда причина бунта многимъ была неизвѣстна, пришедъ къ границамъ Танахитскимъ, велѣлъ я собираться всѣмъ тѣмъ, которые только ружьемъ владѣть могли, и такъ скопивъ войска, до 40000, въ которомъ большая часть, Танахитовъ была, пошелъ съ онымъ обратно къ КВАМУ, будучи въ надеждѣ, что армїя моя, чрезъ присовокупленїе къ ней, оставшихся въ вѣрности ко мнѣ Квамцовъ, знатное себѣ получитъ приращенїе. Однакожъ пустая въ томъ была моя надежда; ибо вмѣсто вспомогательныхъ войскъ, которые я безумно сулилъ себѣ, постреѣчалъ меня военной посолъ, съ грамотою отъ принцова имени написанною, въ которой мнѣ какъ коварному похитителю короны, законная обьявлена война, съ увѣдомленїемъ притомъ, что супруга моя, съ рожденнымъ отъ нeѣ сыномъ, содержится подъ карауломъ. Не много времяни спустя, по отъѣздѣ военнаго посла; увидѣли мы Квамское войско, съ бунтующимъ принцомъ. И понеже оное войско, великое множество имѣло при себѣ пушекъ, то я сразиться съ нимъ не осмѣлился, до тѣхъ поръ, пока приумножится моя армїя, и для того остоновясь на одномъ мѣстѣ, обнесъ я лагерь свой, шанцами и редутами. Но примѣтя, что

салдаты

салдаты мои тайно перебѣгали къ непрія-
телю, и что притомъ непріятельское вой-
ско, еще новаго къ себѣ, дожидало вспо-
моженія, по совѣту моихъ полководцевъ,
и по согласію къ томужъ и самого Томо-
полока, опредѣлилъ я, дать съ нимъ ба-
талію. Сраженіе сіе происходило у насъ,
на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько
лѣтъ назадъ, прогнаны мною были Тана-
хиты. Непріятельскіе пушки, тотъ часъ
строй нашъ смѣшали, и весьма мнѣ было
жалко, что тогда, порожало меня
собственное мое изобрѣтеніе, и побѣ-
жденнымъ непріятелю, предавало то
самое оружіе, которое яже и здѣлалъ.
Однакожъ салдаты мои, чрезъ нѣсколько
времяни, нападеніе бунтовщиковъ выдер-
живали, пока Томополокъ, въ храбромъ
своемъ противъ непріятеля дѣйствіи, пу-
шечнымъ ядромъ не прострѣленъ. Послѣ
же того, всѣ мы оказавши тылъ, промеж-
ду горъ и лѣсовъ, принуждены искать убѣ-
жища, я взодравшись на каменную гору,
бросился черезъ голову, въ прилежащей къ
ней раздолъ, и тамо поостановясь нѣс-
колько, бѣдственную долю, или лучше
безумство мое, проклиналъ съ безполез-
ными, поздными слезами и вздохами, и та-
кое тогда духа моего было смятеніе,
что я не опамятовался, снять съ себя са-

 мую

мую мою корону, которая, отъ солнечныхъ лучей свѣтяся, всегда меня непрїятелямъ, предавать могла. Посидѣвъ съ великимъ трепетомъ, около получаса въ ономъ раздолѣ, услышалъ я голосъ людей, на гору всходящихъ, и съ великою яростїю бѣглаго меня, для казни поимать желающихъ, чего ради, умысля опять спасаться бѣгомъ, искалъ я тайныхъ мѣстъ. Въ околичности же.

Ужасной тамо лѣсъ все мѣсто занималъ
И разныхъ родъ деревъ терновникъ окружалъ;
Туда ползущи я, на тесной вспалъ слѣдокъ
И слѣпо лезъ куда велѣлъ нещастной рокъ.

Послѣ приползъ я къ ямѣ, у которой не много поостановяся, тяжкую въ изнеможенїи моемъ провелъ отдышку, отдохнувши же, тотчасъ на брюхѣ, въ ползъ въ нее, и примѣчая что она, весьма была глубока и нависла, хотя стремнинъ, и не имѣла, положилъ я намѣренїе, на дно ее опуститься; но насилу только, пролезъ въ нее

нѣт аршин до ста, как вдруг попал, на крутое и стремительное мѣсто, откуду будто молніею столкнут полетѣл, по не прозрачной темнотѣ, и не престающей ночи, пока наконец, нѣкоторая забрежжилась в глазах моих свѣтлость, новонастоящей луны слабому свѣтѣнію подобная. Потом чем больше прибавлялась мнѣ свѣтлость, тѣм чувствительнѣе мало помалу ослабѣвало паденія моего стремительство, так что я, самым легчайшим образом, будто из воды вынырая, между нѣкоторых каменных гор, в цѣлости очутился, и послѣ оные горы, с великим ума моего ужасом увидѣл быть тѣж самые, из которых за нѣсколько лѣт назад, в подземныя мѣста опускался. Причиною, ослабѣвшаго в паденіи моем стремительства, я по нѣсколькоывремянном размышленіи моем заключал быть свойство сверх земной нашей Атмосферы, которая весь свой имѣет тяжелѣ, нежели подземная; ибо ежели бы она не была тяжелѣ, то надлежало бы мнѣ, тоже приключеніе имѣть и в восхожденіи моем на верьх, каково я имѣл, в нисхожденіи на низ. И тако по воздуху, даже до окружности луны быть занесенну. Однакож я, сіе мнѣніе, благоразумнѣйшему Физиков разбирательству подвергаю.

ГЛАВА

ГЛАВА XV.

О возвращенїи Климовом въ отечество и объ окончанїи пятой Монархїи,

Долго лежалъ я, между предписанныхъ горъ, безъ всякаго чувства, ибо великое тогда, здѣлалось въ мозгу моемъ замѣшательство, какъ отъ самаго моего паденїя, такъ и отъ удивительной оной перебразности, чрезъ которую я себя, въ другъ изъ основателя пятой монархїи, въ бѣднаго и голоднаго бакалавра перемѣнившимся видѣлъ. И подлинно приключенїе сїе, столько дико, и стихотворческимъ вымысламъ подобно было, что оно и самой твердой, и порядочной умъ, помѣшать могло безъ трудности. И тако, началъ я самъ у своихъ мыслей спрашиваться, истинна ли то, что я вижу, или оно мнѣ, во снѣ грѣзится. но когда, по утишенїи нѣсколько, моего возмущенїя, сталъ я приходить въ чювство, къ ужасу моему, присовокупилась печаль и ярость.

Тогда поднявши въ верхъ свои
я съ стономъ руки
Вскричалъ: всемощный мой и
тварей всѣхъ Творецъ

въ

въ такіель ты меня судилъ низвергнуть муки
Таковъ ли славѣ я, мечталъ своей конецъ

И подлинно; ежели перебрать всѣ лѣтописи и історіи, какъ прошедшихъ временъ, такъ и нашего вѣка, насилу можно найти, образецъ подобнаго приключенія. Такія то претерпѣлъ я надъ собою игралища фортуны. Въ нѣсколько часовыхъ минутъ, вырваны у меня изъ рукъ, двѣ большія імперіи, съ дватцатью почти королевствами, которыхъ только одни тѣни, и призраки въ головѣ моей остались. Недавно былъ я монархомъ, послѣ вдругъ въ отечествѣ моемъ, насилу могъ надѣяться, быть схолархомъ, или учителемъ робячей школы. За нѣсколько предъ тѣмъ часовъ, слылъ я посланникомъ солнца, а тогда по бѣдности своей боялся, чтобъ не попасть въ епископскіе, либо въ ігуменскіе слуги: Недавно, окружали меня, слава, надежда, радость, побѣда; а послѣ кругомъ обняли, труды, бѣдства, печали, слезы и воздыханія; и наконецъ маловременствомъ моего благополучія, подобенъ я былъ травѣ, отъ солнца увядающей. Вдругъ я явился, вдругъ и изчезъ. Кратко сказать: печаль, ярость, безпокойство, гнѣвъ и отчаяніе,

столько тогда, взволновали духъ мой, что я, иногда подумывалъ, самъ себя пронесть саблею, а иногда намѣревалъ, опять бросаться въ ту пропасть, изъ которой вынырнулъ, желая еще отвѣдать, не будетъ ли мнѣ лучшей удачи, во вторичной экспедиціи подземной.

И такъ, трекратно я, то здѣлать умышлялъ,
Трекратножъ и опять, свой умыслъ отмѣнялъ

А особливо никакой погибельной отвагѣ, не допускали меня, попеченіе о душѣ, и основанія Христіанской вѣры, которыя запрещаютъ, невинную душу, прежде Создателева опредѣленія разлучать отъ тѣла.

Чего ради, сталъ я уже силиться, сходить съ горы, каменистою оною, и тѣсною дорожкою, которая лежитъ къ *Сандпиху*. Но понеже умъ мой тогда, глубокими разорванъ былъ размышленіями, то я нѣсколько разъ, на дорогѣ остонавливался. Ибо всѣ мои мысли, погружены состояли, въ разсматриваніи пятой оной монархіи. Она пустыми, но свѣжими еще воображеніями своими, столько въ мысляхъ моихъ

углублена

углублена была, что я отъ того, почти было ума лишился. Да и подлинно, оное потеряніе, моего достоинства и власти, такъ велико было, что оно никакими, въ отечествѣ моемъ, для меня удачами, по моему мнѣнію, не могло наградиться. Я представлялъ себѣ, что пусть бы меня здѣлали, въ сей бергенской провинціи, или, что еще и того больше, въ цѣлой Норвегіи правителемъ, но какое то награжденіе? какая бы утѣха была недавно обладавшему, толикими Імперіями монарху, и основателю оныхъ? Однакожъ притомъ положилъ я у себя въ намѣреніи, чтобъ не совсѣмъ отказываться отъ начальства, ежели только какое, въ отечествѣ для меня, опредѣляемо будетъ. Когда въ такихъ мысляхъ, перешелъ я половину дороги, увидѣлъ тамо нѣкакихъ робятъ, которыхъ маханіемъ рукъ приглашая, требовалъ отъ нихъ пособія, сими словами: ЕРУ ПИКАЛЪ САЛИМЪ, что Квамскихъ языкомъ значитъ: ПОКАЖИТЕ МНѢ ДОРОГУ. Но робяты, увидѣвъ человѣка, въ дикомъ для нихъ платьѣ, и въ блистающей, отъ солнечныхъ лучей шапкѣ сътрепетомъ, и ужаснымъ крикомъ черезъ голову изъ горъ бросились, такъ что по моему тихому, передъ ними ходу, и по задержанію меня, отъ слабости ногъ, и отъ каменныхъ по доро-

гѣ обломковъ, они меня обѣжавъ цѣлымъ часомъ скоряе въ *Сандаикъ* пришли, и тамо всю деревню, въ великой привели страхъ, клятвами божася, что они видѣли между горами шатающагося, Iерусалимскаго сапожника, отъ солнечныхъ лучей блистающаго, и частыми воздыханiями, болѣзнь души своей оказывающаго. Когда ихъ спрашивали поселяны, почему они знаютъ, что то сапожникъ Iерусалимской; отвѣчали, что я имъ самъ объявлялъ, объ имени и объ отечествѣ моемъ. Я догадывался, что дурачество сiе, произошло въ нихъ, отъ невыразумѣнiя оныхъ словъ, ЕРУ ПИКАЛЪ САЛИМЪ, чего ради, вся тамошняя деревня возмутилась, и никто о истиннѣ дѣла не сомнѣвался, а особливо потому, что у нихъ недавно предъ тѣмъ, возобновлена была погудками басня, о хожденiи по мѣстамъ, Iерусалимскаго сапожника, которой какъ сказывали, не весьма давно и въ Гамбургѣ являлся.

Когда, около вечера, пришелъ и я къ *Сандпику* увидѣлъ всѣхъ, тоя деревни жителей, въ одно мѣсто собранныхъ, которыхъ, врожденное всякому человѣку, къ знанiю рѣдкихъ вещей желанiе, къ тому сходбищу побуждало. Они для принятiя, меня новаго гостя, чрезъ долгое время,

подъ

подъ горою съ ожиданїемъ стояли, тольможъ, какъ скоро рѣчь мою заслышали, всѣ до единаго, на смерть перепужавшись, врозь разсыпались, кромѣ одного только старика, которой будучи отважнѣе другихъ, ни съ мѣста не тронулся. Я тотчасъ, сталъ къ нему говорить спрашивая, можетъ ли онъ дать у себя пристанище, скитающемуся человѣку, но онъ напротивъ того, выспрашивалъ у меня:

Отъ куду я? и гдѣ, имѣю въ свѣтѣ родъ?
Какъ имя мнѣ, и съ чемъ къ нимъ принялъ я приходъ!

На то я ему отвѣчалъ:

Со вздохомъ жалостной, мой голосъ износя;
Чтобъ вѣстна быть могла, тебѣ зла доля вся,
Котору порознь я, чрезъ много лѣтъ имѣлъ,
Не можетъ дня сего, къ тому довлѣть предѣлъ.

Но

Но когда буду принятъ въ домъ твой, порядочно разскажу тебѣ, всѣ оныя мои приключенія, которыя по виду своему, всякое вѣроятіе превосходятъ, и которымъ примѣра, никакая въ свѣтѣ їсторія, непредставитъ. Старикъ, жаденъ будучи къ новости, взялъ меня за руку, и повелъ въ домъ свой, ругая, безрассудной страхъ своихъ сосѣдовъ, которые всякаго незнаемаго лица, будто явленія кометы пугаются. Я вошедши въ ево хоромы, попросилъ холодной воды, для утушенія моей жажды; но онъ тотчасъ, подалъ мнѣ стаканъ пива самъ. Ибо ни жена, ни служанки его, за страхомъ входить къ намъ не отважились. Я выпивъ оной стаканъ, и утуша жаждной жаръ, началъ говорить къ нему, такимъ образомъ: теперь видишь ты у себя человѣка, безпримѣрными бѣдствіями умученнаго, и столько игралищь фортуны, на себѣ понесшаго, сколько ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ. Правда, чрезъ многіе образцы извѣстно, что часто, и самыя величайшія въ свѣтѣ дѣла, въ одно времяни мгновеніе превращаются, однакожъ тѣ приключенія, которыя пострадалъ я, не только всякой образецъ, но и всякое вѣроятіе превосходятъ; ибо

одна

Одна фортуна ихъ, могла лишъ выставлять,
Кромѣжъ еѣ никто, не можетъ и понять

На сіе отвѣчалъ хозяинъ: таковъ де обыкновенно жребій, бываетъ тѣмъ, которые долговремянно, по свѣту шатаются. Ибо какихъ переворотовъ, и какихъ припадковъ, не можно отвѣдать человѣку, чрезъ 1600 лѣтъ странствующему? я, не могши вовся понять его мысли, спросилъ его, что онъ, чрезъ оные тысячу шесть сотъ лѣтъ разумѣетъ. Отвѣчалъ онъ, ежели де історіямъ вѣрить должно, то ужѐ нынѣ, 1600 лѣтъ тому, какъ Іерусалимъ раззоренъ. Яжъ де государь мой не сомнѣваюсь, что ты и во время онаго раззоренія, ужѐ былъ совершенныхъ лѣтъ. Ибо ежели де правда, что о тебѣ слухомъ у насъ проноситься, то конечно рожденіе твое, можно причесть ко времени, Тиверіева владѣнія. Я сіе выслушавъ замолчалъ, думая, что старикъ, въ безумствѣ брѣдитъ, потомъ тотчасъ обьявилъ, что оной его рѣчи, безъ толмача разумѣть мнѣ не возможно. Но онъ схватя, принесъ ко мнѣ картину на которой, изображенъ былъ хр мъ Іеруса-

русалимской, спрашивая меня, много ли на ней рисовальщикъ, погрѣшилъ противъ подлинника. Чего ради я, и въ крайней тогда будучи печали, отъ смѣху не могъ удержаться, и принужденъ былъ спрашивать, толь темнозапутанной его рѣчи, причины. На что отвѣчалъ онъ; ошибаюсь ли де я или нѣтъ; самъ не знаю. Сказываютъ здѣшняго мѣста жители, что ты оной, славимой въ исторіяхъ, сапожникъ Іерусалимской, которой еще отъ Хрістовыхъ времянъ, по свѣту скитается. Однакожъ, чемъ прилѣжнѣе я къ тебѣ присматриваюсь, тѣмъ больше припоминаю себѣ, стариннаго моего пріятеля, которой за двѣнатцать лѣтъ назадъ, на верьху здѣшней горы пропалъ. По симъ его словамъ, отошла вдругъ, и отъ моихъ глазъ слѣпота; ибо и я узналъ тогда, что онъ есть, мой прежній пріятель Абелинъ, къ которому я часто въ домъ хаживалъ въ бергенѣ, и для того тотчасъ бросился я обнимать его, и ухватясь, обѣими руками ему за шею, сказалъ: тебя ли я Абелинъ обнимаю? насилу въ томъ глазамъ, на силу рукамъ моимъ могу вѣрить, теперь ты видишъ твоего Клима, изъ ада вышедшаго: ибо я тотъ самой, которой за двѣнатцать лѣтъ назадъ, стремглавъ летѣлъ въ яму. Отъ такова нечаяннаго явленія, смутяся старикъ.

Не инако

Неинако стоялъ, безъ гласа изумленъ
Какъ громомъ кто кокда, бываетъ приглушенъ.

По томъ сказалъ: вижу лице моего Клима, знакомой голосъ его, трогаетъ мои уши, для того что онъ точно, таковъ былъ статью и рѣчью, однакожъ чтобъ истинной онъ былъ, самимъ чувствамъ моимъ вѣрить, и не возможно и не должно, по тому что нынѣ, мертвые не встаютъ: а надлежитъ де для увѣренія въ томъ рѣчи твоей имѣть дѣйствительнѣйшихъ свидѣтелей, и крѣпчайшія доказательства.

Того ради я, испровергая его невѣрство, сталъ явственно, и въ подробности расчитать ему все то, что изъ стари у насъ, съ нимъ происходило, что выслушавъ онъ, наконецъ оставилъ все, мыслей своихъ сомнительство, и обнявъ меня съ великими слезами закричалъ: теперь подлинно я вижу того человѣка, котораго прежде почиталъ привидѣніемъ. Но скажи мнѣ обстоятельно Климъ; гдѣ ты чрезъ столько времени прожилъ, и отъ куду увидительное сіе, и варвар-

ское досталъ себѣ одѣянїе? тогда я, началъ ему росказывать по порядку все то, что мнѣ, по случаю моего въ яму опущенїя послѣдовало, и онъ всѣ мои росказы, весьма внимательно слушалъ, до тѣхъ поръ, пока пришло говорить о планетѣ Назарѣ, и о деревьяхъ рѣчью и разумомъ одаренныхъ. А съ тѣхъ мѣстъ нетерпѣливо отзывался мнѣ: что только, говоритъ, человѣку во снѣ грезится, что въ безумствѣ кому мечтается, или какїе пьяницамъ, отъ перепою вздоры, на глаза лѣсть могутъ, все то теперь я въ тебѣ, совокупно примѣчаю. Легче бы мнѣ, въ согласїе съ простымъ нашимъ народомъ, повѣрить, что ты, попался было въ руки, нощнымъ страшилищамъ, для того, что и оные просто-народные враки, кажутся гораздо схоже съ правдою, нежели твое подземное путешествїе, но я, съ покорностїю только просилъ его, чтобъ терпеливымъ былъ, моимъ слушателемъ до тѣхъ поръ, пока окончаю; начатую рѣчь мою, и выпрося у него молчанїя, продолжалъ ему повѣсть мою, о подземныхъ приключенїяхъ, о различныхъ моихъ переворотахъ, и наконецъ отомъ, какъ я былъ превеликой, и ни съ какимъ на землѣ несравненной, монархїи основателемъ. Сїи всѣ мои росказы, еще больше приумножили въ немъ подозрѣнїе, которое онъ

содержалъ

содержалъ, о содружествѣ моемъ съ фаунами, или сатирами, и думалъ онъ, что я ихъ мечтаніями, обольщенъ будучи, тѣнь почиталъ тѣломъ, и такъ для извѣстнѣйшаго, о моемъ обаянствѣ, или волшебной заразѣ; и о количествѣ брѣду моего, увѣренія, началъ онъ выспрашивать у меня, о состояніи праведныхъ и осужденныхъ, о поляхъ Элисейскихъ, и о другихъ, тому подобныхъ дѣлахъ. Я примѣтя его умыселъ, на какой онъ конецъ, рѣчь свою склоняетъ, сталъ говорить ему. Не сержусь я на тебя Абелинъ, за твое невѣріе, вѣдая, что сіи мои росказы, не только тебѣ, но и всякому человѣку, сказками, и стихотворческими баснями покажутся; ибо всѣ мои приключенія, столько чудовищны, что они всякаго ума, вѣроятіе превосходятъ. Толькожъ я, совѣстною присягою утвердить могу, что я ничего не вымыслилъ и не прибавилъ, но все то, что только мнѣ ни приключилось, объявилъ я тебѣ просто и справедливо. Однако онъ и затѣмъ, въ невѣрствѣ упрямо пребывая, просилъ меня, чрезъ нѣсколько дней успокоиться, въ чаяніи, что оныя, въ мозгу моемъ волнованія, между тѣмъ времянемъ утихнутъ.

Когда я цѣлую недѣлю, въ домѣ его пожилъ, то хозяинъ оное время, какъ для

успокоенія моего, такъ и для прогнанія, прежней изъ головы моей шали, довольнымъ разсуждая, припомянулъ мнѣ опять, подземнаго путешествія исторію, о которой у насъ до того крайнее положено было молчаніе. Онъ тогда надѣялся, что уже съ дымомъ изчезла отъ меня, пятая моя рѣчь, вмѣстѣ съ порабощенными оной, двадцатью королевствами и княженіями, и что они, такъ въ умѣ моемъ уничтожились, что не только королевствѣ и княженіи, но и самаго маленькаго мѣстѣчка, или деревни мечтаемыхъ, во мнѣ не осталось. Однакожъ какъ услышалъ онъ, что я все твердилъ ему, въ совокупности и въ подробности тоже и тѣмъ же порядкомъ какъ и прежде, и въ заключеніи рѣчи о упрямомъ его изобличая невѣрствѣ, сверхъ того еще, противо полагалъ ему, нѣкоторыя такія дѣла, на которыя и самъ онъ, принужденъ былъ со мною соглашаться, а имянно: что я, а не иной, какъ онъ самъ знаетъ, за двѣнатцать лѣтъ назадъ въ яму опускался, и что я же наконецъ, въ незнаемомъ ему, и странномъ одѣяніи, въ отечество возвратился, то онъ отъ того, въ такое впалъ сомнѣніе, что въ скорости не нашелъ, что на мою рѣчь и отвѣтствовать. А я, увидѣвъ его ослабѣніе и заминку, больше наступалъ на него, показывая, что

его

его основанïе, по которому вѣритъ онъ, бытïе привидѣнïй и страшилищъ, не въ примѣръ сего моего путешествïя, уму несноснѣе. Ибо оно есть, нѣчто больше, какъ одни сонные мечты, которые только, къ бабьимъ баснямъ причислиться могутъ. Что же до моего путешествïя касается, то оно, во первыхъ имѣетъ основанïемъ, мнѣнïе различныхъ славныхъ философовъ, которые землю, во внутренности ее впуклою и другой въ себѣ свѣтъ, поменьше нашего содержащею утверждали. А притомъ и мое собственное, о истиннѣ сего мнѣнïя искусство, по которому я, чувствамъ моимъ, ни какъ не могу противиться.

Такими наконецъ, отъ меня доказательствами, побѣжденъ будучи сатрикъ, сказалъ: теперь ты Климъ, ученïемъ неподкрепленной умъ мой, совершенно одолѣлъ твоимъ постояннымъ, сказываемыхъ тобою вещей утвержденïемъ. Однакожъ вѣдай, что ежели ты ихъ ложно выдумалъ, то ложъ твоя вовсе безприбыльна, ибо тѣ вымыслы, ни какой тебѣ пользы, принесть не могутъ! и такъ увѣрясь, приказалъ мнѣ, всю мою о путешествïи, возобновить повѣсть. Въ ней ему безмѣрно понравилось слышать, о планетѣ Назарѣ, а особливо о княженïи Потуанскомъ,

котораго законы и уставы, почиталъ онъ такимъ правиломъ, по которому всѣмъ обществамъ, учреждаемымъ бы быть надлежало, причемъ примѣчалъ онъ и то, что описанїе, толь преизрядно распоряженнаго княженїя, изъ мозгу съ ума сшедшаго человѣка происходить не могло бы, сколько объ ономъ ни говорено мною, всѣ оныя слова, больше справедливыми, нежели вымышленными ему казались; и для того, чтобъ слышаннаго имъ не потерять изъ памяти, всему что я ему ни пересказывалъ, здѣлалъ онъ вѣрную, изъ устъ моихъ записку.

Такимъ образомъ я, приведши его въ совершенное о мнѣ увѣренїе, принялъ уже размышлять о себѣ самомъ, что мнѣ въ такихъ моихъ обстоятельствахъ дѣлать? и какое могъ бы онъ, пронарѣчь мнѣ въ отечествѣ моемъ, послѣ толь знатныхъ моихъ подъ землею похожденїй, состоянїе? сталъ я его спрашивать. Тогда онъ сказалъ мнѣ: совѣтую де тебѣ, чтобъ ты отнюдь ни кому сихъ твоихъ, не объявлялъ приключенїй, которыя, развѣ только робятамъ полюбятся, и отъ несмысленныхъ похвалу получить могутъ; знаешь ли де ты ревность учителей нашихъ? они какъ обыкновенно проклинаютъ всѣхъ

тѣхъ

тѣхъ, которые земли движеніе, а солнца стояніе доказываютъ, такъ равно и тебя, за твои о солнцѣ, и планетахъ подземныхъ росказы, безбожнымъ, и христіанскаго сограждансmва недостойнымъ, пронесутъ предъ всѣмъ народомъ. Первой магистеръ *Рулертъ*, какихъ на тебя бѣдъ не затѣетъ? Какими громами, разить тебя не устремится? Которой прошедшаго году, нѣкотораго гражданина въ публичное осудилъ наказаніе за то одно, что онъ утверждалъ, бытіе *Антиподовъ*. безъ сомнѣнія онъ, сіе о новомъ свѣтѣ ученіе огнемъ развѣ въ срубѣ исправлять присудитъ. Чего ради совѣтую и напоминаю тебѣ, чтобъ всѣ твои приключенія, въ вѣчномъ погребены были молчаніи, и чтобъ ты спокойно у меня чрезъ нѣкоторое время пожилъ. Между тѣмъ велѣлъ онъ мнѣ, тотчасъ изъ подземнаго платья передѣться въ нѣмецкое; и которые изъ тамошнихъ жителей, желая видѣть Іерусалимскаго сапожника, къ нему прихаживали, всѣхъ онъ осторожно, отъ дому своего отгонялъ, сказывая, что сапожникъ тотъ, тогожъ времени, изчезъ невидимо. Однакожъ слухъ тотъ, въ короткое время, по всему бергенскому уѣзду разнесся, и по всѣмъ, въ киркахъ канцелямъ и амвонамъ пророчества, и насту-

пающіе

пающіе, за онымъ сапожничьимъ явленіемъ бѣды, вездѣ гласились, ибо сказывано тамъ, что въ *Санапикѣ* пришелъ, Іерусалимской сапожникъ, гнѣва небеснаго проповѣдникъ, чтобъ людей увѣщать къ покаянію, и понеже обыкновенно, всякой слухъ въ прохожденіи своемъ приращаетъ, то и къ сей басни, весьма много прибавки, было прилгано. Такъ нѣкоторые сказывали, будто сапожникъ оной, предвозвѣщалъ преставленіе свѣта, и будто и срокъ оному, означилъ въ день Святаго Іоанна, въ которой, ежели не покаются люди, имѣетъ будто згорѣть весь міръ, и прочія тому подобныя, носились провозвѣстія. Отъ пророчествъ сихъ, такое въ нѣкоторомъ приходѣ зделалось было смятеніе, что крестьяны, и земли своей пахать не хотѣли, для того, что за преставленіемъ свѣта, не надѣялись дождаться жнитва. Чего ради прихода онаго пасторъ *Маг. Николай*, опасаясь, чтобъ не лишиться своей десятины, и другихъ доходовъ, принужденъ былъ объявлять своимъ прихожанамъ, что день послѣдняго суда отложенъ до будущаго года, и увѣщевалъ, чтобъ потому, не сомнѣвались они, за обыкновенную свою работу приниматься. А понеже причина таковыхъ вракъ, двоимъ только намъ, съ хозяиномъ моимъ была извѣстна, то мы

изъ

изъ того, всегдашняго между нами смѣха, имѣли матерїю.

Напослѣдокъ, когда въ чужемъ домѣ, долговремяннѣе скрываться, мнѣ было невозможно, и надлежало, чтобъ я ужѐ выходилъ на свѣтъ, то хозяинъ мой умыслилъ назвать меня, Нидорическимъ студентомъ, ему сродственнымъ, которой, будто недавно предъ тѣмъ, въ тамошній уѣздъ прїѣхалъ. И тотчасъ меня, съ такимъ усердїемъ, какъ словесно, такъ и писменно, рекомендовалъ бергенскому епископу, что тотъ препочтенной господинъ, обѣщалъ мнѣ дать, первое вакансовое, надъ школами ректорство. Чинъ сей весьма былъ мнѣ по мысли, для того, что онъ нѣсколько, потерянному моему состоянїю, соотвѣтствовалъ. Ибо школьное ректорство, есть нѣкоторой обр͛зъ и подобїе, правителства. Часто школьные ферули, по именамъ своимъ, смѣшиваются съ скипетрами, и учительской стулъ, не рѣдко катедрою, или престоломъ называется. Однакожъ, какъ чрезъ долгое время, никакой въ ректорствѣ ваканцїи не было, а между тѣмъ голодъ, для зубовъ моихъ столько былъ тяжекъ, что мнѣ болѣ, ожидать производства несносно стало, то я положилъ, все то принять за благо, что бы только мнѣ,

могло здѣлаться поскоряе, и по моему щастью, скоро въ то время, умеръ пономарь въ крестовой киркѣ, которому намѣстникомъ меня нарекъ епископъ. Смѣшнымъ правда, показалось мнѣ производство въ понамари такова человѣка, которой недавно, не одной Імперіи былъ монархомъ; однакожъ въ разсужденіи того, что людей, ни что столько посмѣятельными не дѣлаетъ, какъ нищета, и что глупое есть дѣло, брезговать мутною водою въ то время, когда смертная жажда, изневоляетъ человѣка; я отъ должности оной милостиво на меня налагаемой, не отказался и въ оной спокойно, и съ философскимъ великодушіемъ, по нынѣ старѣюсь. Не много послѣ оной моей переобразности, спустя времяни, здѣлался мнѣ случай, честнаго супружества, съ дочерью нѣкотораго, бергенскаго купца, именемъ *Магдалиною.* Полюбилась мнѣ, правда, оная дѣвица. Однако по причинѣ той, что я, сходственно съ правдою разсуждалъ, до того времяни еще живою, Квамскую императрицу, опасно мнѣ было, чтобъ женясь на *Магдалинѣ*, не попасть въ грѣхъ многоженства, толькожъ господинъ *Абелинъ*, которому я, со всѣми внутренними, тайностьми моими, обыкъ открываться, сомнѣніе сіе во мнѣ уничтожилъ, и глупость онаго, толь многими

изобличалъ

изобличалъ доказательствами, что я наконецъ, дѣвицу оную, сообщницѣю ложа моего, безъ всякаго сомнительства принялъ. Съ сею *Магдалиною*, чрезъ шесть лѣтъ уже нынѣ, согласное и любовное, содержу супружество, и хотя, подземныхъ моихъ приключеній, никогда я не обьявлялъ ей, однако, понеже славное оное достоинство, котораго я лишился, изъ ума моего, въ конецъ искорениться не могло, то нѣкоторые знаки, и дѣйствія отрыгались во мнѣ предъ нею такіе, которые нынѣшнему моему состоянію не горазда приличны были. Отъ сего брака, родилось мнѣ три сына, *Христіернъ*, *Іоганъ* и *Каспаръ*, такъ что всѣхъ сыновей у меня считать должно четверыхъ, ежели только Квамской принцъ, въ живыхъ находится.

КОНЕЦЪ

Типографскія погрѣшности

стран.	стр.	напеч.	читай
6	25	упамятовать	упамятовать
18	29	падняло	подняло
-	-	потощило	потащило
23	10	осматцатью	осмнатцатью
-	30	расркашены	раскрашены
30	25	озобличится	изобличится
46	13	естество	естества
53	28	нискакивали	наскакивали
58	3	удетжаться	удержаться
60	10	сочинвеній	сочиненіи
67	4	разнюсти	разности
68	25	нярода	народа
70	8	незываемой	называемой
77	2	чрезвычайнымъ	чрезвычайныхъ
89	29	общество	обществу
91	25	законрмъ	закономъ
107	3	чесши	чести
111	4	шкокы	школы
114	2	повелителянымъ	повелительнымъ
115	11	семнаиріи	семинаріи
117	22	неизвѣстныи	неизвѣстны
122	26	божескхиъ	божескихъ
153	22	резличными	различными
154	26	въ ними	съ ними
157	18	когла	когда
160	30	сею	ею
163	5	на удно	на судно
-	18	Лагики	Логики
164	16	поощриются	поощряются

стран.	стр.	напеч:	читай
	23	разпится	разнится
-	24	гражданими	гражданами
157	12	политическія	политическихъ
-		установленія	установленій
168	27	унихъ	у нихъ
173	7	судьей	судей
178	15	другъ	вдругъ
182	7	непріямелями	непріятелями
-	28	овтавя	оставя
185	15	өной	оной
186	25	онөй	оной
192	25	отправляется	отправляются
196	7	тнмахъ	томахъ
197	29	единственное	единственно
198	15	издивенія	иждивенія
219	29	несѣкомыии	несѣкомыми
225	21	пребогата	пребогато
228	23	начасъ	началъ
229	29	сказываю	сказать
234	15	Штерколвтовъ	Штерколатовъ
235	21	вы	бы
236	3	ьъ	въ
-	8	начами	ночами
-	22	проиладными	прохладными
239	13	спорѣной	споръ оной
-	19	обывновенно	обыкновенно
-	29	нопреважныхъ	о преважныхъ
240	21	поклоневіемъ	поклоненіемъ
242	7	яменемъ	именемъ
843	27	натуральнной	натуральной
244	13	назсужденіи	разсужденіи

стран.	стр.	напеч.	читай
	14	за удовальствїе	за удовольствїе
-	17	несправедли-	несправедли-
-	-	восшь	вость
247	11	свидѣтесшва	свидѣтельства
-	21	зивтность	знатность
249	3	шюрмѣ	тюрмѣ
-	7	притли	пришли
-	27	убравтись	убравшись
-	30	спративать	спрашивать
-	-	злдиковина	за диковина
250	6	ие	не
-	24	протенїи	прошенїи
251	19	асего	сего
252	16	свѣтлѣйтїи	свѣтлѣйшїй
253	7	неошрѣкаюсь	не отрѣкаюсь
254	12	прозвали	призвали
-	13	инчалнѣйшїи	начальнѣйшїй
-	23	иредъ	предъ
255	4	какидосанъ	Какидоранъ
-	30	предсшательсшво	предстатель-ство
256	11	сказати	сказать
-	12	вилѣлъ	видѣлъ
259	28	непостыдилая	не постыдил-ся
261	22	неотписанною	неописанною
264	6	одкровенное	откровенное
268	11	всшупать	вступать
270	22	*мерендорическая*	*Мезендоричес-кая*
281	13	испекторская	инспекторская

стран.	стр.	напеч.	читай
	25	у икарданцовъ	у Пикардонцовъ
282	2	проговорено	приговорено
285	23	камъ	какъ
286	5	крошенїемъ	прошенїемъ
-	16	прощались	попрощались
287	26	прекращенїе	прекращенїи
288	24	стягощаются	отягощаются
290	20	заьоновъ	законовъ
292	10	городсаой	городской
294	5	сланваго	славнаго
-	18	которые	которое
-	21	мягкодущїе	мягкодушїе
297	17	которыами	которыми
298	16	шѣла	тѣла
306	25	трогять	трогать
307	12	яблонейа	яблоней
309	5	изъ васъ	изъ насъ
-	27	Циических	Цинических
310	22	достоиство	достоинство
311	15	но доказательствѣ	но о доказательствѣ
-	26	комнѣ	кромѣ
315	28	саленъ	силенъ
-	29	нолу	нолу
316	18	и прочти	и почти
-	23	рави	ради
318	21	узумѣлись	изумѣлись
-	25	хотя	хотимъ
322	14	смѣшавтись	смѣшавшись
330	3	распредѣлаетъ	распредѣляетъ

333

стран.	стр.	напеч.	читай
333	7.	преостроумѣйше-му	преостроумнѣй-шему
335	8	отривки	отрывки
337	4	запрещаетеся	запрещается
346	3	великанонъ	великаномъ
348	14	въ мѣсти	вмѣсто
355	18	чшо	что
359	1	шакихъ	такихъ
373	9	требовавій	требованій
375	17	потли	пошли
-	28	бывтихъ	бывшихъ
376	1	неретѣнился	перемѣнился
380	2	было	бы
-	10	приисходилибы	происходили бы
383	3	приватнимъ	приватномъ
384	10	въ престолъ	на престолъ
-	16	больте	больше
387	3	Акександромъ	Александромъ
-	6	старсть	страсть
388	1	понавѣстнымъ	по извѣстнымъ
-	23	Квомакой	Квамской
389	21	п.рабостить	поработить
390	3	ругатедьствами	ругательствами
395	26	лолгое	долгое
396	14	велилимъ	великимъ
399	27	устрашая	устрашась
400	29	рядовой	родовой
419	5	тѣло сохраните-льнымъ	тѣлохранитель-нымъ
421	12	порожало	поражало
427	8	въ сей	всей
-	22	Квамскихъ	Квамскимъ
438	9	справедлиными	справедливыми

У Кистова

Ли.

38: о диспутах и о диспута-
торахъ: о чемъ заботливы
122 о исправлении человѣческаго
имени
96 о питании грудми матерними